

С.А. Корсун

СОБРАНИЕ МАЭ ПО НАРОДАМ РУССКОЙ АМЕРИКИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ

Введение

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук является наследником старейшего отечественного музея – Петербургской Кунсткамеры, основанной в 1714 г. За три столетия в нем было собрано более трехсот тысяч этнографических экспонатов, отражающих традиционную культуру многих народов мира. Среди них достойное место занимает собрание по этнографии коренного населения Северной Америки и, прежде всего, Русской Америки.

Обычно под Русской Америкой понимается территория на северо-западе континента, которая включает Аляску с окружающими ее островами, а также небольшой район в Северной Калифорнии, где располагалось селение Росс и несколько сельскохозяйственных ферм. Этот район населяли алеуты, эскимосы, северные атапаски, тлинкиты и индейцы Калифорнии.

Фонды по народам Русской Америки начали формироваться в Музее с середины XVIII в. Благодаря активной собирательской деятельности ученых, мореплавателей, служащих Российско-Американской компании Музей стал обладателем наиболее ранних по времени сбора коллекций. Европейские и американские музеи стали заниматься сбором материалов на территории Аляски и Калифорнии несколько позже – в основном с конца XIX в. К этому времени многие элементы традиционной культуры аборигенов были уже утрачены или подверглись сильному влиянию европейцев. Поэтому собрание МАЭ по народам Русской Америки имеет непреходящую научную ценность для исследователей, аборигенов Аляски и Калифорнии и широкой публики. Свидетельство тому – многочисленные международные выставки, на которых демонстрируются коллекции Музея.

К сожалению, из-за несовершенной системы учета и регистрации, существовавшей в XVIII–XIX вв., многие предметы из собрания МАЭ не имеют необходимой для их атрибуции сопроводительной документации. Из-за этого часто возникает вопрос, насколько достоверным источником являются отдельные экспонаты и коллекции. В ряде случаев как в научных публикациях, так и в музейной документации одни и те же предметы приписываются разным народам. Именно поэтому необходимо иметь достоверные сведения по атрибуции экспонатов.

Следует отметить, что термин «атрибуция» в отношении этнографических экспонатов еще недостаточно разработан. Так, сотрудниками Российского этнографического музея был издан справочник «Атрибуция му-

зейного памятника» [СПб., 1999], но эта работа посвящена только описательным (внешним) характеристикам экспонатов. Что касается собирательских документов, то авторы справочника исходят из положения, что такие документы в отношении конкретных экспонатов либо имеются, либо отсутствуют, вопрос о том, какова их роль при атрибуции коллекций, они не рассматривают.

Укажем на особенности атрибуции этнографических экспонатов. Для этого должны учитываться не только описательные характеристики, по которым определяется назначение предмета, но и сведения о том, когда и где он был приобретен, кто является его собирателем.

Так, если известна фамилия собирателя, то, исходя из данных его биографии и зная маршрут его путешествий, можно определить, в каком районе и у какого народа были приобретены коллекции. Кроме того появляется возможность использовать при описании отдельных предметов из этих коллекций оригинальные сведения самого собирателя, а не данные других лиц. Установление места сбора экспоната позволяет не только определить его этническую принадлежность, но и – если предмет по материалу, технике изготовления, форме и орнаменту отличается от других образцов материальной культуры своего народа – проследить этнокультурные связи последнего. Знание времени сбора дает возможность выявить хронологические рамки бытования предмета в культуре того или иного народа, а также проследить временные изменения формы, материала, орнамента однотипных предметов (например, орудий охоты, одежды, головных уборов и т.д.).

Таким образом, даже отрывочные данные собирателей дают важную информацию, позволяющую уточнить этническую принадлежность предметов, районы их сбора и время бытования. В зависимости от полноты сопроводительной информации атрибуция может быть предварительной, документальной и полной.

Предварительная атрибуция производится по характерным внешним признакам предмета – форме, материалу, орнаменту. Она позволяет отнести его к тому или иному народу или же к населению определенной историко-этнографической области. Но поскольку многое здесь зависит от специалиста, который проводит атрибуцию, его эрудиции и профессионализма, постольку такая атрибуция не всегда дает точный ответ на вопрос об этнической принадлежности того или иного предмета.

Документальная атрибуция позволяет установить на основе документальных данных собирателя сведения о том, кто, когда и где приобрел предмет и соответственно – в какое время, в каком регионе и у какого народа он был в употреблении. Конечно, собиратели могли ошибаться, но, как правило, они знали, где и у кого приобретали вещи. Главная задача – уточнить этническую принадлежность предмета. Значение документальной атрибуции возрастает в отношении наиболее ранних коллекций, так как некоторые предметы из их состава не имеют аналогов в музейных фондах и их не с чем сравнивать.

Изучение документальных материалов собирателя имеет большое значение для атрибуции. Так, в ходе изучения музейной документации уда-

лось установить, что тлинкитская циновка № 570 / 64 была зарегистрирована в МАЭ как изделие индейцев Калифорнии, а головной убор индейцев Калифорнии № 2930 / 20 – как рыболовная сеть эскимосов. Зададимся вопросом, если бы не было документов, каким еще способом можно было бы установить этническую принадлежность и назначение этих экспонатов? Только с помощью специалистов по плетению, хорошо знающих материалы и тлинкитов, и индейцев Калифорнии. При этом им пришлось бы изучить в МАЭ все образцы плетения аборигенов Америки. Теоретически это возможно, но практически почти не реально.

Что касается полной атрибуции, то она обобщает данные предварительной и документальной атрибуции и завершается научным описанием.

Полная этнографическая атрибуция в идеале необходима для всего собрания Музея, но она занимает много времени и является задачей не одного исследователя, а целого коллектива специалистов. Поэтому начинать работу нужно с экспонатов со спорной атрибуцией. Например, в МАЭ есть предметы, которые были приобретены у тлинкитов, но по материалу, технике изготовления и орнаменту они являются атапасскими. Именно в отношении таких предметов необходима полная атрибуция.

Этнографическое описание помогает при атрибуции, но не является ее обязательной частью. Цель атрибуции – установление категориальной принадлежности предмета, его этнической принадлежности и времени бытования. Цель описания – определение его функционального назначения. Например, для атрибуции маски необходимы сведения о ее материале, орнаменте, этнической принадлежности и времени бытования, выяснение же вопросов о том, какого духа изображает маска, во время какого ритуала она использовалась, кто мог ее надевать, какие мифы и предания с ней связаны и т.д. – является задачей научного этнографического описания.

Настоящая работа посвящена документальной атрибуции не всего собрания МАЭ по народам Русской Америки, а лишь тех его предметов в отношении которых в публикациях или музейной документации имеются неточности. Коллекции, имеющие документацию, необходимую для их атрибуции, или те, по которым не удалось обнаружить новых документальных свидетельств, будут только упомянуты в разделе, посвященном истории формирования, учета и регистрации американского собрания МАЭ. Исследование проведено на основе выявления, изучения и сравнительного анализа целого комплекса источников для каждого отдельного предмета. Речь идет, во-первых, о музейной документации, во-вторых, о документах собирателей, в-третьих, о материалах, посвященных истории формирования американских фондов МАЭ, в-четвертых, об иллюстративных материалах собирателей, в-пятых, о публикациях XVIII–XIX вв. по истории Музея и его коллекций, которые в ряде случаев можно рассматривать как оригинальные письменные источники. Были также изучены отдельные предметы и собирательские коллекции. Применение комплексного метода позволило провести документальную атрибуцию нескольких сот предметов, в отношении которых отсутствовали или были утрачены сведения об их точной этнической принадлежности, времени и районах бытования.

Источники и историография

При подготовке работы были использованы следующие основные группы источников: документы ПФА РАН, РГА ВМФ, архива МАЭ, музейная документация, сочинения и другие работы собирателей.

В ПФА РАН были изучены следующие фонды.

Фонд № 2 содержит итоговые списки коллекций И.Г. Вознесенского по народам Русской Америки, составленные им в 1845 г.

Фонд № 3 содержит документы по истории поступления американских коллекций в Кунсткамеру в XVIII в. Это копии списков собраний А.М. Юрлова, А. Очередина, Т.И. Шмалева и др.

Фонд № 46 содержит большую работу К.К. Гильзена, посвященную деятельности И.Г. Вознесенского во время его пребывания в Русской Америке и на Северо-Востоке Сибири в 1840–1849 гг. Здесь процитировано несколько писем И.Г. Вознесенского к консерватору Зоологического музея Е.И. Шрадеру и другим сотрудникам Академии наук.

Фонд № 53 содержит полевые записи и дневники И.Г. Вознесенского.

Фонд № 142 состоит из большого числа документов по истории МАЭ. Среди них – черновики списков этнографических коллекций И.Г. Вознесенского, копии и оригиналы списков коллекций Ю.Ф. Лисянского, Л.А. Загоскина, Л.И. Шренка и др. Наибольший интерес представляет тематический список всего собрания И.Г. Вознесенского, на ста листах, по народам Русской Америки. Этот документ был составлен К.К. Гильзеном в начале XX в. Здесь, кроме названий предметов, ко многим из них процитированы сведения И.Г. Вознесенского об их использовании и материале. Документы фонда имеют первостепенное значение для темы исследования. Укажем наиболее важные из них.

Опись 1, № 1 – «Журнал материальных поступлений Музея».

Опись 1, № 3 – «Каталог искусственным вещам и одежде разных европейских, азиатских и американских народов. XVIII в.».

Опись 1, № 5 – «Списки коллекций академика Шренка, вывезенные с берегов Амура и других мест».

Опись 1, № 6 – «Каталог искусственным вещам и одежде разных европейских, азиатских и американских народов от Ю. Лисянского. 1806.».

Опись 1, № 8 – «Списки, заметки, письма И.Г. Вознесенского и других лиц по сбору ботанических, зоологических и этнографических коллекций на северо-западных берегах Америки, в Бразилии, Китае и других местах».

Опись 1, № 9 (документы И.Г. Вознесенского) – «Опись этнографических предметов, собранных от обитателей Камчатки, Алеутских островов, Калифорнийских индейцев и иных стран жителей Российских владений в Северо-Западной Америке»; «Разные предметы, для этнографии, относящиеся к одежде и искусству обитателей берегов: Северо-Западной Америки, Алеутских островов и иных стран»; «Список этнографических предметов, посланных через Охотск»; «Списки этнографических предметов, выменянные у индейцев Северо-Западной Америки, островитян Берингова моря, Алеутского архипелага и Курильских островов и жителей Мечегментского залива для Музея Императорской Академии наук препаратором Ильей Вознесен-

ским и отправленных в Санкт-Петербург из Ново-Архангельского порта, на кругосветном корабле Гудзоно-байской компании»; «Этнографические предметы жителей Северо-Западной Америки и Алеутского архипелага, подаренные г. Кадыакским правителем И.С. Костромитиновым»; «Этнографические вещи купленные для коллекций Музея Императорской Академии Наук в Ново-Архангельском порте, на острове Ситха» и другие.

Опись 1, № 10 – «Список этнографических предметов, собранных лейтенантом Л. Загоскиным в 1842–1844 гг.».

Опись 1, № 29 – «Отчеты академика Шрадера и консерватора Л. Радова о поступлении коллекций в Музей за 1842–1855, 1858, 1862, 1863 гг. и заметки о размещении коллекций в 1843–1863 гг.».

Ряд документов, рассказывающих о сборе этнографических коллекций отечественными мореплавателями, был изучен в РГА ВМФ, среди них «Роспись редкостям собранным для Его Высочайшего Государства Господина Морского Министра флота Капитаном Головинным в путешествие его вокруг Света в 1817, 1818 и 1819 годах» [Ф. 25. Оп. 1. Д. 114]; «Реестр редкостей, собранных во время вояжа на шлюпе Аполлон под командою капитан-лейтенанта Хрущева, посылаемые в Музеум Государственного Адмиралтейского Департамента» [Ф. 215. Оп. 1. Д. 764]; «Ведомость разным редкостям, поступившим со шлюпа Ладога от капитан-лейтенанта Лазарева» [Ф. 215. Оп. 1. Д. 599] и другие.

В Архиве МАЭ зарегистрирован фонд К–IV, в нем сосредоточены «Журналы поступлений МАЭ» XIX–XX вв., копии и оригиналы списков различных коллекций, а также другие архивные материалы по истории Музея.

К музейной документации относятся те источники, которые не имеют специальных архивных номеров и находятся на хранении в отделах Музея. Речь, прежде всего, идет о сопроводительной документации к коллекциям. Это списки, составленные собирателями или музейными сотрудниками в XIX в., и письма собирателей о содержании коллекций и их передаче. Как правило, такие документы хранятся вместе с описями коллекций. Также к музейной документации относятся этикетки собирателей и сотрудников Музея к отдельным предметам. Здесь, кроме номеров, часто указано название предмета, а иногда его этническая принадлежность, время и район сбора.

Письменными источниками, наряду с архивными и музейными материалами, являются также сочинения тех собирателей, которые оставили описание отдельных предметов в своих публикациях. Это работы К.Г. Мерка [Этнографические материалы...], И.И. Биллингса [Из журнала И.И. Биллингса...], Ю.Ф. Лисянского [Лисянский 1947], Л.А. Загоскина [Путешествия и исследования...] и др.

Научное описание и публикация собрания Музея по народам Русской Америки начались только с конца 20-х гг. XX в. Рассмотрим некоторые итоги этой работы. Прежде всего, обратим внимание на публикации, посвященные истории формирования коллекций и деятельности отдельных собирателей.

К самым ценным собраниям Музея относятся сборы И.Г. Вознесенского. Поэтому неудивительно особое внимание исследователей к его деятельности

на Аляске и в Калифорнии в 1840–1845 гг. Первым, кто начал выявлять и регистрировать собрание И.Г. Вознесенского, был сотрудник МАЭ К.К. Гильзен. Ему принадлежит и первая научная публикация о собирательской деятельности И.Г. Вознесенского [Гильзен 1916]. В середине XX в. изучением вклада И.Г. Вознесенского в этнографию народов Русской Америки занимались М.В. Степанова [Степанова 1944], Б.А. Липшиц [Липшиц 1950], Е.Э. Бломквист [Бломквист 1951; Blomkwist 1972].

В честь 150-летия со дня рождения И.Г. Вознесенского в 1967 г. был опубликован сборник МАЭ. Он открывается обзорной статьей Р.Г. Ляпуновой, посвященной экспедиции И.Г. Вознесенского в Русскую Америку [Ляпунова 1967]. Во многом эта статья подготовлена на основе публикации К.К. Гильзена [Гильзен 1916] и ее расширенного неопубликованного варианта [ПФА РАН. Ф.46. Оп. 1. № 2–3]. В дальнейшем деятельность И.Г. Вознесенского продолжала привлекать внимание исследователей. Так, в 1977 г. была опубликована его подробная научная биография [Алексеев 1977; Alekseev 1987]. В том же году появилась статья П.М. Кожина об этнографических наблюдениях И.Г. Вознесенского в Калифорнии [Кожин 1977]. Работа по изучению научного наследия И.Г. Вознесенского велась и в последние десятилетия [Окладникова 1981; 1984; 1997].

Американские исследователи также проявили определенный интерес к деятельности И.Г. Вознесенского. Т.С. Блэкбарн и Т. Хадсон сделали описание ряда предметов индейцев Калифорнии из его сборов [Blackburn, Hudson 1990], а К.Д. Бэйтс посвятил статью собирательской деятельности И.Г. Вознесенского среди индейцев Калифорнии [Bates, 1983].

Не осталась без внимания исследователей и деятельность других собирателей на территории Русской Америки. Так, Б.А. Липшиц посвятила отдельные статьи деятельности А.Ф. Кашеварова [Липшиц 1952] и Л.А. Загоскина [Липшиц 1956]. А.Д. Авдеев в статье, посвященной описанию алеутских масок, привел интересные сведения об их собирателе И.И. Архимандритове [Авдеев 1959; Avdeev 1964]. Е.А. Окладникова занималась изучением собраний Ю.Ф. Лисянского [Окладникова 1995] и В.М. Головнина [Окладникова 1993].

Несколько статей опубликовано по истории формирования коллекций МАЭ, происходящих со всей Северной Америки [Кинжалов 1980; Корсун 1998; Zolotarevskaja, Blomkwist, Zibert 1958; Kinzhalov 1983], Русской Америки [Степанова 1947; Липшиц 1955; 1956; Korsun 2000] или из ее отдельных регионов [Окладникова 1994; Дзенискевич 1977].

Далее, обратимся к публикациям, посвященным этнографическому описанию коллекций по отдельным народам. Начнем с работ общего характера. К ним можно отнести иллюстрированные альбомы о МАЭ [Ганюшкина, Разумовская, Шаврина 1973; Its 1989] и первый том «Народов Америки» [М., 1959], в котором коллекции Музея использованы в качестве иллюстративного материала. В 1967 г. одновременно в Праге и Лондоне был издан альбом по культуре тлинкитов из собрания МАЭ и Музея антропологии при МГУ (Siebert, Forman 1967; 1967a). К работам общего характера можно также отнести каталоги зарубежных выставок, на которых экспонировались коллекции Музея по народам Русской Америки.

Так, в 1973 г. в США работала выставка «Дальний Север. 2000 лет искусству американских индейцев и эскимосов» [The Far North...]. МАЭ предоставил для участия в этой выставке двадцать пять экспонатов по культуре алеутов, эскимосов и тлинкитов.

В 1988 г. в Канаде работала выставка «Песни духов. Художественные традиции коренных народов Канады» [The Spirit sings...], на которой экспонировалось несколько предметов ирокезов, атапасков, тлинкитов из собрания МАЭ, а в США – выставка «На стыке континентов. Культура Сибири и Аляски», по результатам которой был издан подробный каталог с описанием свыше семидесяти предметов из коллекций МАЭ по народам Аляски [Crossroads...].

В 1990–1992 гг. в США работала выставка «Русская Америка: забытая граница», где были представлены пятнадцать предметов народов Аляски и Калифорнии из собраний МАЭ, их описание не вошло в работу, опубликованную по результатам выставки [Russian America...].

В 1996 г. в Германии проходила выставка изделий из кости народов Сибири и Аляски, в каталоге которой дано краткое описание 35 предметов народов Аляски из собрания МАЭ [Wunderwelt Arktis...], а в Испании – специализированная выставка, посвященная искусству тлинкитов, где было представлено более семидесяти предметов из собрания МАЭ [Arte del pueblo...].

В 1999–2000 г. в Барселоне, Мадриде и Хьюстоне проходила международная выставка по культуре индейцев северо-западного побережья Северной Америки «Духи воды. Искусство аборигенов, собранное экспедициями на Аляске и в Британской Колумбии, 1774–1910». МАЭ предоставил для этой выставки более двадцати предметов по культуре индейцев тлинкитов [Esperits...; Spirits of the Water...].

В 2000–2001 гг. в Анкоридже и Сан-Франциско работала выставка «Наука под парусами. Великие русские путешествия в Америку, 1728–1867», в которой было задействовано более тридцати предметов из самых ранних коллекций МАЭ по народам Аляски [Science Under Sail...].

В 2001 г. в Цюрихе в течение полугода работала специализированная выставка, посвященная искусству тлинкитов из собрания МАЭ [Tlingit...]. На выставке было представлено более ста двадцати предметов, из которых около половины экспонировались впервые.

В 2002 г. в Париже проходила выставка, посвященная культуре эскимосов острова Кадьяк, с участием нескольких экспонатов из МАЭ [Kodiak, Alaska...].

В 2002–2003 гг. в Финляндии и Швеции работала выставка «Арктическая цивилизация», организованная совместно отделом народом Сибири и отделом народов Америки МАЭ. Всего на ней экспонировалось около пятисот предметов, из них более ста тридцати – по культуре американских эскимосов и алеутов [Arktiset...]. В тот же период в городе Дортмунд, в Германии работала комплексная выставка, посвященная Кунсткамере и ее роли в формировании и развитии науки в России. Наряду с другими экспонатами МАЭ здесь были представлены и вещи народов Русской Америки [Palast des Wissens...].

В 2003 г. в стенах МАЭ при содействии консульства США в Петербурге прошла выставка «Россия – Америка: 300 лет в книгах, картах, документах», на которой кроме экспонатов МАЭ были задействованы документы и книги из собраний ПФА РАН и Библиотеки РАН [Россия – Америка...].

В 2004 г. предметы из американского собрания МАЭ экспонировались на двух международных выставках: в Тампере (Финляндия) и в Торонто [Appeasing the Spirits...].

Книги, альбомы и каталоги вышеуказанных выставок могут дать исследователям наглядное представление о значительной части экспонатов МАЭ по народам Русской Америки, о многих из них пойдет речь и в настоящей работе.

И, наконец, отметим работы, посвященные непосредственно описанию предметов. В этом направлении уже проведена значительная работа. Большой вклад в изучение алеутского собрания МАЭ внесла Р.Г. Ляпунова. В 1963 г. вышла ее статья, посвященная описанию орудий охоты алеутов [Ляпунова 1963]. Доклад по этой же теме Р.Г. Ляпунова сделала в 1964 г. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук [Ляпунова 1964; Lyapunova 1970]. В том же году вышла ее статья с описанием алеутских байдарок [Ляпунова 1964a], в 1967 г. – с описанием изделий из кости алеутов [Ляпунова 1967a], в 1975 г. – алеутского плетения [Ляпунова 1975]. Исследования материальной культуры алеутов были обобщены и развиты Р.Г. Ляпуновой в монографии, опубликованной в 1975 г. [Ляпунова 1975a]. Начатое в монографии исследование алеутских головных уборов было продолжено автором в двух статьях [Ляпунова 1976; 1985].

Оценивая труды Р.Г. Ляпуновой, необходимо отметить, что она стремилась дать этнографическое описание всего собрания МАЭ по алеутам. Но, к сожалению, она во многом основывалась на мнении первых регистраторов коллекций. Предметы, которые были зарегистрированы в описях в конце XIX – начале XX вв. как алеутские, Р.Г. Ляпунова и считала алеутскими, не подвергая их атрибуцию критическому анализу. Между тем, как будет показано в следующем разделе, ранее при первичной регистрации на этническую принадлежность обращалось мало внимания, экспонаты относились к тому или иному народу лишь на основе характерных внешних признаков.

Такое не критическое отношение к музейной документации привело Р.Г. Ляпунову к многочисленным ошибкам. Наиболее слабой является ее первая статья, посвященная описанию орудий охоты алеутов [Ляпунова 1963]. Практически без всякой аргументации Р.Г. Ляпунова разделила метательные дощечки алеутов на два типа – «прямоугольные» и «мечевидные», в то время как последний тип метательных дощечек не был характерен для алеутов. Их заимствовали у эскимосов только алеуты Шумагинских островов и полуострова Аляска, в музейных собраниях они встречаются довольно редко.

Отдельные ошибки встречаются и в других публикациях Р.Г. Ляпуновой. Так, она посчитала алеутскими два костяных жезла [Ляпунова 1967a: 47], в то время как собиратель одного из этих жезлов В.М. Головин указал на его принадлежность эскимосам-кадьядкам с полуострова

Аляска [РГА ВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 114. Л. 47]. Также Р.Г. Ляпунова неверно определила этническую принадлежность шляпы-козырька эскимосов острова Кадьяк (№ 4270 / 96), она считала ее алеутской (Рис. 1) [Ляпунова 1985: 35]. Данный головной убор даже по таким признакам, как форма, материал и орнамент, отличается от аналогичных изделий алеутов.

Необходимо отметить, что Р.Г. Ляпунова совершенствовалась как исследователь и в более поздних публикациях указывала на неточности, допущенные ранее. Так, в статье, посвященной характеристике собрания МАЭ по эскимосам острова Кадьяк, она пишет, что эскимосский манчик (№ 571 / 37) ранее определялся ею как алеутский [Ляпунова 1998: 24]. Главной заслугой Р.Г. Ляпуновой является комплексное исследование собрания МАЭ по алеутам.

Изучением алеутского орнамента на головных уборах и орудиях охоты, в том числе из собрания МАЭ, занимался С.В. Иванов. Он посвятил изучению этого вопроса специальную статью [Ivanov 1930], отдельные главы в монографиях [Иванов 1954: 476–504; 1963: 181–188] и раздел в историко-этнографическом атласе народов Сибири [Иванов 1961: 345–369]. С.В. Иванов занимался и изучением миниатюрной алеутской скульптуры из кости [Иванов 1949а].

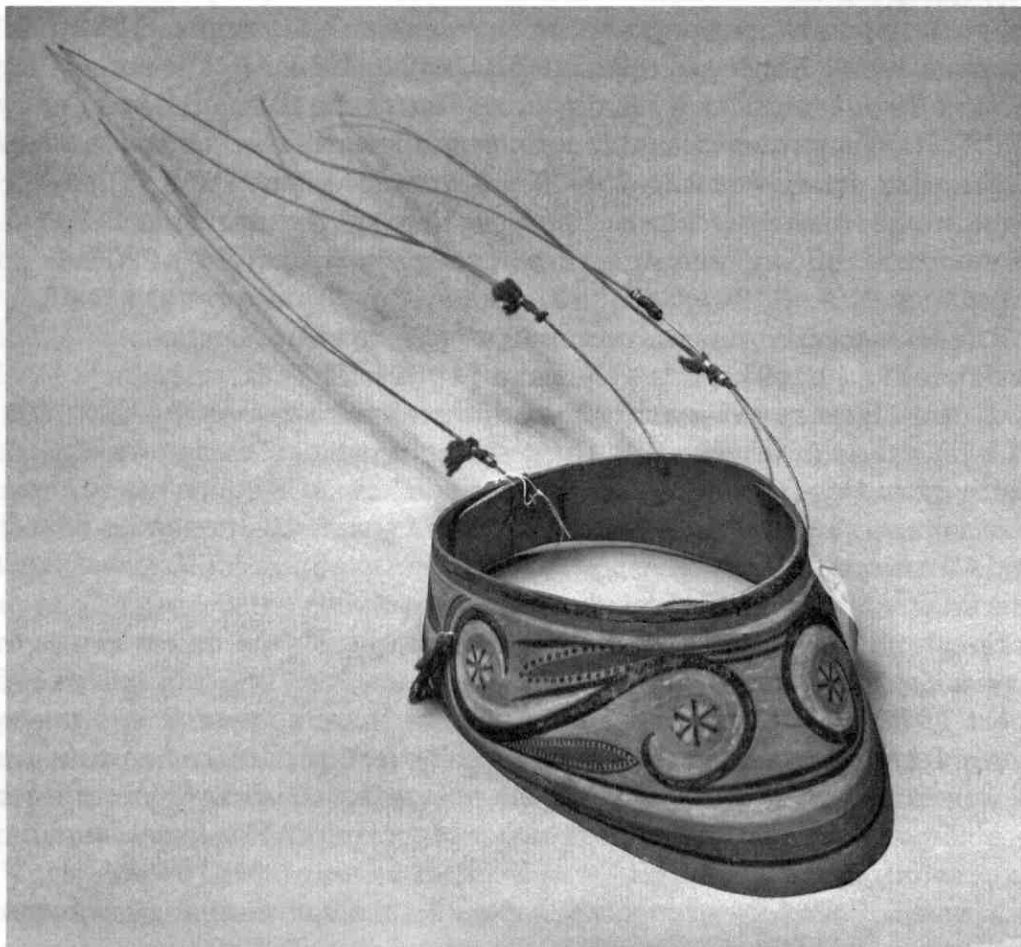

Рис. 1. Шляпа-козырек кадьякцев (№ 4270 / 96).

Комплексный анализ двух уникальных масок алеутов острова Атха сделал А.Д. Авдеев [Авдеев 1959; Avdeev 1964]. Изучением алеутского собрания МАЭ занималась также Л.Т. Блэк – американский искусствовед. В 1982 г. она опубликовала монографию «Алеутское искусство» [Black 1982], где был сделан анализ и помещены фотографии нескольких десятков предметов МАЭ: головных уборов, моделей байдарок, изделий из кости. В 2003 г. эта работа была переиздана со значительными изменениями и дополнениями [Black 2003]. Деревянными головными уборам алеутов Л.Т. Блэк посвятила специальную работу [Black 1991]. На её страницах дан сравнительный анализ алеутских и эскимосских головных уборов и помещены фотографии большинства экспонатов из собрания МАЭ.

По этнографии эскимосов, в сравнении с другими коренными народами Северной Америки, имеется самое большое количество публикаций на русском языке – более двухсот. В то же время музейные коллекции изучены явно недостаточно. Собрание МАЭ по эскимосам насчитывает около двух тысяч предметов различных эскимосских групп, населявших территорию от залива Принс Уильям до Гренландии. Наибольший интерес среди них представляют коллекции по эскимосам Аляски: чугачам, кадьякам, катмайцам, эскимосам Берингоморья. Из работ общего характера можно назвать только статью Р.Г. Ляпуновой по кадьякским коллекциям [Ляпунова 1998], три ее статьи посвящены описанию кадьякских ритуальных масок и связанных с ними праздничных представлений [Ляпунова 1992; 1997; Liapunova 1994]. Еще одна статья Р.Г. Ляпуновой содержит описание эскимосской коллекции И.И. Биллингса [Ляпунова 1980]. В последней работе Р.Г. Ляпунова сделала ошибку в определении этнической принадлежности камлейки эскимосов из района Берингова пролива (№ 562 / 1), которую она посчитала изделием эскимосов острова Кадьяк. К сожалению, Р.Г. Ляпунова не смогла сопоставить вещи со списком собирателя [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 381–384].

Ряд эскимосских предметов описан в работах М.В. Степановой [1949], С.В. Иванова [1949], Д.А. Сергеева [1967], Л.Т. Блэк [Black 1991]. Б.А. Липшиц сделала краткое описание всей коллекции Л.А. Загоскина [1956a]. Канадский этнолог Д.В. Циммерли в сводной работе по исследованию водного транспорта народов Аляски и Северо-Востока Сибири поместил описание нескольких моделей алеутских байдарок и эскимосских каяков из собрания МАЭ и настоящего трехлючного каяка эскимосов острова Кадьяк (№ 536 / 24) из коллекции Ю.Ф. Лисянского [Zimmerly 1986].

Большой интерес представляют коллекции Музея по северным атапаскам. Комплексное их изучение осуществила Э.В. Зиберт [Зиберт 1967; Siebert 1977; 1980]. Она сделала описание более восьмидесяти предметов, но несколько вещей не учла: металлический кинжал татаина, две церемониальные маски ингаликов и т.д. Возможно, что атапасские вещи есть в сборных коллекциях, которые зарегистрированы как «старинные поступления музея».

Кроме Э.В. Зиберт изучением собрания МАЭ по северным атапаскам занимались И.П. Труфанов и Г.И. Дзенискевич. И.П. Труфанов сделал описание томагавков [Труфанов 1967; Troufanoff 1970], Г.И. Дзениске-

вич опубликовала статьи по орнаменту [Дзенискевич 1976], орудиям охоты и рыболовства [Дзенискевич 1975] и сделала описание атапасских вещей из коллекции В.И. Кашеварова [Дзенискевич 1980]. К сожалению, Г.И. Дзенискевич не учла весь комплекс музейной и архивной документации по этой коллекции и повторила ошибку Б.А. Липшиц [Липшиц 1952], посчитав, что ее собирателем был А.Ф. Кашеваров. Г.И. Дзенискевич подготовила также монографию по северным атапаскам, где подробно оставалась на изучении их материальной культуры, главным образом на основе коллекций МАЭ [Дзенискевич 1987].

Коллекции МАЭ по тлинкитам и другим индейцам северо-западного побережья постоянно вызывают большой интерес у исследователей. Как уже упоминалось, в 1967 г. в Праге на немецком языке был издан иллюстрированный альбом с тлинкитскими коллекциями [Siebert, Forman 1967], который был сразу же переиздан в Лондоне уже на английском языке [Siebert, Forman 1967a]. Вещи тлинкитов многократно экспонировались на зарубежных выставках.

Имеется несколько общих статей, в которых характеризуются тлинкитские коллекции Музея [Разумовская 1968; Окладникова 1996; Dzeniskevich 1987; Dzeniskevich 1996], и целый ряд статей, посвященных описанию отдельных предметов. Так, в 1927 г. С.А. Ратнер-Штернберг опубликовала статью с описанием шаманских принадлежностей, в 1929 г. — церемониальных принадлежностей, в 1930 г. — предметов вооружения тлинкитов [Ратнер-Штернберг 1927, 1929, 1930]. При подготовке вышеуказанной серии статей С.А. Ратнер-Штернберг не удалось избежать неточностей в определении этнической принадлежности некоторых экспонатов.

Из других работ отметим статью Р.С. Разумовской [Разумовская 1968], которая является ярким примером тому, как исследователь приписал к изучаемому им народу предметы других народов. Так, Р.С. Разумовская посчитала тлинкитскими четырнадцать предметов, принадлежащих хайда, индейцам Калифорнии, северным атапаскам и эскимосам. Р.С. Разумовская опубликовала также статьи о плетеных изделиях [Разумовская 1967] и орнаменте индейцев северо-западного побережья [Разумовская 1985]. А.Д. Авдеев сделал описание ряда тлинкитских масок и боевых шлемов [Авдеев 1957], проблемы искусства тлинкитов рассматривали Г.И. Дзенискевич [Дзенискевич 1985] и Э.Е. Фрадкин [Фрадкин 1985]. Последний, указав на присущую ремесленным изделиям тлинкитов полиэikonию, привел собственное толкование отдельных элементов на тлинкитских шлемах, погремушках, сосудах. В целом, работа Э.Е. Фрадкина свидетельствует о недостаточном знакомстве автора с литературой по материальной культуре тлинкитов.

Работа по описанию коллекций тлинкитов из собрания МАЭ продолжается и по сей день. Г.И. Дзенискевич описала женские шаманские маски [Дзенискевич 1998a] и опубликовала отдельную статью по коллекции Г. Чудновского [Дзенискевич 1998]. С.А. Корсун установил происхождение четырех тлинкитских накидок [Корсун 1999], которые ранее определялись как принадлежащие сборам Дж. Кука [Розина 1966]. Американская исследовательница Ч. Самуэл посвятила две монографии изучению тканых тлин-

китских накидок, хранящихся во многих музеях США и Европы, в том числе и в МАЭ [Samuel 1982; 1987]. Несколько предметов тлинкитов из собрания МАЭ описаны в сводной работе К. Фееста по искусству коренных народов Северной Америки [Феест 1985].

Изучением этнографии индейцев Калифорнии по коллекциям МАЭ занимались П.М. Кожин и Е.А. Окладникова. П.М. Кожин опубликовал статью о плетеных изделиях калифорнийских индейцев [Кожин 1967; Кожеан 1979]. Е.А. Окладникова, кроме обзорной статьи по калифорнийскому собранию МАЭ [Окладникова 1985], опубликовала несколько статей об И.Г. Вознесенском и его коллекциях и ряд статей по отдельным предметам индейцев этого региона [Окладникова 1993а, 1997а].

Необходимо отметить, что в Музее хранятся иллюстративные материалы, являющиеся важным дополнением к этнографическим коллекциям. Впервые введение в научный оборот иллюстративной коллекции было сделано Е.Э. Бломквист, она опубликовала рисунки И.Г. Вознесенского [Бломквист 1951]. Недавно сотрудниками МАЭ было выпущено справочное издание о фотоиллюстративных коллекциях Музея [Сокровища Кунсткамеры...], а также частично опубликована фотоколлекция В.И. Иохельсона, сделанная им во время экспедиции на Алеутские острова в 1909–1910 гг. [Корсун, Таксами, Ушаков 2001].

Несмотря на значительное количество публикаций, многие аспекты атрибуции коллекций из собрания МАЭ по народам Русской Америки так и остались не выясненными. Так, можно привести несколько примеров того, как одни и те же предметы в разных публикациях относятся к сборам разных собирателей, соответственно, по-разному датируется и время их бытования. В связи с этим необходимо как можно подробнее осветить историю формирования собрания МАЭ по народам Русской Америки и изучить систему учета и регистрации коллекций в Музее.

История формирования, учета и регистрации коллекций

Первые коллекции по народам Русской Америки поступили в Музей после открытия Алеутских островов и Аляски участниками экспедиции В.Й. Беринга – А.И. Чирикова в 1741 г. В составе экспедиции находился адъютант Академии наук Г.В. Стеллер, в обязанности которого входил сбор коллекций для академического музея – Кунсткамеры. Экспедиция совершалась на двух судах, «Св. Петром» командовал В.Й. Беринг, а «Св. Павлом» – А.И. Чириков. Вскоре после выхода в море, суда разошлись и в дальнейшем совершали плавание отдельно. В июле 1741 г. «Св. Петр» достиг острова Каяк у побережья Аляски. Хотя встречи с местными жителями не произошло, Г.В. Стеллер обнаружил их лабаз для хранения продовольственных запасов и место стоянки, а С.Ф. Хитрово посетил жилище аборигенов на соседнем островке Уингем.

Известно, что Г.В. Стеллер собрал несколько корзин и связок «веревки» из морских водорослей, «несколько стрел, которые по размерам далеко превосходили камчатские и приближались к стрелам тунгусов и татар; они были окрашены в черный цвет и очень гладко выскоблены, так что

можно было подумать, что у этих людей есть железные орудия и ножи» [Стеллер 1995: 44], а также «огниво деревянное, по камчатскому обыкновению сделанное» [Стеллер 1984: 272].

С.Ф. Хитрово доставил на судно «ящичек, сделанной из тополевого леса» [Стеллер 1984: 272]¹, «пустотелый шарик из обожженной глины два дюйма в диаметре, заключающий в себе камень, гремящий при встряхивании, который я счел игрушкой для малых детей», «камень, который, вероятно, за отсутствием лучшего, служил точилом и на котором были видны полосы меди» [Стеллер 1995: 47], «другой камень круглой с скважиной» [Хитрово 1941: 347] и лопасть весла [Стеллер 1995: 47]. В судовом журнале вместо лопасти весла упоминается деревянная лопата, вероятно, здесь речь идет об одном и том же предмете [Из вахтенного журнала...: 237]. Все вышеперечисленные вещи принадлежали эскимосам чугачам. В 1790 г. чугачи рассказывали Г.А. Сарычеву об этом первом посещении их охотничьих угодий русскими [Сарычев 1952: 158]. Собранную коллекцию Г.В. Стеллер оставил у себя, а С.Ф. Хитрово все, что он привез, передал В.Й. Берингу.

В ходе дальнейшего плавания экипаж «Св. Петра» сделал остановку вблизи одного из Шумагинских островов, вероятно возле острова Нагай. Здесь произошла первая встреча русских с коренным населением – алеутами, от которых было получено несколько предметов: жезл, окрашенный в красный цвет, длиной около двух метров, «наподобие бильярдного кия», к его верхней части были привязаны два соколиных крыла [Стеллер 1995: 70], жезл, «на тонком конце которого были укреплены перья разных пород и небольшое резаное из кости изображение человека» [Ваксель 1940: 6], и две деревянные шляпы-козырьки, «на одной из них находилось вырезанное из кости изображение – сидячий идол, у которого сзади торчало перо, оно должно было, вероятно, изображать хвост» [Стеллер 1927: 92]. Г.В. Стеллер так описывает эти головные уборы: «На головах у этих людей были шляпы, изготовленные из древесной коры и украшенные красными и зелеными пятнами, напоминающие по форме козырьки для глаз <...> и здесь снова я нашел четкое указание, что американцы происходят из Азии, поскольку камчадалы и коряки носят такие же; я приобрел несколько таких для Кунсткамеры» [Стеллер 1995: 76].

Эта коллекция также поступила в распоряжение В.Й. Беринга. Г.В. Стеллер пытался обменять несколько европейских ножей на металлический алеутский нож, но обмен не состоялся. Что касается шляп, то из вышеприведенной цитаты понятно, что Г.В. Стеллер не приобретал алеутских шляп, а приобрел похожие на них по форме головные уборы ительменов и коряков.

Экипаж «Св. Павла» также встречался с алеутами во время стоянки у острова Адах. Судя по описанию А.И. Чирикова, алеуты уже встречались с экипажами каких-то судов: они не подплывали близко к судну, так как опасались, что по ним будут стрелять из луков; за питьевую воду требовали громадную плату, понимая, что экипаж судна давно находится в плавании и имеет недостаток в пресной воде; знали употребление металла. А.И. Чи-

¹ Г.В. Стеллер так описал этот предмет: «Деревянный сосуд, похожий на те, что в России изготавливают из липовой коры и используют вместо коробов» [Стеллер 1995: 46].

риков писал: «Принеся одну руку ко рту <...> вдруг ото рта руку отрывали, тогда мы узнали, что они спрашивают у нас ножей, понеже камчадалы и прочие здешние народы, как едят мясо или иное что, то ножами у рта отрезают, и я велел им один (металлический. – С.К.) нож дать <...> они <...> стали от нас ножей с великим прилежанием требовать» [Лебедев 1951: 310–311]. От алеутов русские получили четыре гарпуна, древко одного из них было из кипариса [Дивин 1953: 174], и одну шляпу-козырек [Чириков 1948: 109].

Таким образом, все вышеперечисленные вещи вошли в три коллекции – В.И. Беринга, А.И. Чирикова и Г.В. Стеллера. Вероятно, в последнюю также входил сломанный деревянный капкан с зубцами из раковин денталий, который Г.В. Стеллер нашел на побережье острова Беринга. Он отмечал, что раковин денталий на Камчатке нет, и поэтому считал, что капкан был сделан жителями Америки и принесен к острову морским течением [Стеллер 1995: 102].

Коллекция В.И. Беринга была утрачена во время зимовки экипажа «Св. Петра» на острове, который впоследствии был назван в его честь. С. Ваксель, возглавивший экспедицию после смерти В.И. Беринга, в качестве подтверждения встречи с американцами отправил в Адмиралтейств-коллегию только скульптурную фигурку, как он пишет, «костяной статуи наподобие вида человеческого», который был прикреплен к одной из шляп. Что касается двух алеутских шляп-козырьков и двух жезлов, то он определенно пишет, что эти вещи были утеряны [Ваксель 1940а: 143].

В 1981 г. во время археологических раскопок на острове Беринга были найдены остатки лукошка из древесной коры, которое, по мнению археологов, было приобретено С.Ф. Хитрово на острове Уингем [Леньков и др. 1988: 72], а также несколько точильных камней. Возможно, что среди них есть и точильные камни из сборов С.Ф. Хитрово [Леньков и др. 1988: 64].

Коллекция А.И. Чирикова – четыре гарпуна и шляпа-козырек – была доставлена в Петербург. Первый рапорт о плавании к берегам Америки А.И. Чириков отправил в декабре 1741 г. с матросом С. Сплавщиковым. Он был получен в столице 29 октября 1742 г. А.И. Чириков полагал, что С. Сплавщиков может погибнуть в пути, поэтому весной 1742 г. он собирался отправить еще один рапорт с гардемаринном А.М. Юрловым, «с которым и полученные нами вещи от жителей <...> для предоставления в Государственную адмиралтейств-коллегию от меня посланы будут» [Чириков 1984: 231].

Коллекция Г.В. Стеллера также была доставлена в столицу. После возвращения из плавания он оставался на Камчатке до августа 1744 г., а затем отправился в Петербург. В пути Г.В. Стеллер продолжал вести научные наблюдения. В 1746 г. он провел несколько месяцев в Соликамске у фабриканта Г.А. Демидова. В августе 1746 г. Г.В. Стеллер был арестован по ложному доносу и вынужден был возвратиться из Соликамска в Иркутск. После ареста Г.В. Стеллер передал часть своих документов для доставки в Петербург И.Э. Фишеру [Станюкович 1995: 13], а рисунки и большую часть коллекций художнику экспедиции И.Х. Беркгану. Часть ботанического собрания осталась у Г.А. Демидова. 30 сентября 1746 г. И.Х. Беркган прибыл в Москву, в Сибирский приказ. Здесь он хотел дож-

даться возвращения Г.В. Стеллера, но вскоре было получено известие о его смерти в Тюмени 12 ноября 1746 г. Тогда в Сибирском приказе решили немедленно отправить багаж Г.В. Стеллера в Петербург в сопровождении И.Х. Беркгана, «дабы тем вещам не учинилось какого повреждения или траты» [Черкашина 1998: 9]. 1 июня 1747 г. рисунки и коллекции Г.В. Стеллера были доставлены в Академию наук.

В современной музейной документации вещи, полученные от участников Второй Камчатской экспедиции, не значатся, но они могут быть зарегистрированы среди «старинных поступлений музея». Исследователями неоднократно предпринимались попытки выявить эти предметы. Так, Л.Т. Блэк предположила, что шляпа-козырек № 2868 / 23 могла быть получена от алеутов Шумагинских островов экипажем «Св. Петра» [Black 1991: 41]. Но так как известно, что коллекция, собранная там, была утрачена, эта шляпа может происходить только из более поздних сборов. Р.Г. Ляпунова сделала описание всех алеутских головных уборов МАЭ. Она определила, что указанная шляпа-козырек является самой старой в Музее, и датировала ее 50–80 гг. XVIII в. [Ляпунова 1985: 33, 35]. Анализ костяной фигурки с этого головного убора сделан С.В. Ивановым. Он пришел к выводу, что данная статуэтка относится к самому раннему типу миниатюрной алеутской скульптуры [Иванов 1949а: 201].

Что касается других предметов из сборов участников Второй Камчатской экспедиции, то, может быть, в дальнейшем некоторые из них удастся определить по внешним характерным признакам. Как уже упоминалось, древки гарпунов, которые Г.В. Стеллер нашел на острове Каяк, были окрашены в черный цвет, а сломанный деревянный капкан имел зубцы из раковин денталий. Древко одного из гарпунов из коллекции А.И. Чирикова было сделано из кипариса.

Во второй половине XVIII в. было организовано около восьмидесяти торгово-промышленных экспедиций по исследованию и освоению Алеутских островов и Аляски. Некоторые участники этих экспедиций по распоряжению Сибирского генерал-губернатора занимались сбором различных «редкостей». Такие собрания доставлялись сначала правителю Камчатки, затем переправлялись в Иркутск Сибирскому генерал-губернатору и только потом по распоряжению последнего – в Петербург как подарки Екатерине II. Впоследствии большая часть из них была передана из Эрмитажа в Кунсткамеру. В настоящее время в Музее хранится несколько предметов алеутов и эскимосов острова Кадьяк XVIII в., однако, конкретных данных, кто, когда и где их приобрел, не сохранилось. Поэтому перечислим те коллекции XVIII в., для которых имеются сведения либо об их поступлении в Кунсткамеру, либо о том, что они были подарены Екатерине II.

Первый список американских предметов, поступивших в Кунсткамеру, датируется 1762 г. В нем перечислены алеутские вещи, поступившие от штурмана из Охотска А.М. Юрлова. Это «парка из кож птичьих, кои там живут на камнях, выкрашена и с нашивными по их манеру кистями и ремешками», «шапка деревянная, выкрашена и наставлена зверей морскими усами», «костяная небольшая статуя по их манеру (слово не читается. – С.К.) и их прописью, которую употребляли на голове женщины», «сум-

ка травяная», «ложка костяная с резьбой», «венеч с прикраскою» [ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Р. 469. Л. 20^{об}–22^{об}].

В 1760–1764 гг. состоялась экспедиция под командованием А. Толстых на судне «Св. Андреян и Наталья». Участники этой экспедиции в течение трех лет исследовали Андреяновские острова Алеутской гряды. Отчет об экспедиции и коллекция, собранная среди алеутов, были доставлены в Иркутск Сибирскому генерал-губернатору Д.И. Чичерину, а затем переправлены Екатерине II. Известно, что среди алеутских вещей, доставленных в Петербург, были «три плетеных из травы мешка, нитки из рыбьих жил, костяные удочки» и «три дощечки из дерева, которые к тем островам море приносит, две подобные кипарису, а третья совершенно красное дерево» [Берг 1946: 291–292]. Возможно, что здесь речь идет о метательных дощечках алеутов. В 1764 г. Музей получил какую-то алеутскую коллекцию – может быть, это и были сборы А. Толстых.

В 1762–1766 гг. состоялась экспедиция под руководством С.Г. Глотова на судне, которое также называлось «Св. Андреян и Наталья». Ее участниками был открыт остров Кадьяк. У местных жителей С.Г. Гловот приобрел «два ковра, один новый, другой старый, одним манером сделанные, точно не против российского дела, с одной стороны во весь ковер положен бобровый мех» [Гловот 1989: 107]. Здесь речь идет о накидках, украшенных мехом калана. Известно, что один из этих «ковров» (возможно, и некоторые другие вещи) был отправлен в подарок Екатерине II.

В 1771 г. в Кунсткамеру поступила алеутская коллекция от Сибирского генерал-губернатора А.И. Бриля. Она была собрана экспедицией А. Очерединой, которая в 1766–1770 гг. на судне «Св. Павел» вела промысел на островах Умнак и Уналашка [Шафрановская 1968: 64–65]. В ее состав входили: «лук один, стрел больших, действующих с досок – три; малых, коими действие происходит же из луков – пять; шапка алеутская – одна; две ветви анианового дерева неизвестного» [ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Л. 33].

В дальнейшем небольшие алеутские коллекции поступили в Музей от начальника города Нижнекамчатска Т.И. Шмалева в 1775 г. – «из травы морской ковер» (плетеная циновка. – С.К.) и две плетеные сумки [ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 8. № 1. Л. 61^{об}], в 1780 г. – от правителя Камчатки М.К. Бема, который занимал этот пост в 1773–1779 гг. В 1779 г. М.К. Бем получил этнографическую коллекцию по народам Океании от участников третьей экспедиции Дж. Кука. К ней М.К. Бем добавил несколько предметов ительменов и алеутов и повез ее в дар Екатерине II. Из алеутских вещей в коллекцию входили «веревка, сплетенная из жил», «алеутская рубашка из пузырей», «модель алеутской байдарки» [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 118].

В 1782 г. в Музей поступило несколько предметов эскимосов района Берингова пролива от участников третьей экспедиции Дж. Кука. Этнографическая часть этого собрания состояла из двух губных втулок из яшмы, двух втулок из кости с вырезанными на них лицами людей и мехового головного убора [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 119].

В 1788 г. состоялась экспедиция по исследованию северо-западного побережья Аляски под руководством Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова на судне «Три Святителя». В июне участники плавания сделали остановку в

заливе Якутат, населенном индейцами эяк и тлинкитами, от которых было получено несколько предметов. В ходе дальнейшего плавания судно сделало остановку в заливе Лътуа. Здесь русские щедро одарили вождя местных тлинкитов, который преподнес «одного нового бобра и шесть бобровых ковров» [Шелихов 1971: 109]. Предметы культуры и быта тлинкитов Г.Г. Измайлов и Д.И. Бочаров передали своему хозяину Г.И. Шелихову, который отправил их Сибирскому генерал-губернатору И.А. Пиллю, а последний – в Петербург в дар Екатерине II. В 1790 г. это собрание поступило в Кунсткамеру [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 2. Л. 75].

В 1794 г. в Музей поступила коллекция, собранная экспедицией И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева, которая в 1790–1792 гг. проводила исследование Алеутских островов, острова Кадьяк, побережья залива Принс Уильям и района Берингова пролива. Это собрание состояло приблизительно из ста предметов. В настоящее время в коллекции № 562, зарегистрированной как сбор участников экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева, находится на хранении только десять предметов. В том же 1794 г. А.К. Лаксманом вместе с его японской коллекцией в Кунсткамеру была доставлена модель алеутской байдарки.

В 1799 г. в Музей поступила очередная алеутская коллекция от генерал-прокурора Сената В.П. Лопухина. Его дочь была фавориткой Павла I, и купцы, возглавляемые П.С. Лебедевым-Ласточкиным, пытаясь добиться монопольных прав на освоение Аляски, передали В.П. Лопухину для последующей передачи императору собранную ими коллекцию алеутских вещей. Но в 1799 г. монопольные права получила другая группа купцов, возглавляемая Г.И. Шелиховым, и В.П. Лопухин передал находившуюся у него коллекцию в Кунсткамеру [Russov 1900: 19]. О составе этой коллекции нет никаких сведений, известно только, что она состояла из двадцати предметов.

Что касается системы учета, то в середине XVIII в. экспонаты выставлялись в залах по отдельным регионам. Известно, что в 1775 г. среди тринадцати манекенов, одетых в национальную одежду и представлявших разные народы, в Музее был и манекен алеута [Бакмейстер 1779: 75]. В 1771 г. Кунсткамеру возглавил С.К. Котельников. Он требовал, чтобы собиратели вместе с коллекциями передавали списки предметов, которые в то время назывались «собираТЕЛЬскими описями». Под его руководством собрание Музея было разделено на несколько отделов (кабинетов), для которых в типографии были заказаны специальные этикетки. На них арабскими цифрами (отдельно для каждого отдела) были указаны порядковые номера, начиная с единицы. Позднее на эти отпечатанные этикетки вносилась дополнительная информация [Станюкович 1953: 156]. С начала 80-х гг. стали изготавливать уже рукописные этикетки с указанием названий предметов и – иногда – их этнической принадлежности.

В 1800 г. сотрудник Кунсткамеры О.П. Беляев опубликовал описание всех имеющихся в Музее коллекций [Беляев 1800]. При подготовке этой работы он разделил этнографическое собрание Музея по географическому принципу и для каждого предмета сделал этикетки из игральнЫХ карт с указанием порядкового номера и названия. На некоторых этикетках сто-

яла фамилия собирателя – И.И. Биллингса. Разложив этикетки по номерам от 2-го до 148-го, можно составить представление о тех коллекциях, которые О.П. Беляев считал американскими. При этом нужно отметить, что хотя сохранились не все этикетки, составить общую картину вполне возможно. Так, экспонаты с номерами со 2-го по 24-й и со 117-го по 126-й относятся к собранию по гуромам Канады, вещи из коллекции И.И. Биллингса в основном имели номера с 25-го по 33-й и с 131-го по 148-й. Почему эти две коллекции оказались разделенными, сведений нет. Можно предположить, что при регистрации в конце XVIII в. они размещались в разные, удаленные друг от друга витрины. Номера с 34-го по 67-й были даны экспонатам из океанийской коллекции Дж. Кука, поступившей в Музей в 1780 г. Дж. Кук называл жителей Океании индейцами, поэтому его коллекция и была учтена как американская. Номера с 68-го и приблизительно по 100-й были даны алеутским и сибирским вещам, в основном из коллекции И.И. Биллингса, поступившим в Музей в 1794 г. Приблизительно с 100-го по 116-й номер имели экспонаты по индейцам Бразилии, полученные в 1791 г. из Португалии от Араужу де Азеведу Антониу. Этикеток с номерами выше 148 нет, вероятно, они просто не сохранились.

С первых десятилетий XIX в. ко вновь поступающим коллекциям стали прилагаться списки собирателей, либо такие списки составлялись сотрудниками Музея. Здесь важно подчеркнуть, что коллекции стали учитываться именно по собирателям.

Очередная этнографическая коллекция поступила в Кунсткамеру из Эрмитажа в 1803 г. Из американских предметов в ее состав входили алеутская парка и камлейка. Возможно, что это были именно те костюмы, которые в 1798 г. преподнесли в дар Павлу I алеуты с острова Уналашка – Н. Луканин (Суканикатхан) и Н. Свиньин (Чангисунах). Они приезжали в Петербург с жалобами на притеснения со стороны служащих компании Г.И. Шелихова и были приняты императором.

В 1803–1806 гг. состоялась первая русская кругосветная экспедиция под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского на судах «Надежда» и «Нева». В июле 1804 г. «Нева» стала на якорь в Павловской гавани острова Кадьяк. После месячной стоянки судно отправилось к острову Ситха, где его экипаж принял участие в военных действиях против индейцев тлинкитов. Зимой 1804–1805 гг. «Нева» провела на Кадьяке, а в июне 1805 г. судно покинуло берега Русской Америки. В течение почти годичного пребывания на Аляске Ю.Ф. Лисянский близко познакомился с культурой местного населения и сделал ее подробное описание. Что касается этнографических коллекций, то их сбором занимались: Ю.Ф. Лисянский, П.В. Повалишин и Г.Г. Лангсдорф. Сбором различных редкостей занимался также и капитан «Надежды» И.Ф. Крузенштерн. Известно, что в состав его собрания входили американские вещи. Вероятно, Ю.Ф. Лисянский еще во время путешествия передал часть своей американской коллекции И.Ф. Крузенштерну как руководителю экспедиции.

После возвращения в Петербург в 1806 г. Ю.Ф. Лисянский разделил свое собрание на три части. Одну он передал в музей Государственного Адмиралтейского департамента, другую – в Кунсткамеру, третью – министру

коммерции, графу Н.П. Румянцеву. Впоследствии последняя часть его собрания оказалась в московском Дашковском этнографическом музее при Румянцевском музее. П.В. Повалишин передал свою коллекцию в музей Государственного Адмиралтейского департамента, а Г.Г. Лангсдорф отправил свое собрание в Германию. И.Ф. Крузенштерн что-то передал в музей Государственного Адмиралтейского департамента, а основную часть – в Музей искусств при Дерптском университете [Петухов 1902: 165, 268, 561].

Что касается дальнейшего передвижения этих коллекций, то в 1828 г. музей Государственного Адмиралтейского департамента был реорганизован в Модель-камеру. Его этнографическое собрание, в состав которого входили коллекции И.Ф. Крузенштерна, Ю.Ф. Лисянского и П.В. Повалишина, было передано в Кунсткамеру, в Модель-камере остались лодки алеутов, эскимосов и индейцев, а также их модели. Дашковский этнографический музей, который в советское время неоднократно переименовывался, окончательно был ликвидирован в 1948 г., его этнографические коллекции передали в Музей антропологии им. Д.Н. Анучина при МГУ и в ГМЭ, где они находятся и в настоящее время.

К коллекции Ю.Ф. Лисянского, переданной в Кунсткамеру, был составлен «Реестр вещам, привезенным Лисянским, доставленным 1806 г. 20 декабря» [Архив МАЭ. Ф. К-IV, Оп. 1. № 3. Л. 96–97]. Всего в этом списке указано 83 номера по народам Северной Америки и Океании, из них 48 – по народам Аляски и Калифорнии. В настоящее время в коллекции Ю.Ф. Лисянского (№ 536) зарегистрировано только 28 номеров, остальные 20 находятся в сборных коллекциях.

В 1810 г. директор Российско-Американской компании М.М. Булдаков передал в Кунсткамеру плетеную алеутскую сумочку. В 1813 г. Музей получил коллекцию алеутской одежды. В 1817 г. в Кунсткамеру поступила коллекция из трех предметов (№ 561) от лейтенанта Джона Листона. В музейной документации сказано, что эта коллекция была приобретена в 1816 г. в районе 71° северной широты в проливе Дэвиса, который отделяет Гренландию от Баффиновой Земли. Вероятно, ошибочно в состав этой коллекции была включена замшевая рубаха индейцев Аляски (№ 561 / 3).

В 1819 г. от капитана В.М. Головнина поступила коллекция из 31 предмета. Она была собрана во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» в 1817–1819 гг. В настоящее время в ней (№ 539) числится только три предмета.

В 1823 г. Музей получил более 60 экспонатов по народам Русской Америки от участников экспедиции М.Н. Васильева – Г.С. Шишмарева, которые в 1819–1822 гг. проводили исследования в северной части Тихого океана.

В июне 1827 г. в Музей поступила большая коллекция по народам Америки и Океании через советника П.П. Бекмана. В списке указано 58 предметов по народам Русской Америки [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 11. Л. 1–2]. П.П. Бекман являлся служащим Морского министерства. В кругосветных экспедициях он не был, но в 1828 г. участвовал в передаче этнографических коллекций из музея Государственного Адмиралтейского департамента в Кунсткамеру. Коллекция, поступившая в июне 1827 г., относится к сборам участников русских кругосветных и полукругосветных плаваний (из Крондштата до Камчатки). Эти вещи были проданы в Кунст-

камеру, а не подарены, возможно, это объясняется тем, что музей Государственного Адмиралтейского департамента в свое время приобрел их путем покупки. Необходимо отметить, что эта коллекция не вошла в список предметов переданных этим музеем в Кунсткамеру в 1828 г.

В последние годы существования Кунсткамеры была предпринята попытка, сделать списки предметов по отдельным регионам. Так, сотрудник музея «комиссар» И. Алексеев составил «Опись американским вещам, находящимся в Кунсткамере» [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 13. Л. 1–13]. Всего в ней учтено 282 номера, большинство из них – действительно американские вещи, но вместе с ними в опись попали и предметы, принадлежащие чукчам, ительменам, народам Океании и даже бурятам, мордве и болгарам. В описи И. Алексеева использованы список Ю.Ф. Лисянского и другие, список П.П. Бекмана включен в нее полностью. Поскольку последний завершает «Опись...», можно сделать вывод, что она была составлена не ранее июня 1827 г.

Как уже отмечалось, в 1828 г. в Кунсткамеру было передано этнографическое собрание музея Государственного Адмиралтейского департамента. Этот музей был создан в 1805 г. на базе Модель-камеры. Ему дарили коллекции участники русских кругосветных и полукругосветных экспедиций: Ю.Ф. Лисянский, П.В. Повалишин, В.М. Головнин, Л.А. Гагемейстер, С.П. Хрущев, А.П. Лазарев, М.П. Лазарев и многие другие. Мореплаватели привозили из дальних стран самые разнообразные коллекции: зоологические, ботанические, этнографические, минералогические и другие. Из-за большого количества различных коллекций в 1826 г. музей был разделен на четыре кабинета (отдела). Зоологические, ботанические и этнографические коллекции вошли в состав Натур-кабинета.

На этом реорганизация музея не завершилась. В 1828 г. собрание Натур-кабинета (1855 предметов) было передано в Кунсткамеру. После передачи оно не было выставлено на экспозиции, а хранилось в фондах. Американская его часть в начале XX в. была выделена в отдельную коллекцию (№ 633). В ее состав вошло 37 предметов, при этом регистратор не учел несколько десятков предметов из американского собрания музея Государственного Адмиралтейского департамента, которые впоследствии оказались зарегистрированы как «старинные поступления музея». Таким образом, из музея Государственного Адмиралтейского департамента этнографические коллекции передавались в Кунсткамеру дважды – в 1827 г. через П.П. Бекмана и в 1828 г. при расформировании Натур-кабинета.

В 1831 г. в Кунсткамеру поступила коллекция от Ф.П. Литке, собранная во время кругосветного плавания в 1826–1829 гг. на судне «Сенявин». Участники этой экспедиции прибыли в Ново-Архангельск в июле 1827 г., где оставались до августа, а затем совершили переход к острову Уналашка и далее к Прибыловым островам и в район Берингова пролива. В состав экспедиции входило несколько ученых: А.К. Мертенс, А.Ф. Постельс, Ф.Г. Киттлиц. Известно, что общими усилиями они собрали несколько сотен предметов у различных народов мира. Без сомнения, среди них были и вещи коренного населения Русской Америки, но, к сожалению, в настоящее время как поступление от участников этой экспедиции в отделе наро-

дов Америки МАЭ числится только лук эскимосов залива Нортон (№ 569 / 1), куда «Сенявин» вообще не заходил. Колчан со стрелами к этому луку находится на хранении в отделе народов Сибири (№ 752 / 1).

В 1838 г. в Музей поступила небольшая коллекция из пяти предметов от летописца Русской Америки К.Т. Хлебникова (№ 563). Сейчас в ней числится только два предмета – алеутская деревянная шляпа и кадьякский лук. Остальные вещи, вероятно, находятся среди «старинных поступлений музея».

Поступление целого ряда более поздних коллекций в той или иной степени связано с именем И.Г. Вознесенского. В 1836 г. произошло разделение Кунсткамеры на семь самостоятельных музеев, в том числе Этнографический. Из всех выделившихся музеев он оказался в самом невыгодном положении, так как он не имел директора: им по академическому уставу мог быть только академик, но ни один из российских академиков не занимался этнографией. «Куратором» Этнографического музея был назначен Е.И. Шрадер, одновременно являвшийся хранителем (консерватором) и Этнографического, и Зоологического музеев.

После разделения Кунсткамеры выяснилось, что американские собрания вновь образованных музеев крайне малочисленны. Чтобы пополнить коллекции, Академией наук было принято решение отправить в Русскую Америку одного из сотрудников. Выбор пал на помощника Е.И. Шрадера по Зоологическому музею И.Г. Вознесенского. Он был молод, энергичен, не обременен дворянским происхождением и, соответственно, мог довольствоваться небольшим окладом и перспективой будущего повышения по службе. Е.И. Шрадер составил для И.Г. Вознесенского инструкцию по сбору коллекций, в которой указывалось на необходимость записывать название каждого предмета, его местное название, материал, из которого он изготовлен, назначение, а также отмечать, «в какой ценности» он находится у местных жителей (И.Г. Вознесенский, таким образом, должен был обращать внимание на уникальность отдельных вещей). Предписывалось каждому предмету делать «ярлык» (этикетку) и составлять списки предметов к отдельным посылкам [Ляпунова 1967: 33]. Сразу отметим, что И.Г. Вознесенский строго следовал инструкциям Е.И. Шрадера во время всего десятилетнего пребывания в экспедиции.

В Ново-Архангельск И.Г. Вознесенский прибыл в мае 1840 г., в течение пяти лет здесь находилась его постоянная резиденция, куда он возвращался после длительных путешествий. Сразу же по прибытии главный правитель Русской Америки И.А. Купреянов поручил И.Г. Вознесенскому разобрать этнографические и зоологические коллекции, которые он собрал во время своего пребывания в Русской Америке (с 1835 по 1840 гг.). Позднее И.Г. Вознесенский писал: «Наглядное занятие это было для меня весьма полезно, ибо я на будущее время ознакомился с предметами» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 27. Л. 4]. И.А. Купреянов возвратился в Россию на судне «Николай I» через мыс Горн и Рио-де-Жанейро. В Кронштадт он прибыл летом 1841 г., на этом же судне была доставлена посылка от И.Г. Вознесенского. По прибытии в столицу, И.А. Купреянов подарил Этнографичес-

кому музею небольшую коллекцию из шести предметов по эскимосам и тлинкитам (№ 564), а также антропологическую коллекцию по индейцам Калифорнии (№ 4627). В настоящее время основная часть этнографического собрания И.А. Купреянова находится на хранении в Германии.

Во время пребывания в Русской Америке И.Г. Вознесенский познакомился со многими служащими Российско-Американской компании, некоторые из них стали его добровольными помощниками. И.Г. Вознесенский писал: «Многие из здешних лиц по просьбе моей приняли с удовольствием на себя труд писать к своим знакомым в разные отдаленные редуты и отделы или, будучи там сами, собирать редкости, имея на сей предмет краткие наставления о сохранении вещей, какие случится им приобретать» [Ляпунова 1967: 32].

Одним из таких помощников, собиравшим этнографические коллекции на Аляске, был А.Ф. Кашеваров. В разное время Музею дарили коллекции Василий Иванович и Аполлон Филиппович Кашеваровы. В разных документах их фамилия пишется как Кашеваров или Кошеваров. В.И. Кашеваров в начале 40-х гг. XIX в. подарил Музею многочисленную этнографическую коллекцию по народам Аляски, в настоящее время в этой коллекции (№ 518) зарегистрировано четыре предмета эскимосов-чугачей и три – танаина. В дружеских отношениях И.Г. Вознесенский был с врачом Ново-Архангельской больницы А.Д. Романовским и лейтенантом Л.А. Загоскиным. А.Д. Романовский с 1840 по 1845 гг. находился на службе в американских колониях. После возвращения в Петербург он подарил свою коллекцию Этнографическому музею (№ 568). Сейчас в ней зарегистрировано 29 предметов. Несколько предметов А.Д. Романовского хранится среди других коллекций Музея, видимо, первоначально его собрание было значительно больше.

Известный исследователь Аляски Л.А. Загоскин писал: «Зоолог-препаратор г-н Вознесенский независимо от своих трудов на пользу императорской Академии наук умел во многих из нас вдохнуть страсть к собиранию естественных предметов в стране, до того времени столь мало известной ученому свету» [Путешествия и исследования...: 151–152]. Во время экспедиции 1842–1844 гг. во внутренние районы Аляски Л.А. Загоскин собрал интересную коллекцию по культуре различных групп эскимосов и северных атапасков, часть ее хранится в МАЭ (№ 537), а часть – в Музее антропологии им. Д.Н. Анучина в Москве.

Под влиянием И.Г. Вознесенского собирательской деятельностью увлекался и главный правитель Русской Америки в 1840–1845 гг. А.К. Этолин. Свое великолепное этнографическое собрание из нескольких сот предметов по народам Аляски он отвез в Хельсинки, где оно находится и в настоящее время – в Национальном музее Финляндии [Varjola, Averkieva, Liapunova 1990].

В 40–50-е гг. XIX в. десять лет провел в Русской Америке В.А. Миддендорф, он служил директором ново-архангельской обсерватории. Не без влияния И.Г. Вознесенского В.А. Миддендорф увлекся сбором различных коллекций и изучением языков коренного населения Аляски. Свою этнографическую коллекцию и лингвистические материалы в 1847 г. он передал через И.Г. Вознесенского хранителю Этнографического музея Л.Ф. Радлову.

Что касается самого И.Г. Вознесенского, то за пять лет пребывания в Русской Америке он посетил почти все ее районы: Калифорнию, острова Александровского архипелага, Кенайский полуостров, остров Кадьяк, Алеутские и Прибыловы острова, побережье залива Нортон и район Берингова пролива, – и везде он занимался сбором коллекций. Всего от И.Г. Вознесенского поступило 950 предметов по восемнадцати группам коренного населения Русской Америки (Табл. 1) [Жорсун 1998: 138–139].

Таблица 1

**Поступления МАЭ
по народам Русской Америки от И.Г. Вознесенского**

Народ и район	Количество номеров	Количество предметов	Орудия охоты, транспорт	Одежда, украшения	Предметы быта	Предметы культы
Индейцы Калифорнии	67	152	68	31	45	8
Алеуты	96	131	61	22	48	нет
Колоши	44	54	9	9	20	16
Кенайцы	26	74	12	58	4	нет
Кольцане	7	8	4	4	нет	»
Катмайцы	20	38	9	19	10	»
Медновцы	9	12	6	6	нет	»
Чугачи	8	22	16	2	4	»
Эскимосы о. Кинга	3	6	6	нет	нет	»
Азиакмюты	6	7	нет	4	3	»
Агалехмюты	58	118	83	15	20	»
Эскимосы зал. Шишмарева, о-ва Сарычева и Кр. Севера	9	15	11	нет	4	»
Эскимосы о-ва Св. Лаврентия	22	32	12	17	3	»
Эскимосы зал. Нортон	23	46	19	11	16	»
Эскимосы зал. Коцебу	6	19	14	3	2	»
Квихпакцы	17	18	2	10	5	1
Кукоквимцы	18	25	1	18	6	нет
Коняги	83	173	82	21	30	40

И.Г. Вознесенский собирал этнографические коллекции не отдельными предметами, а сериями или комплектами – маски, посуду, предметы вооружения. Например, он приобрел алеутскую байдарку вместе со всем охотничьим снаряжением. Что касается предметов, которые он получал как подарки, то в своих дневниках И.Г. Вознесенский часто отмечал дарителей. Среди них указаны управляющий Александровской одиночкой Квасников, кадьякский священник П.С. Литвинцев, мексиканский гражданин Дж. Суттер, управляющий поселением Росс в Калифорнии А.Г. Ротчев и другие.

Посылки с коллекциями И.Г. Вознесенский отправлял в Музей в течение всего пребывания в экспедиции. К каждой посылке он составлял список с нумерацией вещей по порядку. Этикетки с этими же порядковыми номерами прикреплялись к предметам. Из-за недостатка выставочных площадей в Музее посылки И.Г. Вознесенского не распаковывались и не регистрировались, ящики просто складывались в залах. С 1836 г. в Музее стал вестись «Входящий журнал», в который

записывались новые поступления. К сожалению, в настоящее время он отсутствует в Музее.

В 1844 г. у Этнографического музея появился первый директор, им стал академик «по истории и древностям российским» А.М. Шегрен, а с 1846 г. в Музее начал работу штатный хранитель Л.Ф. Радлов. Уже в 1846 г. Л.Ф. Радлов зарегистрировал коллекцию по народам Северо-Востока Сибири (№ 20), полученную от И.Г. Вознесенского.

После возвращения И.Г. Вознесенского в Петербург в 1849 г. в Музей продолжали поступать коллекции от его друзей и корреспондентов. Среди многих, кого он вдохновил на сбор этнографических материалов, был капитан Российско-Американской компании И.И. Архимандритов. Известно, что они совершили плавание в 1841 г. на судне «Наследник Александр» из Ново-Архангельска в Калифорнию. Коллекция «предметов естественной истории и этнографии» И.И. Архимандритова была передана в Музей академиком Л.И. Шренком в 1857 г. Вероятно, с И.И. Архимандритовым Л.И. Шренк познакомился во время своего пребывания на Амуре в 1854–1856 гг. Этнографическая часть коллекции И.И. Архимандритова состоит только из двух масок алеутов острова Атха (№ 538), но это – уникальные экспонаты Музея.

В сентябре 1859 г. И.Г. Вознесенский получил коллекцию из нескольких десятков предметов, принадлежащих эскимосам и северным атапаскам, от управляющего Николаевским редутом на Кенайском полуострове Е.А. Борисова. Часть входящих в нее вещей зарегистрирована в сборной коллекции № 2667.

Последнюю коллекцию через И.Г. Вознесенского Музей получил в 1868 г. Она была прислана на его имя А.Ф. Кашеваровым с Аляски. В ее состав входило около 20 предметов кадьякцев и танаина.

Как уже отмечалось, собрание И.Г. Вознесенского не распаковывалось и не выставлялось в залах. В то же время малочисленные коллекции регистрировались и выставлялись в залах по собирателям. При этом номер давался только самим коллекциям, отдельные входящие в них предметы номеров не имели. Так, на отдельных полках размещались вещи, полученные от К.Т. Хлебникова, Л.А. Загоскина, Л.И. Шренка и т.д. После продажи Русской Америки в 1867 г. поступление в Музей коллекций по народам Аляски резко сократилось.

В 1867 г. из Минералогического музея Академии наук в Этнографический музей поступило изделие из кости эскимосов острова Кадьяк. В Минералогический музей оно было передано священником с Аляски И.И. Петелиным – зятем И.Е. Вениаминова.

В 1879 г. Этнографический музей получил свое современное название – Музей антропологии и этнографии, к которому в 1903 г., в честь 200-летнего празднования Петербурга, было присвоено имя Петра Великого. Выставочные площади Музея по прежнему были крайне ограничены. Они состояли только из двух залов, витрины которых были буквально завалены экспонатами. За все время существования Этнографического музея и в последующее десятилетие было зарегистрировано лишь незначительное количество предметов и фотографий его американского собрания (Табл. 2).

Таблица 2

Американские коллекции МАЭ, зарегистрированные в XIX в.

Первоначальный № коллекции	Номер коллекции МАЭ или место нахождения	Год поступления	Количество предметов	Собиратель или даритель	Народ
2	563	1838	5	К.Т. Хлебников	Алеуты
7	537	1839	9	Л.А. Загоскин	Эскимосы
12	4157 / 99, 101 4193 / 127 / 1, 2	1842	4	Д.Ф. Эшрихт	Эскимосы Гренландии
19	537	1846	24	Л.А. Загоскин	Эскимосы
25	Отдел археологии	1848	86	Музей Копенгагена	Индейцы
34	2888 / 93	1856	1	Канцелярия Академии наук	Алеуты
38	538	1857	2	Л.И. Шренк	»
56	2667 (частично)	1863	9	И.Г. Вознесенский	Народы Аляски
59	Нет сведений	1864	11	Ботанический музей	Народы Аляски, китайцы
78	Отдел Америки Отдел археологии	1868	22	Х.И. Ринк	Эскимосы Гренландии, норманны
81	Отдел антропологии	1870	2	Р. Шлагинтвейт	Индейцы пауни
91	Отдел Америки	1873	12	А.Л. Пинар	Тлинкиты
92	Нет сведений	»	1	Р.К. Маак	»
122	Отдел Сибири Отдел Америки	1881	39	А.Э. Норденшельд	Чукчи, эскимосы
185	552	1889	8	И.С. Поляков	Индейцы
201	2867 / 37	1890	1	А.А. Бунге	Алеуты

С 1889 г. в Музее началась всеобщая регистрация коллекций, к ним составляли описи, которые представляли собой лишь расширенные списки предметов. В то время и это был большой шаг вперед в системе музейного учета. Каждая коллекция получала свой общемузейный номер, внутри которой предметы получили порядковые номера. Всего в 1889 г. североамериканское собрание Музея состояло из 2 218 предметов, из которых более 2 150 было собрано среди народов Аляски и Калифорнии [Штернберг и др. 1917: 298].

Приток коллекций возобновился в конце XIX в. В 1891 г. в Музей поступило более тысячи предметов из расформированного музея Императорского Русского географического общества. Л.Я. Штернберг писал, что «в подвалах, сваленными в кучу, громоздились целые груды, свезенных в 1891 г. из бывшего Музея Географического общества, коллекций со всех концов России, не имевшие ни описей, ни нумерации, если не считать кучи отрывочных заметок и случайных этикеток, по которым приходилось решать уравнения со многими неизвестными» [Штернберг и др. 1917: 248]. Хотя американская часть этого собрания поступила в МАЭ в 1891 г., оформление передачи состоялось только в 1897 г. (именно поэтому в старой музейной документации говорится, что американское собрание музея ИРГО было передано в МАЭ в 1897 г.).

Большая часть переданных в 1891 г. материалов представлена сборами П.П. Дорошина и А.Ф. Постельса – коллекция № 337 из 70 предметов. Как

уже отмечалось, А.Ф. Постельс принимал участие в кругосветном плавании на судне «Сенявин» и посетил Аляску в 1827 г., а горный инженер П.П. Дорошин работал на Аляске в 1848–1853 гг. Ряд предметов музея Императорского Русского географического общества оказался зарегистрированным отдельно: головной убор эскимосов селения Катмай из сборов П.П. Дорошина (№ 616 / 1), плетеная шляпа тихоокеанских эскимосов из сборов Р.К. Маака (№ 344 / 73). Несколько десятков предметов были зарегистрированы в сборных коллекциях № 570, 2520, 2539, 3529. Возможно, среди них есть вещи, собранные И.Е. Вениаминовым, т.к. известно, что он дарил какую-то алеутскую коллекцию музею Императорского Русского географического общества [Корсун 2002: 84].

В том же 1891 г. в Музей поступила коллекция по тлинкитам от православного миссионера с Аляски игумена Г. Чудновского (№ 211), в которой 67 предметов из 96 – шаманские принадлежности. В 1894 г. от бывшего вице-президента Академии наук Л.Н. Майкова были получены два изделия из кости, одно алеутское, другое эскимосское (№ 238). В 1896 г. поступила коллекция по алеутам Командорских островов (№ 313), содержащая 24 предмета, она была подарена цесаревичу Николаю Александровичу. В 1890–1891 гг. наследник престола цесаревич Николай Александрович совершил многомесячное путешествие по странам Востока. Местные жители на всем предполагаемом маршруте его следования готовили подарки. Хотя цесаревич не посетил Командорские острова, подарки, приготовленные алеутами, были ему преподнесены и впоследствии переданы в Кунсткамеру.

Работа по составлению описей и регистрации коллекций проходила крайне медленно, с 1889 по 1898 гг. было зарегистрировано менее 200 предметов. После 1898 г. коллекциям № 2, 7, 12, 19, 34, 38, 56, 59, 185, 201 были даны новые музейные номера. Это объясняется тем, что вещи из этих коллекций находились на экспозиции – каждая коллекция на отдельной полке. После перестановки в витринах их музейные номера не были известны, так как вещи порядковых номеров внутри коллекций не имели.

В 1898 г. для регистрации американских коллекций был приглашен как внештатный сотрудник К.К. Гильзен. Л.Я. Штернберг писал о нем: «Музею очень посчастливилось в лице К.К. Гильзена найти человека, который не только взялся за <...> приведение в порядок этих ценных собраний, но и с особенной любовью отдавался своему делу» [Штернберг, Ольденбург и др. 1907: 62]. Работу в Музее К.К. Гильзен начал с временной регистрации всего североамериканского собрания. К каждому предмету он изготовил картонную этикетку круглой формы в металлической рамке, на которой написал номер временной регистрации с дополнительным буквенным обозначением. Буква обозначала народ или группу народов, которым принадлежал предмет: А – тлинкиты, хайда, нутка; Б – индейцы Калифорнии; В – ирокезы; Г – индейцы Канады; Д – кенайцы, кольцане, катмайцы, чугачи; Е – эскимосы аглегмиуты, квихпакцы, кускоквимцы, эскимосы залива Коцебу, залива Нортон, о-ва Святого Лаврентия, Гренландии; Ж – кадьякцы; З – алеуты. Благодаря временной регистрации стало известно, сколько в Музее всего предметов по отдельным народам или их группам. Такая работа была необходима для подго-

товки новой экспозиции, где предполагалось выставить вещи по народам, а не по собирателям, как это практиковалось ранее.

Затем К.К. Гильзен приступил к постоянной регистрации, коллекциям были присвоены общемузейные номера, которые сохраняются до наших дней. Одновременно он занимался составлением карточного каталога. Для каждого предмета изготавливалась карточка, в ней записывались номер временной и постоянной регистрации, народ и название предмета. В карточку также вклеивались все имеющиеся к предмету этикетки, благодаря чему сохранилась возможность выявлять отдельные собирательские коллекции.

Регистрацией североамериканского собрания МАЭ К.К. Гильзен занимался с 1898 по 1903 гг. включительно. За это время он зарегистрировал коллекции по народам Русской Америки, поступившие до 1889 г.: № 563, 564, 568, 570, 571, 593, 620, 633 общей численностью в 829 предметов. Другими сотрудниками Музея были зарегистрированы коллекции: № 518, 536–539, 561, 562 общей численностью в 136 предметов. Таким образом, из 2 218 предметов, которые находились в Музее в 1889 г., оказались зарегистрированными только 965 экспонатов. К сожалению, К.К. Гильзен не успел полностью зарегистрировать даже собрание И.Г. Вознесенского, хотя оно ему было хорошо известно. Он зарегистрировал только около четырехсот предметов в коллекциях № 570, 571, 593, 620.

В эти же годы Музей активно пополнялся новыми материалами. В период с 1891 по 1913 гг. было получено 802 предмета по народам Северной Америки, которые были объединены в 36 коллекций [Корсун 1998: 143–144]. Эти коллекции регистрировались, в основном, по мере поступления. Начиная с конца XIX в., в Музей поступали лишь небольшие коллекции и отдельные экспонаты по народам Русской Америки (Табл. 3).

В 1912 г. был увеличен штат Музея, который до этого менялся только в 1836 и 1893 гг. Впервые появилась возможность создать отделы по регионам и назначить их хранителей. Заведующим отделом народов Центральной и Южной Америки стал К.К. Гильзен, регистратором коллекций отдела народов Северной Америки была назначена С.А. Штернберг (С.А. Ратнер-Штернберг).

В 1919 г. в МАЭ от коллекционера оружия Е.Е. Тевяшова поступила большая коллекция (более 200 предметов) предметов вооружения различных народов мира (№ 2716), в том числе и народов Америки. В 1952 г. она была передана на постоянное хранение в Музей имени А.В. Суворова.

В период с 1914 по 1927 гг. С.А. Штернберг зарегистрировала все вещи, которые еще не имели номеров. Если до 1914 г. коллекции в основном регистрировались по собирателям, то С.А. Штернберг стала регистрировать их по тематическому признаку. Отчасти такой принцип регистрации объясняется тем, что с началом Первой мировой войны (1914 г.) и последующих двух революций (1917 г.), Гражданской войны (1918–1920 гг.) музейная работа была практически свернута, экспозиция значительно сокращена и большинство экспонатов находились в фондах. Тем временем намечалось (в 1924 г.) широкое празднование 200-летнего юбилея образования Академии наук. Как уже отмечалось, К.К. Гильзен, благодаря временной регис-

Таблица 3

**Коллекции МАЭ по народам Русской Америки,
конец XIX – начало XX вв.**

Номер коллекции МАЭ	Время поступления	Собиратель или даритель	Народ	Состав коллекции
482 / 1	1899	К.Н. Посыет	Индейцы	Трубка курительная
505 / 1	1780	М.К. Бем	Эскимосы	Гребень
650 / 2	XIX в.	Нет сведений	»	Трубки курительные
666 / 1	до 1836	Отдел Сибири	Кадыякцы	Бубен
668 / 1	XIX в.	»	Эскимосы	Сосуд из кости
699 / 1	XIX в.	»	Кадыякцы	Фигурка из кости
868 / 1	1845	И.Г. Вознесенский	»	Каменная лампа
1026 / 1	1906	А. Герц	Алеуты Командор. о-вов	Бола
1258 / 1	1908	Геологический музей Академии наук	Алеуты о. Акутан	Каменный наконечник
1747 / 3	1910	А.Н. Казнаков	Эскимосы	Изделия из кости
1927 / 4	1912	Н.В. Кириллов	»	»
1975 / 1	»	А.Ю. Левитский	Алеуты о. Медный	Модель байдарки
1998 / 1	»	Брюллов	Индейцы Калифорнии	Лук
2044 / 12	»	Г. Креднер	Чугачи	Стрелы, лук, колчан
2442 / 3	1915	М. Венедиктов	Алеуты	Модели байдарок
2788 / 1	1921	С.М. Соломенко	Тлинкиты	Модель тотемного столба
3483 / 2	1927	О.Д. Нилова	Алеуты	Камлейки
3902 / 1	1929	Е.Е. Тевяшов	»	Фигурка байдарки
5116 / 1	1933	А.С. Форштейн	Эскимосы	Сумка
5199 / 1	1934	Н.Н. Сушкина	Хайда	Деревянная ложка

трации, разделил все американское собрание Музея по отдельным народам. В то же время коллекции, которые не были выставлены на экспозиции, хранились в сундуках и ящиках по собирателям, поэтому К.К. Гильзену было известно все собрание И.Г. Вознесенского и ряд других коллекций.

С.А. Штернберг стала действовать более радикально. Она разобрала сундуки с незарегистрированными предметами и составила из них новые тематические коллекции (Табл. 4): одежда эскимосов (№ 2913), тлинкитские маски (№ 2448), вооружение тлинкитов № (2454) и т.д. С.А. Штернберг формировала тематические собрания на основе характерных внешних признаков предметов – формы, материала, орнамента, т.е. она провела предварительную этнографическую атрибуцию, не занимаясь изучением музейной документации и не используя сведений собирателей. Такая работа привела к большому количеству ошибок в определении этнической принадлежности отдельных вещей. Главная цель С.А. Штернберг заключалась в том, чтобы как можно быстрее разобрать все североамериканское собрание Музея по народам и подготовить группы предметов для новой тематической экспозиции.

На сведения о собирателях, районах и времени сбора С.А. Штернберг обращала мало внимания, если такие данные были, то в описи указывалось, что коллекция состоит из сборов таких-то лиц. При этом случалось, что атрибутировались лишь отдельные предметы из нескольких сотен. Если не было никаких сведений, то коллекции оформлялись как «старинные поступления музея» (Табл. 5).

Таблица 4

**Коллекции МАЭ по народам Русской Америки,
зарегистрированные С.А. Штернберг как тематические**

Номер коллекции МАЭ	Год регистрации	Собиратель	Народ
2448 / 29 / 29	1915	И.Г. Вознесенский, П.П. Дорошин	Тлинкиты
2520 / 27 / 30	1915	И.Г. Вознесенский	Тлинкиты, кадыкцы
2539 / 41 / 44	1915	»	Тлинкиты, хайда
2667 / 37 / 44	1918	И.Г. Вознесенский, П.П. Дорошин, Е.А. Борисов	Северные атапаски
2888 / 121 / 124	1923	И.Г. Вознесенский	Кадыкцы
2930 / 97 / 110	1924	»	Эскимосы
2938 / 24 / 28	1924	И.Г. Вознесенский, В.А. Миддендорф	»
3529 / 47 / 47	1927	И.Г. Вознесенский, А.Ф. Постельс	Эскимосы, алеуты

Примечание: В первом столбце после первой косой черты указано количество номеров в коллекции, после второй – количество предметов.

Таким образом, в восьми сборных коллекциях С.А. Штернберг зарегистрировала 423 предмета, из этого числа известны собиратели примерно 80 номеров, происхождение других вещей не установлено. Как правило, под одним номером объединялись составные части одного предмета или комплекс предметов, например, коробка с крышкой, пара обуви, стрела с футляром для наконечника и т.д. Такие вещи получали один номер, но разное буквенное или цифровое обозначение. Так, тлинкитская сумка с палочками для игры получила № 633 / 1, а каждая палочка тот же номер плюс свое цифровое обозначение – от 1 до 44. В первые десятилетия XX в. четкой системы регистрации не было, например, один цифровой номер с разными буквенными обозначениями получали разные вещи, или, наоборот, под одним номером регистрировалось несколько предметов. Поэтому условно допустим, что одному номеру соответствует один предмет или комплекс предметов, составляющих одно целое.

В 1931 г. в Музее была проведена перерегистрация всех американских коллекций и более 200 предметов, утративших к тому времени этикетки, были объединены в коллекциях № 4157, 4193.

В 30-е гг. XX в. в ряде ленинградских музеев проводилась инвентаризация, непрофильные коллекции передавались в другие музеи. Так, в 1930 г. из Строгановского дворца-музея в МАЭ поступила коллекция (№ 4087) из 43 предметов по алеутам и эскимосам, в том же году – еще

Таблица 5

Коллекции МАЭ по народам Русской Америки,
зарегистрированные С.А. Штернберг как «старинные поступления музея»

Номер коллекции МАЭ	Народ	Состав коллекции
2454 / 22 / 22	Тлинкиты	Вооружение
2552 / 2 / 2	Чугачи, кадьякцы	Корзины
2673 / 4 / 4	Индейцы Калифорнии	Лук и стрелы
2797 / 53 / 54	Алеуты, индейцы	Стрелы, гарпуны
2867 / 36 / 38	Алеуты	Орудия охоты
2868 / 239 / 239	Алеуты, эскимосы	Орудия охоты, головные уборы
2890 / 15 / 15	Эскимосы	Орудия охоты
2913 / 41 / 44	Кадьякцы	Одежда
2915 / 30 / 31	Чугачи, эскимосы	Орудия охоты, предметы быта
2925 / 137 / 161	Эскимосы	»
2937 / 72 / 91	Алеуты	Изделия из кости
2953 / 14 / 14	Эскимосы	Орудия охоты
3235 / 40 / 43	Алеуты, эскимосы	Одежда, предметы быта
3454 / 3 / 3	Народы Аляски	Наконечники стрел
4153 / № 3 и 4	Индейцы Калифорнии	Украшения
4157 / 98 / 105	Эскимосы	Орудия охоты
4193 / 102 / 115	Алеуты, эскимосы, тлинкиты, индейцы Калифорнии	Орудия охоты, предметы быта
5198 / 43 / 43	Эскимосы	Орудия охоты
5200 / 2	»	Лыжи

Примечание: В первом столбце после первой косой черты указано количество номеров в коллекции, после второй – количество предметов.

четыре коллекции (№ 4104, 4105, 4155, 4196) из Военно-морского музея по эскимосам, алеутам, тлинкитам и хайда общей численностью около 180 предметов и один предмет (№ 4208) из Военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. В 1931 г. из Военно-Морского музея поступила еще одна коллекция по народам Аляски, состоящая из 95 предметов (№ 4270), а из музея Академии художеств – большая коллекция из 108 предметов (№ 4291) по народам Аляски. Они были собраны русскими мореплавателями.

Ряд вещей последнего собрания атрибутирован. Их приобрел В.М. Головин в 1818 г. во время кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка» [Окладникова 1993]. В состав этой экспедиции входил выпускник Академии художеств М.Т. Тиханов. Он сделал несколько десятков рисунков индейцев Калифорнии, тлинкитов, атапасков, эскимосов, алеутов. Вероятно, он занимался и сбором коллекций. В конце плавания М.Т. Тиханов тяжело заболел и после возвращения в Петербург находился на изживении Академии художеств [Шур 1974].

Кроме М.Т. Тиханова, еще два художника посетили Русскую Америку в составе кругосветных экспедиций. Это Е.М. Корнеев, который в 1819–1822 гг. совершил плавание на судне «Благонамеренный» под командованием М.Н. Васильева, и П.Н. Михайлов, совершивший плавание на транспорте «Моллер» в 1826–1829 гг. под командованием М.Н. Станюковича. Вероятно, что в состав коллекции № 4291 входят сборы одного или нескольких из вышеназванных художников.

В 1932 г. из Академии материальной культуры (ныне – ИИМК РАН) в Музей были переданы две небольшие археологические коллекции. Одна из них № 4507 состояла из 25 изделий из кости, сделанных алеутами и эскимосами, другая № 4508 – из 9 предметов народов Русской Америки.

В 1938 г. состоялась передача из ГМЭ в МАЭ пяти коллекций (№ 5795, 5800, 5802, 5803, 5805), всего 75 предметов. В основном они принадлежали тлинкитам, хайда, нутка, северным атапаскам, но среди них было несколько алеутских и эскимосских вещей. Отдельные предметы из этого собрания поступили на хранение в ГМЭ из Царскосельского арсенала (в 1907 г.) и музея Киевского университета (в 1909 г.), а также из собрания графа А.А. Бобринского (в 1928 г.) [Волков, Руденко 1910: 155–200]. Вместе с предметами были переданы описи коллекций, благодаря которым удалось выявить, какие именно предметы поступили в МАЭ из этих учреждений.

Так, из дворца-музея А.А. Бобринского были получены девять костяных амулетов тлинкитского шамана (№ 5795 / 39–47). Значительную часть собрания Царскосельского арсенала составили сборы Д.М. Тебенькова – главного правителя русских владений в Америке в 1845–1850 гг. В отношении коллекции, поступившей из Киевского университета, можно с большой долей уверенности говорить, что она собирательская, а не тематическая. Она была собрана во второй половине XIX в. и состоит из довольно дорогих вещей: двух тлинкитских накидок-чилкат (№ 5795 / 16, 17) и четырех плетеных шляп (№ 5795 / 20–23), первая из которых принадлежит тлинкитам, остальные – кадьякцам. Также в состав коллекции входят четыре маски (№ 5795 / 28–30, 33) и сосуд в виде фигуры речной выдры (№ 5795 / 13), принадлежащие тлинкитам. Предметы северных атапасков представлены в этой коллекции кожаным колчаном (№ 5801 / 3), металлическим кинжалом с ножами (№ 5801 / 4а, б), несколькими парами мокасин (№ 5801 / 5а, б, 7а, б, 8а, б) и мужской сумкой «осьминог» (№ 5801 / 10). Этническая принадлежность последнего предмета не установлена, возможно, сумка принадлежала тлинкитам. Индейцев хайда в коллекции представляет только одна курительная трубка из черного агиллита (№ 5800 / 2). Вероятно, собирателем коллекции Киевского университета был один из православных миссионеров с Аляски, занимавший высокий пост. Простому миссионеру приобретение таких дорогих вещей было бы не по средствам.

Начиная с 1930 г. МАЭ приступил к передаче культовых предметов разных народов мира в Музей истории религии и атеизма. Всего на временное хранение было отдано более 600 предметов, в том числе и американских. В 1948 г. основная часть этих экспонатов была возвращена.

В последующие десятилетия в Музей поступило лишь несколько предметов по народам Русской Америки. В 1983 г. от Ю.А. Фомичева поступил гравированный моржовый клык эскимосов полуострова Сьюард (№ 6708 / 7), сделанный в конце XIX в., на нем выгравирована карта Аляски и сцены охоты. В 1984 г. из Эрмитажа в МАЭ были переданы алеутская деревянная шляпа (№ 6708 / 5) и декоративный столбик кадьякцев (№ 6708 / 6). Эти вещи были собраны во времена существования Русской Америки. В 1996 г. в Музей поступили две корзины индейцев Калифорнии (№ 7083). Они были приобретены А.И. Макшеевым в конце XIX в.

Всего в Музее находится на хранении около трех тысяч предметов по народам Русской Америки, из них более половины не атрибутированы – нет сведений об их собирателях, районах и времени сбора, а без этих данных, как было показано выше, невозможно полное научное описание предметов.

Атрибуция коллекций

Собрание участников экспедиции Дж. Кука

В апреле 1779 г. корабли третьей экспедиции Дж. Кука под командованием капитана Ч. Клерка достигли берегов Камчатки, где были гостеприимно встречены русскими. Покидая Камчатку, Ч. Клерк передал М.К. Бему – «командиру» Камчатки с 1773 по 1779 гг. – этнографическую коллекцию по народам Океании, собранную во время плавания. Эту коллекцию М.К. Бем лично доставил в Петербург, 27 марта 1780 г. она поступила в Кунсткамеру². Вместе с ней М.К. Бем привез несколько предметов ительменов и алеутов – «веревку, сплетенную из жил», «алеутскую рубашку из пузырей» и «модель алеутской байдарки» [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 118]. Эти вещи были получены от алеутов острова Уникамак.

Среди этих предметов на основе изучения этикеток XVIII в. удалось выявить каркас модели алеутской байдарки (№ 2868 / 214). М.К. Бему эту модель мог передать Я.И. Сапожников – передовщик судна «Св. Евпл», которое в 1773–1779 гг. находилось в плавании у Командорских и Алеутских островов. Небольшая артель промышленников «Св. Евпла» в 1778 г. вела промысел на острове Уникамак. 23 октября 1778 г. Я.И. Сапожников встретился с Дж. Куком, который вручил ему сверток для передачи М.К. Бему. Дж. Кук писал: «Он страстно желал вручить майору Берму мои дары, и я послал [Бему] в знак благодарности маленькую подзорную трубу» [Кук 1971: 396]. Я.И. Сапожников возвратился на Камчатку 7 июня 1779 г. Он передал М.К. Бему подарок Дж. Кука и, вероятно, упоминавшиеся вещи алеутов острова Уникамак.

Летом 1779 г. участники экспедиции Дж. Кука исследовали район Берингова пролива. В конце августа 1779 г. они еще раз зашли в Петропавловск-Камчатский, где их встретил капитан Василий Шмалев. Ему так же, как за несколько месяцев до этого М.К. Бему, была подарена этнографическая коллекция. Она поступила в Музей в 1782 г. через А.А. Вяземского. О.П. Беляев писал: «В 1782 г. присланы в Кунсткамеру от Его Сиятельства князя Александра Алексеевича Вяземского разные вещи, собранные славным путешественником г. Куком в Чукотской земле и в разных островах, между Азией и Америкой лежащих» [Беляев 1800: 114]. Приведем «Реестр, присланным от Е.С. Князя А.А. Вяземского для хранения в академической Кунсткамере вещам» [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 119]:

²Л.А. Иванова, отметив, что наличие среди дара М.К. Бему вещей ительменов и алеутов кажется странным, написала: «Однако нет оснований предполагать бемовские дополнения в подаренную коллекцию, так как он прямо указал в Описи те два предмета, происходящие лично от него» [Иванова 2005: 52]. Последние слова являются ключевыми, в «Описи», о которой говорит Л.А. Иванова, указаны вещи, подаренные лично М.К. Бемом, но не указаны собиратели ительменских и алеутских предметов, подаренных М.К. Бему русскими мореходами.

1. Каменный оселок, на коем каменные же яшмовые топоры и копья точат.
 2. Корольки янтарные и белые камешки.
 3. Две костяные личинки.
 4. Два яшмовых камешка.
- } Сии вещи носят зубатые народы у губ своих, в прорезанных на то нарочно дырах.
5. Часть восточного хрусталя.
 6. Сделанная тех же народов плясовая из шерсти незнаемого зверя шапка.

Л.А. Иванова привела другой документ с этим списком, отправленный иркутским губернатором Ф.Н. Кличкой к А.А. Вяземскому [Иванова 2005: 290]. Перечень предметов в списках Ф.Н. Клички и А.А. Вяземского совпадают. Л.А. Иванова считает документ Ф.Н. Клички оригиналом. Но если это оригинал, то чего – списка собирателя или списка доставленной в Иркутск коллекции? Вероятно, Л.А. Иванова полагает, что Ф.Н. Кличка ездил на Камчатку, встречал суда, прибывавшие с Алеутских островов, и составлял списки коллекций, привезенных русскими мореходами? Ф.Н. Кличка переслал в Петербург копию с оригинала документа, полученного с Камчатки. Естественно, что отчеты о состоянии дел на Камчатке и Алеутских островах он получал от правителя Камчатки – капитана В.И. Шмалева, а не от отдельных мореходов или промышленников.

В документах А.А. Вяземского и Ф.Н. Клички сказано, у какого народа были собраны эти вещи – у эскимосов островов Диомиды, только их в то время называли “зубатым” народом, из-за обычая носить в прорезях нижней губы костяные втулки – “зубы”. До исследований Дж. Кука район Берингова пролива посещался русскими экспедициями лишь в 1728 и 1732 гг. Этот факт свидетельствует о том, что вещи эскимосов островов Диомиды, полученный Ф.Н. Кличкой в Иркутске до 1781 г., могли быть собраны только участниками экспедиции Дж. Кука. Подтверждает это и приведенная выше цитата О.П. Беляева.

Ватрибуции океанийской коллекции Дж. Кука, доставленной М.К. Бемом, была допущена некоторая путаница. Сложилось мнение, что в ее состав входило шесть тлинкитских накидок из коллекции № 2520 [Пазумовская 1968: 20; Розина 1966: 246, 251; Климова 1984: 169; Siebert, Forman 1967: 43; Kaeppler 1978: 265]. Впервые ошибку в определении этих накидок допустила Е.Л. Петри. В конце XIX в. она регистрировала океанийскую коллекцию Дж. Кука. К большинству ее предметов имелись этикетки. Они были сделаны О.П. Беляевым, но Е.Л. Петри, зная, что коллекцию доставил в Петербург М.К. Бем, решила, что им же были сделаны и этикетки.

Вместе с океанийскими вещами к Е.Л. Петри попала тлинкитская накидка (№ 2520 / 5), на этикетке к которой стояла надпись: «Одеяло из шерсти небровой (бобровой. – С.К.). Алеутское». Увидев знакомый почерк, она сделала приписку «Почерк Бема. Петри», решив, что эта накидка доставлена М.К. Бемом и, соответственно, происходит из коллекции Дж. Кука. Впоследствии эта точка зрения стала общепринятой. Но в то время другие сотрудники Музея знали, что тлинкитские накидки из коллекции № 2520 не входили в состав собрания участников экспедиции Дж. Кука. Хранитель Музея Ф.К. Руссов писал: «В 1790 г. подарено императрицей

шесть квадратных кусков из шерстяной ткани с Алеутских островов (вероятно, накидки колош из шерсти горного барана)» [Russov 1900: 19].

В 1978 г. Я.М. Свет и С.Г. Федорова впервые опубликовали список предметов из коллекции Дж. Кука, доставленных в Петербург М.К. Бемом [Svet, Fedorova 1978: 19]. Ни в этом списке, ни в списке предметов, полученных через А.А. Вяземского, нет упоминаний о вещах, которые можно было бы соотнести с шестью накидками из коллекции № 2520, поэтому можно считать, что эти накидки не относятся к сборам третьей экспедиции Дж. Кука, тем более что есть достоверные сведения о поступлении в Кунсткамеру шести тлинкитских накидок в 1790 г.

Собрание Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова

В 1788 г. по приказу Г.И. Шелихова была организована экспедиция для исследования северо-западного побережья Аляски на судне «Три Святителя» под командованием Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова. В июне 1788 г. ее участники исследовали залив Якутат, побережье которого населяли индейцы эяки и тлинкиты. В то же время здесь находились тлинкиты куана чилкат, которые, возглавляемые вождем Илхаком, приехали торговать с жителями Якутата. Во время посещения русского судна Илхак «представил в знак своего к России повиновения одну, наподобие вороньего носа, железную штучку за божество у них почитаемую; мешочек из трав плетеный, песстрый; шесть бобровых парок и две доски, раскрашенные красками, одну кожаную, а другую деревянную, имеющую в себе небольшие камешки» [Шелихов 1971: 105–106]. Оставив Якутат, участники экспедиции прошли вдоль побережья и сделали остановку в заливе Лътуа. Здесь они щедро одарили вождя местных тлинкитов, который в свою очередь подарил русским «одного нового бобра и шесть бобровых ковров и взяв оные сам вручил на судне в знак своего усердия к императорскому высочайшему двору и требовал, чтобы прислано оное было туда непременно» [Шелихов 1971: 109].

Предметы культуры тлинкитов, полученные участниками экспедиции Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова, Г.И. Шелихов передал иркутскому генерал-губернатору И.А. Пилу. Последний отправил эти вещи Екатерине II вместе с рапортом, в котором писал: «Осмеливаюсь я, всемилостивейшая государыня, представить здесь перед освященные стопы Ваши и те самые вещи, кои от сих диких, в знак всеподданнического их долгу, принесены к компанейским мореходам» [Рапорт иркутского...: 300].

Упомянутые выше «бобровые ковры» вместе с другими предметами были доставлены в 1790 г. Екатерине II и сразу же переданы в Кунсткамеру. В журнале поступлений Музея сказано, что в 1790 г. поступили из Эрмитажа через графа А.А. Безбородко «шесть четырехугольных накидок с Алеутских островов, сделанных из очень тонкой шерсти и искусно переплетенных полосами из шкур выдры», а также сумка из травы, раскрашенные изображения, металлический идол и три серебряные испанские медали [Архив МАЭ. Ф. К-IV, Оп. 1. № 2. Л. 75]. Что касается серебряных медалей, то их раздавали жителям залива Принс Уильям экипажи испанских судов «Принцесса» и «Сан-Карлос» в 1788 г., вероятно, в журнале идет речь именно об этих

медалях [Пиль 1944: 107]. В остальном этот список полностью соответствует тому, что получили участники экспедиции Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова у тлинкитов побережья заливов Якутат и Лътуа.

Исследователями уже высказывалось предположение, что в Музее есть экспонаты, полученные от участников экспедиции Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова. В частности, к ним относили два тлинкитских герба: кожаный (№ 2448 / 29) и деревянный (№ 2448 / 30) [Дзенискевич 1992: 69; Окладникова 1995: 33; Siebert, Forman 1967: 21]. В настоящее время в Музее находится на хранении семь тлинкитских накидок: это накидка-чилкат (№ 593 / 26) из сборов И.Г. Вознесенского, накидки-чилкат (№ 5795 / 16, 17) из сборов XIX в., которые поступили в Музей из ГМЭ в 1938 г., и четыре накидки в коллекции № 2520, поступившие в 1790 г. Что касается двух недостающих накидок из собрания Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова, то одна из них еще во второй половине XIX в. по обмену была передана в Национальный музей Дании в Копенгагене [Emmons 1991: 229], о другой сведений нет. Когда в начале XX в. происходила регистрация американского собрания Музея, то четыре тлинкитские накидки объединили с двумя перьевыми накидками индейцев Калифорнии, так как было известно, что в 1790 г. в Музей поступили шесть накидок. Е.А. Окладниковой удалось атрибутировать накидки № 2520 / 8, 9 как изделия индейцев Калифорнии [Окладникова 1997: 151–165].

Таким образом, накидки № 2520 / 4–7 были получены участниками экспедиции Г.Г. Измайлова и Д.И. Бочарова в 1788 г. у тлинкитов, населявших побережье залива Лътуа.

Собрание И.И. Биллингса

В 1785–1794 гг. состоялась правительственная Северо-Восточная географическая экспедиция под руководством И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева для исследования Сибири и Аляски. Для И.И. Биллингса это была вторая экспедиция в северные районы Тихого океана. Свое первое плавание он совершил в составе третьей экспедиции Дж. Кука, поэтому И.И. Биллингс использовал английские карты и географические названия, данные Дж. Куком. Так, посетив в 1788 г. залив Принс Уильям, Дж. Кук дал ему название Сандвич Зунд. Под таким названием залив был известен шесть лет, да и то только в рукописных дневниках участников экспедиции. Когда в 1784 г. дневники Дж. Кука были изданы, то редактор изменил название «Сандвич Зунд» на «Принс Уильям» [Свет 1979: 88]. Однако И.И. Биллингс использовал название «Сандвич Зунд» и во время Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1794 гг. Вот почему в списке привезенной им коллекции предметы, полученные от чугачей, были обозначены как вещи жителей Сандвич Зунда. Это же географическое название попало в музейную документацию XVIII в. На этикетках к целому ряду предметов указаны только их названия и сделана приписка «Жителей Сандвич Зунда». Эти надписи были сделаны на основании списка предметов, полученных от участников экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева. Номера на этикетках и предметах соответствуют нумерации списка.

Всего в списке коллекции И.И. Биллингса, которая поступила в Кунсткамеру осенью 1794 г., указано 78 предметов, принадлежащих калмыкам, чукчам, алеутам, кадьякам, чугачам, эскимосам Берингоморья и айнам. Как уже отмечалось, в настоящее время только десять предметов в коллекции № 562 определены как сборы участников экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева. Для выявления других экспонатов приведем те части списка, где указаны предметы, приобретенные на Аляске (кроме американских вещей, здесь также значится головной убор чукчей, который и в настоящее время находится на хранении в американских фондах Музея) [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 381–383]:

<...>

9. Шапка (чукчи. – С.К.).
10. Платье хорошее жителей Уналашки, из кожи молодого морского медведя сделанное и богато украшенное, и принадлежащее к оному
11. деревянную шляпою.
12. Уборы головные.
13. Пояс женский шитой и мужской обыкновенный пояс.
14. Инструмент (Систр) из птичьих носов сделанной и при плясках употребляемой.
- 15–16. Две из кож морских зверей сшитые камлеи или дождевые рубахи, из которых одна совсем новая.
17. Парка алеутская из птичьих чрев.
18. Циновка уналашская.
19. Корзина кадьякских жителей, сплетенная из корней для ношения воды.
20. Корзина из [неразборчиво] для собирания ягод.
21. Платье кадьякских жителей из лосиных кож.
22. [Платье] из кож Сузлика с Сандвич-Соунда.
23. Систр, инструмент, употребляемый при плясках жителями онаго острова.
- 24–25. Две шляпы соломенные американских жителей Сандвич-Соунда.
26. Платье кожаное оных же жителей.
27. Деревянные латы, весьма хорошо сделанные, оттуда же.
28. Колчан с 4 медными стрелами, оттуда же.
29. 6 американских стрел с костяными концами и два лука.
30. Шесть небольших копий, употребляемых на ловле небольших морских зверей и на войне с Америкой.
31. Три дощечки, метаемые из руки.
32. Небольшое копьё [метаемое из руки].
- 33–34. Два больших копья на китов и морских львов с костяными концами.
35. Копья, из коих некоторые с аспидными концами для китов.
36. Лук американцев, живущих насупротив чукчей.

<...>

55. Костяной щит алеутов, надеваемый на руку при бросании стрел для защищения сустава, соединяющего кисть с костью руки.
56. Костяная модель американских саней.

<...>

58. Десять разных костяных украшений, прикрепляемых к шапкам, с Алеутских островов.
59. Серьги и зубы с островов, противолежащих Америке, привешиваемые к губам.
60. Бобровый зуб с деревянною рукояткою, которым заостряют каменные стрелы.
61. Краски и две кисти американских женщин.
62. Мешок, сшитый из кишок.
63. Деревянный идол кадьякский с черными волосами.
64. Идол охоты островских жителей, представляющий со спины морскую выдру.

<...>

67. Ящик деревянный, сделанный наподобие морской выдры, в который кладут островские жители концы от стрел и другие мелочи...

68. Деревянная с местами из китовых усов и с костяными поплавками уда.
 69. Сеть плетенная [неразборчиво] для ловли морских выдр.
 70. Сеть для ловли больших рыб.
 71. Длинные ремни для дротиков, все с островов лежащих против Америки.
 72. Костяные грузила, привешиваемые к сетям, оттуда же.
 73. Сигаро или испанский табак, найденный у жителей острова Сандвич-Соунда.
 74. Ременная веревка, принадлежащая дротику, [которым] ловят китов.
 75. Три деревянных блюда и три ложки американцев.
- <...>

Изучение списка показывает, что в нем перечислены вещи нескольких американских народов: алеутов, эскимосов-кадьякцев, эскимосов-чугачей и эскимосов Берингова пролива. Попробуем соотнести список И.И. Биллингса с маршрутом экспедиции. Так, в списке с 1-го по 3-й номер значится одежда калмыков, которую участники экспедиции могли приобрести в 1785 г. во время путешествия из Петербурга через Сибирь. С 4-го по 9-й номер – одежда чукчей, эти вещи могли быть приобретены в 1787 г. в Нижне-Колымске. С 10-го по 18-й номер перечислены в основном алеутские вещи, которые могли быть приобретены летом 1790 г., когда И.И. Биллингс, командуя судном «Слава России», совершил плавание вдоль Алеутских островов и далее к острову Кадьяк и заливу Принс Уильям. Соответственно, в списке под номерами с 19-го по 21-й указаны вещи кадьякцев, а с номера 22-го по 29-й – чугачей, затем снова идут вещи кадьякцев. Именно районы расселения этих народов участники экспедиции посетили летом 1791 г. [Сарычев 1952]. Начиная с 36-го номера вещи разных народов указаны не по порядку. Это можно объяснить тем, что к основной коллекции, которую собирал натуралист К.Г. Мерк, были добавлены предметы, приобретенные другими участниками экспедиции (Табл. 6).

Таблица 6

**Предметы из коллекции И.И. Биллингса
в фондах МАЭ по Русской Америке**

Номер по списку И.И. Биллингса	Номер коллекции МАЭ	Предмет	Народ
9	2930 / 49	Головной убор	Чукчи
16	562 / 6	Камлейка	Эскимосы Берингова пролива
24	562 / 5	Плетеная шляпа	Чугачи
25	562 / 4	»	»
27	2454 / 6	Боевые доспехи	»
28	562 / 7 / 1–4	Стрелы с металлическими наконечниками	»
29	2915 / 26	Лук	»
30	2888 / 56–61	Легкие гарпуны	Кадьякцы
31	2888 / 27, 30, 31	Метательные дощечки	»
32	2888 / 66	Легкий гарпун	»
33	2868 / 194	Тяжелый гарпун	»
34	2868 / 195	»	»
63	2938 / 4	Идол – фигурка человека	»
64	562 / 3	Идол – фигурка тюленя	»
69	3529 / 17	Сеть	»

Все эти данные, в свою очередь, можно подтвердить и дополнить сведениями, с этикеток, составленных О.П. Беляевым (Табл. 7). В книге О.П. Беляева приводится описание некоторых из вышеперечисленных предметов. Так, фразу «Шляпки <...> из коих одна деревянная, наподобие шишака сделанная, с изображенною на ее передней части рожицею» [Беляев 1800: 230] можно отнести к головному убору № 562 / 2, а «Несколько камлей, так называемое у них платье, делаемое наподобие рубашки из кишок морских зверей с нарочитым искусством, которые они обыкновенно употребляют во время дождя и ненастья» – к камлейкам № 562 / 1, 6 [Беляев 1800: 228]. Соответственно «Шляпа голубо-зеленая, у которой находится наверху цилиндр» [Беляев 1800: 228] – это плетеная шляпа № 562 / 4, а «Два небольших деревянных идола кадьякских жителей, из коих один представлен с черными волосами, а другой называемый у них идол охоты, изображает морскую выдру» – к деревянным фигуркам человека № 2938 / 4 и тюленя № 562 / 3 [Беляев 1800: 241]. О плетеной корзине № 2552 / 2 у О.П. Беляева сказано: «Корзина <...> мех кадьякских жителей, выплетенная из кореньев и употребляемая к ношению воды» [Беляев 1800: 238].

Таблица 7

Предметы из коллекции И.И. Биллингса с этикетками О.П. Беляева

Номер коллекции МАЭ	Надписи на этикетках О.П. Беляева
562 / 1	«№ 25 новая рубаха от дождя. Америк. От Биллингса»
562 / 5	«№ 26 шляпа из кореньев плетеная. Америк. Биллингса».
562 / 6	«№ 27 рубаха подержанная от дождя. Америк. От Биллингса».
562 / 2	«№ 28 шляпа. Америк. От Биллингса».
562 / 4	«№ 33 шляпа голубо-зеленая с цилиндрами. Америк. От Биллингса».
2552 / 2	«№ 71 корзина или мех из кореньев. Американская».
2888 / 56–61	«№ 131 шесть метательных дротиков. Американских».
2888 / 31	«№ 132 три метательных деревянных орудий. Америк».
2888 / 66	«№ 133 дротик наподобие стрелы. Америк».
2868 / 194	«№ 134 дротик для ловли китов. Америк».
2868 / 195	«№ 135 дротик для ловли китов. Америк».
59° – номер временной регистрации	«№ 136 лук. Америк».
2938 / 4; 562 / 3	«№ 142 два деревянных идола. Америк».
3529 / 17	«№ 148 сеть из [неразборчиво] жил. Америк».

Некоторые из экспонатов, перечисленные в таблицах, упоминаются в трудах участников экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева. Так, вероятно, именно о корзине № 2552 / 2 говорится: «У них (кадьякцев. – С.К.) есть также из трав и морских растений сплетенные корзинки так плотно, что они в них держат воду. И варят себе кушания посредством каменных камней, которые они кладут в ту воду с рыбою или мясом» [Из журнала И.И. Биллингса...: 387]. К деревянному головному убору № 562 / 2, с вырезанной на нем мордой тюленя (Рис. 2) отнесем слова «есть у них шляпки деревянные, с резными на них головками разных морских животных» [Из журнала И.И. Биллингса...: 388]. Данный головной убор относится к числу уникальных экспонатов МАЭ.

Рис. 2. Охотничий головной убор кадьякцев (№ 562 / 2).

О плетеных шляпах кадьякцев натуралист К.Г. Мерк писал: «Их шляпы маленькие, имеют форму короткого конуса со сплюснутым дном и окрашены. Называются Nukwachtuk. Жены делают их из корней ели – Augunak, а некоторые носят шляпы, которые заканчиваются цилиндрами с несколькими уступами» [Мерк 1978: 71]. Здесь идет речь о плетеных шляпах № 562 / 4, 5.

Под № 562 / 6 значится камлея из китовых кишок, капюшон которой имеет заостренную кверху форму. Р.Г. Ляпунова атрибутировала ее как изделие эскимосов острова Кадьяк [Ляпунова 1980: 89–90]. Однако камлейки такой формы не встречаются у кадьякцев, они характерны для эскимосов района Берингова пролива. На наличие у берингоморских эскимосов коротких парок с капюшоном заостренной формы и камлеек к ним указывает К.Г. Мерк [Мерк 1978: 89–90].

Из других экспонатов особое внимание обратим на деревянные доспехи № 2454 / 6, которые в списке И.И. Биллингса значатся под № 27 как «деревянные латы». В Музее это единственные доспехи, которые можно определить как часть воинского снаряжения эскимосов-чугачей. Чугачи в конце XVIII в. попали в зависимость от русских и наряду с алеутами и кадьякцами отправлялись в промысловые партии для охоты на морских животных. Практически никакого вооруженного сопротивления русским они не оказали. Что касается традиционного военного снаряжения чугачей, то боевой лук со стрелами довольно быстро был заменен огнестрельным оружием, а деревянные доспехи, легко пробиваемые пулями, также вышли из

употребления. Боевые доспехи чугачей однотипны тлинкитским, но в то же время имеют ряд отличий, главное из которых – отсутствие рисунка тотема. В Музее имеется пять наборов тлинкитских доспехов, и на всех есть изображение тотемного животного на неоплетенной части – на груди и спине воина. Доспехи № 2454 / 6 были в употреблении, на них имеются следы крови, следовательно, нет основания говорить, что они не закончены и поэтому не имеют рисунка тотема.

Этот экспонат можно рассматривать в контексте древних азиатско-американских связей. Пластинчатые деревянные доспехи были распространены на Аляске в Северной Америке и на территории Северо-Восточной Азии. Боевые доспехи чугачей и тлинкитов практически однотипны, алеутские – конструктивно несколько иные, но они также сделаны из вертикально расположенных деревянных пластинок [Crossroads...: 230]. Боевые панцири эскимосов побережья Берингова пролива типологически ближе к алеутским, чем тлинкитским, но они изготовлялись не из деревянных, а из костяных пластинок. При этом главный конструктивный принцип – изготовление доспехов из небольших пластинок, – позволявший воину свободно двигаться, использовался всеми вышеупомянутыми народами. Этот же тип доспехов был распространен в Сибири среди чукчей, коряков и других народов.

Итак, в результате изучения сочинений участников экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева и музейной документации, а также при сравнении списка коллекции И.И. Биллингса со старинными этикетками в девяти коллекциях МАЭ удалось выявить около 20 предметов, собранных участниками этой экспедиции.

Собрание по алеутам

В разделе по истории формирования коллекций указано, когда и от кого в Музей поступали алеутские коллекции. Здесь остановимся на атрибуции отдельных предметов. Напомним, что алеутское собрание Кунсткамеры в XVIII в., согласно этикеткам О.П. Беляева, имело в основном номера от 68-го по 89-й (Табл. 8).

Таблица 8

**Предметы из собрания МАЭ по алеутам,
представленные в этикетках О.П. Беляева**

Номер предмета (согласно этикетке О.П. Беляева)	Номер коллекции МАЭ	Предмет
68	2867 / 35	Погремушка из топорковых клювов
69	2867 / 34	»
72	2888 / 92	Плетеная корзина
80	2868 / 201	Тяжелый гарпун
84	2868 / 238	Плетеная сумка
88	2868 / 209	»
89	2868 / 215	• Каркас модели байдарки
Сведений нет	4193 / 84	Кожаный колган

Ниже приводятся надписи О.П. Беляева к вышеперечисленным предметам. Так, погремушка № 2867 / 35 имела этикетку: «№ 68. Музыкальный инструмент с острова Уналашки», а № 2867 / 34: «№ 69. Музыкальный инструмент американцев». В книге О.П. Беляева дается описание этих предметов: «Музыкальное (шаманское. — С.К.) орудие жителей острова Уналашки, состоящее из пяти разной величины обручей, укрепленных горизонтально поперечную палочкою и унизанных ипаткиными носами (топорковыми клювами. — С.К.), которые при малейшем трясении друг о друга ударяясь, производят довольно ощутимый и приятный шум» [Беляев 1800: 238].

Эти погремушки относятся к числу уникальных экспонатов Музея. Христианство получило широкое распространение среди алеутов уже в конце XVIII в., т.е. менее чем через пятьдесят лет после знакомства с русскими. Дж. Ледиард, один из участников третьей экспедиции Дж. Кука, посетил в 1788 г. на Уналашке жилище русских, которые проживали совместно с алеутами. Он писал: «Едва я улегся, русские молча созвали индейцев (алеутов. — С.К.) и сотворили молитву по обычаю греческой церкви, который очень напоминает католический. Я не мог не отметить, с каким особым благоговением индейцы отдавали долг Богу у своих маленьких распятий, с каким удовольствием они отправляли многочисленные обряды, сопутствующие такого рода богослужению» [Из воспоминаний...: 48–49]. Формально уже в начале XIX в. все алеуты были христианами. Предметы духовной культуры алеутов в этнографических собраниях музеев встречаются крайне редко. Они представлены в основном церемониальными головными уборами и масками.

Данные погремушки подтверждают также древние культурные связи народов Аляски. В Музее имеются похожие по форме погремушки эскимосов острова Кадьяк и индейцев тлинкитов. На сходный мифологический цикл о происхождении солнца, луны и звезд у тлинкитов и алеутов указывал И.Е. Вениаминов [Вениаминов 1840, Ч.III: 47].

К плетеной корзине № 2888 / 92 относится этикетка: «№ 72. Корзина из травы. Американская». Она упоминается у О.П. Беляева [Беляев 1800: 241], как и сумка № 2868 / 238 [Беляев 1800], которая имеет этикетку: «№ 84. Сумка из соломы выплетенная. Алеутская».

Имеются этикетки и к моделям байдарок: «№ 88. Образец байдары, обтянутой кожей. Американская» (№ 2868 / 209); «№ 89. Образец байдары детской. Алеутской» (№ 2868 / 215). К этим предметам можно отнести фразу О.П. Беляева: «Несколько образцов байдар, из коих иные обтянуты кожей, в коих весь флот состоит американцев» [Беляев 1800: 239].

Из приведенных данных видно, что наибольшее количество алеутских вещей XVIII в. находится в коллекции № 2868 с № 201–234. К некоторым из этих вещей имеются этикетки XVIII в., но сделанные не О.П. Беляевым, а в более ранний период. Так, головной убор № 2868 / 232 имеет этикетку: «№ 6. Шапка алеутская мужская», а № 2868 / 234: «№ 7. Шапка алеутская мужская». Последний головной убор соответствует описанию О.П. Беляева: «Мужчины носят также и кегелю подобные кожаные шапки, вышитые слишком на пядь, которых края и два супротивных шва вычурами, а сии и оторочки их волосаю бахромою, шириною в ладонь, верхушка же

шнурками и прикрепленными к ним улитками (топорковыми клювами. — С.К.) украшены» [Беляев 1800: 180]. Надо отметить, что это же описание помещено и у И.И. Георги [Георги 1799: 90]. Рисунок алеута в подобном головном уборе имеется в альбоме акварелей к немецкому изданию книги И.И. Георги 1776 г. [Küpfer...]. Это означает, что уже в то время головной убор такого типа находился в Музее.

О.П. Беляев и И.И. Георги упоминают также и о головном уборе, сделанном целиком из шкуры пеганки: «Зимою носят шапки из шкурок пеганки (утки. — С.К.), которые сдирают и высушивают так, что голова проходит в брюхо птицы; причем ее шея, крылья и хвост остаются по-прежнему на своих местах» [Беляев 1800: 180; Георги 1799: 90]. Вероятно, этот головной убор вместе с аналогичными этнографическими экспонатами, типа «шкуры целой гагары, которую употребляют вместо кармана» [Беляев 1800: 230], был передан в XIX в. в Зоологический музей. Женский головной убор № 2868 / 233 имеет этикетку: «№ 8. Шапка алеутская женская». Описание головного убора этого типа также есть у О.П. Беляева: «Женщины шьют себе шапки из кожи рыбьих шкур или из разнородных звериных кишок. У шапок сих края прямые, шириною в ладонь, при том они повсюду вышиною равны и имеют плоскую и мелкую тулью. Края и тулью украшают весьма пригожим шитьем, которое выводят жилами, волосами, а иногда и бисером, если могут оной достать, тулью же обводят по краям волосною бахромою длиною в палец» [Беляев 1800: 180]. Вышеперечисленные головные уборы неоднократно публиковались Р.Г. Ляпуновой [Ляпунова 1976: 157–165; 1975а: 178–195; 1985: 39–49].

С большой долей уверенности к алеутскому собранию XVIII в. можно отнести металлический нож № 2454 / 3, который в современной музейной документации значится как тлинкитский. По форме и технике изготовления он резко отличается от тлинкитских кинжалов: он однослойный, очень грубой холоднойковки, с деревянной рукоятью. У тлинкитских кинжалов лезвие и рукоятка составляют одно целое, они изготавливались из одной заготовки. Алеутские металлические ножи, по свидетельству К.Г. Мерка, имели деревянную рукоять [Мерк 1978: 64]. Нож такого же типа изображен на рисунке участника Второй Камчатской экспедиции Ф. Плениснера [Крашенинников 1994: 178]. По своей форме нож № 2454 / 3 напоминает короткий японский меч [Синицын 1999: 74–99]. Известно, что японские джонки, увлекаемые течением Куро-Сию, неоднократно прибывало к Алеутским островам. Об одном из таких посещений острова Атту около 1735 г. сообщал алеут Темнак [Зубкова 1948: 18]. Алеуты заимствовали из японского языка слова «медь» и «металл» [Кондратенко, Прокофьев 1989: 32]. Вероятно, и при изготовлении металлических ножей алеуты использовали форму коротких японских мечей. Алеутские металлические ножи вышли из употребления уже в конце XVIII в., и, насколько известно, их нет ни в одном музее мира.

Имеется только одно свидетельство о приобретении русскими алеутских металлических ножей. Об этом упоминает И.М. Соловьев в рапорте о пребывании экипажа судна «Св. Петр и Павел» на островах Умнак и Уналашка в 1764–1766 гг. Он писал: «При сем же вывезено мною от та-

мошних народов <...> два ножа железных, а куют они таким манером: взяв железо, положи на камень, а сверху бьют другим камнем же, куют холодное, на огне не нагревают, а вместо этого весьма часто мочат морским рассолом или водою» [Рапорт морехода...: 169].

Собрание участников первой русской кругосветной экспедиции

Как уже отмечалось, в 1806 г. Музей получил этнографическую коллекцию № 536 от капитана судна «Нева» Ю.Ф. Лисянского – участника первой русской кругосветной экспедиции. Экипаж «Невы» в 1804–1805 гг. около года находился на территории Русской Америки на островах Кадьяк и Ситха. За это время Ю.Ф. Лисянский и другие члены экспедиции, в частности П.В. Повалишин, собрали большое количество предметов культуры местного населения. Собрание Музея, полученное от участников плавания, формировалось из нескольких частей. Кроме коллекции № 536, в 1828 г., после ликвидации музея Государственного Адмиралтейского департамента, Кунсткамера получила другие вещи из сборов Ю.Ф. Лисянского, П.В. Повалишина и И.Ф. Крузенштерна.

Коллекция Ю.Ф. Лисянского № 536 не раз привлекала внимание исследователей: неоднократно публиковались отдельные ее вещи, Е.А. Окладникова сделала описание всей коллекции – тех 28 номеров, которые зарегистрированы в ней в настоящее время [Окладникова 1995]. Однако, согласно «Реестру вещам, привезенным Лисянским, доставленным 1806 г. 20 декабря» первоначально в его коллекции числилось 48 номеров по народам Русской Америки. Приведем перечень тех предметов, которые есть в «Реестре», но отсутствуют в коллекции № 536 [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 95–97]:

- 10. Кадьякские колотья рыбы.
<...>
- 13. Чугачское древко китового копья.
- 14. Кадьякская бобровая стрела.
<...>
- 20. Чугачские колотушки для убивания рыб.
<...>
- 30. Кадьякский ишкат.
- 31. Чугачская рогожка.
<...>
- 38. Кадьякские побрякушки.
<...>
- 43. Кадьякская нерпичья стрелка.
- 44. Кадьякская (мотушка – ? С.К.).
- 45. Кадьякская (мотушка – ? С.К.).
<...>
- 50. 2 копья китовые с Кадьяка.
<...>
- 53. Кадьякская кукла мужская малого роста.
<...>
- 57. 2 кадьякские пекулки (аспидные ножи).
<...>
- 60. Кадьякские сумки.
<...>
- 62. Шерсть диких баранов в Кинаях.

<...>

69. Кадыякская сумочка для поклажи.

70. Подставка для женских работ с Кадыяка.

<...>

78. Бумага с Кадыяка, кукол вырезанных из кости и дерева.

<...>

80. 3 колошенские маски.

81. 1 нашейник.

Благодаря «Реестру» можно определить этническую принадлежность всех предметов в коллекции № 536 по данным собирателя. Это вещи кадыякцев, чугачей, тлинкитов, атена и индейцев Калифорнии. Ю.Ф. Лисянский не посещал район расселения индейцев атена и Калифорнию. Эти вещи были ему подарены служащими Российско-Американской компании. Так, предметы индейцев танаина Ю.Ф. Лисянский приобрел на Кадыяке в мае 1805 г., тогда в селение Павловская Гавань были доставлены меха из района Кенайского залива. Вещи индейцев атена Ю.Ф. Лисянский мог получить от служащих Константиновской крепости, которые также в это время были на Кадыяк [Лисянский 1947: 175].

Изучение «Реестра», музейной документации, атласа рисунков и книги Ю.Ф. Лисянского позволило выявить и ряд других экспонатов, поступивших от участников первой русской кругосветной экспедиции. В ряде случаев не представляется возможным разделить предметы, собранные Ю.Ф. Лисянским и П.В. Повалишиным, поэтому фамилии обоих собирателей указаны вместе (Табл. 9).³

Далее, приведем описания предметов, которые можно найти в книге Ю.Ф. Лисянского.

Так, к гарпуну для охоты на нерп кадыякцев (№ 536 / 27) подходит описание: «Есть и еще особый вид нерпичьих стрелок, которые довольно походят на бобровые и отличаются от касаточных только одними носками, ибо у последних они длиннее и вставляются в кость, которая при ударе выпадает. Наконечники указанных стрелок, не исключая нерпичьего гарпуна, привязываются к моутам, или жильным шнуркам, которые прикрепляются к древкам. Они вставляются в концы, оправленные в кость, так что когда зверь ранен, то наконечник выходит из своего места и, оставшись в теле, сматывает шнурок с древка, которое, упираясь непрерывно о поверхность воды, утомляет добычу, стремящуюся поминутно нырять» [Лисянский 1947: 185–186].

К нижней части гарпуна прикрепляли орлиные перья, для обеспечения траектории полета. Ю.Ф. Лисянский писал: «Между прочим, меня удивил орел, который после захода солнца влетел в барабору и сел у огня. Он, говорят, так умен, что где бы ни находился, всегда узнает свои байдарки, возвращающиеся с рыбачьего промысла, и тотчас летит домой. Кадыякские жители держат этих птиц единственно для перьев, которые употребляют для стрел всякого рода» [Лисянский 1947: 172–173].

К метательной дощечке кадыякцев (№ 536 / 20) относится описание: «Стрелки бросают правою или левою рукою с узких дощечек, которые сле-

³В таблице указаны вещи, поступившие как непосредственно в Кунсткамеру в 1806 г., так и переданные из музея Государственного Адмиралтейского департамента в 1828 г.

Таблица 9

Предметы из собрания МАЭ по народам Русской Америки,
поступившие от участников первой русской кругосветной экспедиции

Номер коллекции МАЭ	Предмет	Народ	Собиратель
633 / 2	Сумка	Кадыякцы	Ю.Ф. Лисянский
633 / 3	Сумка	Кадыякцы	Ю.Ф. Лисянский
633 / 7	Погремушка	»	П.В. Повалишин
633 / 8	Боевой шлем	Тлинкиты	Ю.Ф. Лисянский
633 / 9	Боевой шлем	Тлинкиты	Ю.Ф. Лисянский
633 / 19	Деревянная ложка	Алеуты	»
633 / 20	»	»	»
633 / 346	Ножны	Тлинкиты	»
633 / 35	Металлический кинжал	»	»
633 / 36a	Губная втулка	»	»
633 / 366	»	»	»
2448 / 10	Маска	»	Ю.Ф. Лисянский или П.В. Повалишин
2448 / 11	»	»	Ю.Ф. Лисянский
2448 / 17	Наголовник	»	Ю.Ф. Лисянский или П.В. Повалишин
2448 / 24	Погремушка	»	П.В. Повалишин
2454 / 7	Боевые доспехи	»	Ю.Ф. Лисянский
2454 / 14	Боевой шлем	»	Ю.Ф. Лисянский или П.В. Повалишин
2520 / 25	Ножны для кинжала	»	И.Ф. Крузенштерн
2888 / 89	Охотничья шляпа	Кадыякцы	Ю.Ф. Лисянский
2925 / 24	Камлейка	Алеуты	П.В. Повалишин

дует держать указательным пальцем с одной стороны, а тремя меньшими – с другой, для чего вырезаются ямки. Стрелки кладутся оперенным концом в небольшой желобок, вырезанный посреди дощечки, и бросаются прямо с плеча» (Лисянский 1947: 186).

Для охоты в море необходимо было иметь хорошее транспортное средство, у кадыякцев таковым являлась байдарка (каяк). Ю. Лисянский приобрел настоящий трехлючный каяк длиной около восьми метров – № 536 / 24. Он писал: «Кадыякцам надлежит отдать справедливость за изобретение байдарок, которые они строят из тонких жердей, прикрепленных к шпангоутам, или, лучше сказать, к обручам. Они обтягиваются так хорошо сшитыми нерпичьими кожами, что ни капли воды никогда не проходит внутрь. Теперь их три рода в употреблении, т.е. трехлючные, двухлючные и однолючные <...> Все эти суда ходят на малых веслах, и не только особенно легки на ходу, но и весьма безопасны в море при самом крепком волнении. Надо только иметь затяжки, которые крепятся у люков и задерживаются на груди сидящего на байдаре. Я сам проехал в трехлючной байдарке около 400 верст (425 км) и могу сказать, что не имел у себя никогда лучшего гребного судна. В байдарке надо сидеть спокойно и чтобы гребцы не делали больших движений, в противном случае можно опрокинуться. Хотя кадыякцы в другом не слишком проворны, но отменно искусны в управлении этих челнов, на которых они пускаются сквозь буруны и плавают без всякой опасности более тысячи верст. Правда, это бывает всегда подле берега, однако иногда в хорошую погоду ходят верст за 70 (около 75 км) без отдыха <...> Когда на

пути их захватывают штормы в открытом море, тогда по несколько байдарок соединяется вместе и дрейфуют спокойно до перемены погоды. В таком случае каждому гребцу нужно иметь камлейку, сшитую из крепких кишок, которая у рукавов и на голове капюшона затягивается шнуром, так как волны во время бури часто плещут через байдарку» [Лисянский 1947: 188–190]. Такая камлейка (№ 536 / 23а) также есть в коллекции Ю.Ф. Лисянского.

О женских сумочках кадьякцев, предназначенных для хранения мелких вещей (№ 633 / 2), Ю.Ф. Лисянский писал: «Все шьется здесь жилыми нитками, которые выделяются так тонко и чисто, что не уступят лучшему сученому шелку. Плетенки (сумочки. – С.К.) или шнурки делаются с удивительным искусством. Оленья шерсть, козий волос, раздерганный стамед только на Кадьяке употребляется для украшения» [Лисянский 1947: 186].

К уникальным экспонатам Музея относится деревянный охотничий головной убор кадьякцев (№ 2888 / 89), об использовании которого Ю.Ф. Лисянский сообщает: «Нерпу бьют сонную, но всего забавнее, когда заманивают ее к берегу. Охотник скрывается между камнями и, надев на голову шапку, сделанную из дерева наподобие нерпичьей морды, кричит голосом нерпы. Животное, надеясь найти себе товарища, подплывает к берегу и там лишается жизни» (Рис. 3) [Лисянский 1947: 185].

«Чем <...> древнее, тем превосходнее работа, а особенно резьба из кости. Это ремесло, судя по куклам, находящимся у меня, было в хорошем состоянии, если принять во внимание, что оно принадлежало необразо-

Рис. 3. Охотничий головной убор кадьякцев (№ 2888 / 89).

ванным людям. Но ныне с трудом можно сыскать человека, который изобразил бы что-нибудь порядочное» [Лисянский 1947: 186]. Известно, что к сборам Ю.Ф. Лисянского относятся статуэтки из кости кадьякцев из собрания РЭМ [Орлова 1964: 105], что касается МАЭ, то к его сборам возможно относится статуэтка № 699 / 1.

Также Ю.Ф. Лисянский упоминает о способах охоты на бакланов при помощи сети (№ 536 / 19): «Ловля птиц, называемых урилами (бакланы. — С.К.), составляет третий промысел. Их ловят также жилой сеткой, которая внизу растягивается на шест, длинной в две сажени. В верхние концы сетки продевается шнур сквозь ячеи, и прихватывается по концам вышеуказанного шеста. Поскольку эти птицы обыкновенно садятся на утесы, то охотник, подкрадываясь с собранной сетью и достигнув удобного возвышения, бросает ее прямо на птиц. Испугавшись, урилы стараются улететь и запутываются в сети. Тогда охотник, держа один конец шнура, тянет другой к себе и собирает сетку в кошель, в котором иногда находится целое стадо птиц. Ширина сетки бывает обыкновенно сажени две с небольшим, а длина — до 12 сажень» [Лисянский 1947: 185].

Собрание по эскимосам Кадьяка является самым многочисленным в коллекции Ю.Ф. Лисянского. Большое внимание он уделил также сбору коллекций и изучению традиционной культуры тлинкитов. Предметы быта этих индейцев Ю.Ф. Лисянский получил от А.А. Баранова — главного правителя русских владений в Америке. В 1802 г. тлинкиты уничтожили русское поселение на острове Ситха. В июне 1804 г. А.А. Баранов совершил плавание во главе военной экспедиции по проливам архипелага Александра, побережье которого населяли тлинкиты, для демонстрации мощи русского оружия. Во время этого рейда было сожжено тлинкитское селение на острове Кую, воины которого принимали активное участие в боевых действиях против русских в 1802 г. Вероятно, именно индейцам селения Кую принадлежали вещи, которые А.А. Баранов передал Ю.Ф. Лисянскому. Здесь может идти речь о боевых доспехах (№ 2454 / 7), боевых шлемах (№ 633 / 8, 9; 2454 / 14), масках (№ 2448 / 10, 11), и налоговнике (№ 2448 / 17), кинжале с ножнами (№ 633 / 35, 346), каменном молоте (№ 536 / 3), двух миниатюрных масках с шаманского наголовника (№ 536 / 1а, б) и шаманской погремушке (№ 536 / 7). Ю.Ф. Лисянский писал: «На другой день Баранов приехал ко мне и привез разные колошенские (тлинкитские. — С.К.) вещи и маски, довольно искусно вырезанные из дерева и раскрашенные разными красками. Личины эти надеваются во время празднеств и представляют головы животных, птиц или каких-либо чудовищ. Все они так толсты, что на большом расстоянии невозможно пробить их пулей» [Лисянский 1947: 153]. Здесь говорится о боевых шлемах № 633 / 8, 9 и 2454 / 14.

Сообщая о ремесленных изделиях тлинкитов, Ю.Ф. Лисянский отмечал: «Самым большим искусством или ремеслом здешних жителей может считаться резьба или рисунки. Судя по множеству масок и виденных мною других резных и разрисованных вещей, следует заключить, что каждый ситкинец — художник в области упомянутых искусств. Здесь не увидишь ни одной игрушки, даже самой простой, ни одного орудия и никакой посуды, на

которых бы не было множества разных изображений, а особенно на коробках и сундуках, крышки которых обкладываются сверху того ракушками, похожими на зубы. Привычка каждый день раскрашивать себе лицо сделала, по моему мнению, всех жителей живописцами или малярами. Наиболее употребительные краски следующие: черная, темно-красная и зелено-голубая. Хотя они, должно думать, разводятся на рыбьем клее, однако же, так крепки, что не линяют и не сходят от дождя» [Лисянский 1947: 214].

Также в собрании Ю.Ф. Лисянского представлены втулки – губные украшения тлинкиток (№ 633 / 36а, б). Об их использовании он писал: «У колошенских женщин как только начнутся периодические недомогания, прорезывается нижняя губа, в которую вкладывается деревянный овал, выделанный наподобие ложки. Этот прорез увеличивается вместе с летами, так что напоследок губа оттягивается более двух вершков (почти на 9 см) и около 3 вершков (13 см) по сторонам лица <...> (это украшение. – С.К.) находится здесь в большом уважении, а потому знатные женщины должны иметь губы насколько возможно больше и длиннее» [Лисянский 1947: 216].

Собрание В.М. Головнина

В.М. Головнин, известный русский мореплаватель, человек удивительной судьбы, сыграл негативную роль в истории Российско-Американской компании. Его во многом субъективная критика не только повлияла на ее деятельность в первые десятилетия XIX в., но и приводилась как едва ли не главный аргумент при обсуждении вопроса о продаже Русской Америки в 60-е гг. XIX в.

В.М. Головнин дважды побывал на Аляске – во время плавания на шлюпе «Диана» в 1809–1811 гг. и в 1818 г. во время кругосветной экспедиции на судне «Камчатка». Этнографические коллекции, о которых пойдет речь, были собраны во время последнего путешествия. Как и многие другие моряки, В.М. Головнин после возвращения в Петербург в 1819 г., разделил свое собрание на несколько частей. Одну часть (31 номер) он передал в Кунсткамеру, другую (38 номеров) – в музей Государственного Адмиралтейского департамента. Возможно, что какую-то часть своей коллекции В.М. Головнин передал в Академию художеств вместе с рисунками художника экспедиции М.Т. Тиханова. В настоящее время все вещи из этнографического собрания В.М. Головнина находятся в МАЭ и зарегистрированы в нескольких коллекциях.

О том, что в Кунсткамеру в 1819 г. поступила коллекция от В.М. Головнина из 31-го предмета, записано в журнале поступлений МАЭ. Из копии списка этой коллекции, находящейся в отделе Америки, известно, что В.М. Головнин передал в Музей следующие экспонаты по народам Русской Америки:

<...>

4. Алеутская плетеная расписная шляпа (№ 539 / 1. – С.К.).

<...>

7. Модель алеутской байдарки и ее снаряжение (№ 539 / 3. – С.К.).

<...>

10. Модель алеутской камлейки (№ 2868 / 54. – С.К.).

<...>

14. Томагавк с реки Медной.

<...>

16. Алеутский широкий кинжал (№ 539 / 2. – С.К.).

<...>

18. Калифорнийское перьевое украшение в виде султана.

19. Искусная плетеная обувь из Новой Калифорнии.

20. Шейное украшение из перемежающихся рядов черного ореха (№ 2868 / 47. – С.К.).

<...>

23. Большая сеть из тюленьего ремня.

<...>

25. Бутылкообразная калифорнийская корзина (№ 570 / 113. – С.К.).

<...>

Коллекция В.М. Головнина впервые была зарегистрирована в Музее в конце XIX в., в то время удалось выявить из ее состава только три предмета. Это – каркас модели байдарки (№ 539 / 2), металлический нож индейцев таина или кадьякцев (№ 539 / 3) (Рис. 4) и плетеная шляпа кадьякцев (№ 539 / 1). Другие вещи к этому времени утратили этикетки и оказались зарегистрированными в сборных коллекциях. Из их числа Е.А. Окладникова выявила два предмета: шпильку для волос индейцев Калифорнии (№ 570 / 31) и плетеную корзину калифорнийских индейцев племени чумаш (№ 570 / 113) [Окладникова 1993: 242]. На этих предметах имеются этикетки с указанием фамилии собирателя. Шпилька для волос первоначально поступила в музей Государственного Адмиралтейского департамента, откуда в 1828 г. она вместе с другими предметами Натур-кабинета была передана в Кунсткамеру.

При сравнительном изучении всего комплекса музейной документации и самих предметов удалось выявить еще три экспоната. Это ожерелье из семян с костяной фигуркой медведя (№ 2826 / 47), модель камлейки (№ 2868 / 54) и женская рабочая корзина кадьякцев (№ 3235 / 5).

Укажем те предметы из коллекции В.М. Головнина, что были переданы в музей Государственного Адмиралтейского департамента [Окладникова 1993: 236]:

1. Модель двухлючной американской байдарки.

<...>

4. Топор зеленой яшмы жителей северо-западного берега Америки. Около широты 61.

Рис. 4. Металлический кинжал (№ 539 / 3).

- <...>
 6. Нарядная маска жителей северо-западного берега Америки, около о-ва Ситха.
 <...>
 8. Модель трехлючной байдарки с Американских островов.
 9. Сосуды деревянные, употребляемые жителями северо-западного берега Америки.
 <...>
 11. Лук и стрелы Нового Альбиона.
 <...>
 14. Музыкальный инструмент жителей Алеутских о-вов из носов птиц (морских попугаев).
 15. Головное украшение жителей Нового Альбиона.
 <...>
 18. Копье, коим жители Кадыака бьют китов.
 <...>
 20. Головной наряд жителей Калифорнии.
 <...>
 22. Черенок из моржовой кости жителей Кадыака.
 23. Сивучий пузырь, коей жители Алеутских о-вов приделывают к стрелам, которыми они бьют бобров и употребляют вместо сосудов для хранения жидкостей.
 <...>
 26. Ковер, служащий нарядным платьем старшинам северо-западного берега Америки, сделанный из шерсти диких коз.
 <...>
 33. Шляпа работы жителей Чугатской губы.
 <...>
 38. Наряд калифорнийских индейцев.

Как видно, эта коллекция по своему составу богаче и разнообразнее, чем коллекция Кунсткамеры. В настоящее время из вышеуказанных пятнадцати номеров удалось атрибутировать шесть. Это тлинкитский наголовник (№ 2448 / 18), упомянутый в списке под № 6, тлинкитский сосуд (№ 633 / 29-1), который значится в списке под № 9, алеутская погремушка из клювов топорка (№ 633 / 6) – № 14 по списку, шпилька для волос индейцев Калифорнии (№ 570 / 31) – № 15 по списку, плетеная шляпа чугачей (вероятно № 633 / 18) – № 33 в списке, наконечник копья для охоты на китов (№ 2888 / 23) – № 18 по списку.

Вероятно, именно к сборам В.М. Головнина относится и набор играль-ных палочек тлинкитов в плетеном футляре (633 / 5). Этот предмет не указан в списке коллекции В.М. Головина музея Государственного Адмиралтейского департамента, но значится в еще одном списке привезенной им коллекции [РГА ВМФ. Ф. 25. Оп. 1. Д 114. Л. 47^{об}]. Описания предметов у В.М. Головнина весьма отрывочны и скупы. Об изделиях индейцев Калифорнии он писал: «Впрочем, индейцы сии делают вещи, которые и в Европе заслужили бы похвалу; я имею в моем собрании редкостей много вещей их работы, например корзинки, сплетенные из кореньев и травы столь плотно и твердо, что воды не пропускают, и в коих посредством разгоряченных камней варят они себе пищу; шляпы их, сделанные из тех же материалов и часто украшенные раковинами; те и другие из сих вещей сделаны не только прочно, но и весьма красиво. Головные же их наряды, из перьев составленные, можно сказать, даже сделаны со вкусом» [Головнин 1965: 162].

Ряд предметов, аналогичных тем, которые перечисляются в списках коллекций В.М. Головнина, можно увидеть на акварелях художни-

ка экспедиции М.Т. Тиханова. Так, эскимосы-кадьякцы в плетеных шляпах изображены на двух рисунках [Science Under Sail...: 34; Головнин 1965: 112], имеются рисунки тлинкитской накидки с геометрическим узором [Science Under Sail...: 35], погремушки кадьякцев из топорковых клювов [Crossroads...: 141], орудий охоты кадьякцев [Science Under Sail...: 34] и предметов быта индейцев Калифорнии [Головнин 1965: 177; Шур 1974: 176–177].

Что касается третьей части собрания В.М. Головнина, поступившей первоначально в Академию художеств, то с полной уверенностью нельзя говорить о том, была такая передача или нет. В настоящее время в Музее имеется только одна коллекция (№ 4291), переданная из Академии художеств в 1931 г. Конкретных сведений о ее собирателях нет, известно только, что она поступила от участников русских кругосветных экспедиций. В таких плаваниях с посещением Русской Америки принимали участие три художника Академии: М.Т. Тиханов, Е.М. Корнеев и П.Н. Михайлов. Вероятно, в коллекцию МАЭ входят сборы одного или нескольких из них. Вполне возможно, что есть в ней и вещи, приобретенные мореплавателями, в частности В.М. Головниным. Так, Е.А. Окладникова писала: «Особое внимание привлек предмет № 4291 / 17 (лыжи-ракеты. – С.К.). На одной из многочисленных этикеток, наклеенных на этот предмет, была размашистая надпись коричневыми чернилами: “Головнаго”. Ее, вероятно, следует читать как “Головнина” или, точнее, “из собрания Головнина”» [Окладникова 1993: 240]. Известно, что В.М. Головнин передал часть своей этнографической коллекции в Академию художеств для изготовления рисунков, которыми предполагалось проиллюстрировать его книгу.

Собрание участников экспедиции М.Н. Васильева – Г.С. Шишмарева

В 1819–1822 гг. состоялась экспедиция под командованием М.Н. Васильева, ее целью был поиск северного морского прохода из Тихого в Атлантический океан. Экспедиция совершалась на двух судах, шлюпом «Открытие» командовал М.Н. Васильев, шлюпом «Благонамеренный» – Г.С. Шишмарев. В состав экспедиции входил художник от Академии художеств Е.М. Корнеев и двое ученых от Академии наук – астроном Павел Тарханов и штаб-лекарь Федор Штейн, который исполнял обязанности натуралиста, он же должен был заниматься сбором различных коллекций по инструкции Адмиралтейского департамента. Заниматься сбором «оружия диких, их платья и украшений» для музеев Академии наук и Адмиралтейского департамента должны были и все офицеры экспедиции [Лазарев 1950: 74]. Кроме того, в инструкции А.П. Авинову, который проводил самостоятельные исследования в районе от Бристольского залива до мыса Невенгам, М.Н. Васильев писал: «С жителями, где вам случится видаться, обходитесь дружелюбно, отличая между ними старшин, и одарить их из отпущенных вам подарочных вещей. Что найдете любопытного, как-то: оружия, украшения, одежду их, изделия и прочее выменивайте» [Лазарев 1950: 393]. При снаряжении экспедиции на подарочные вещи, предназначенные для обмена с аборигенами, была потрачена огромная сумма – свыше 25 тыс. рублей.

Необходимо указать те районы Русской Америки, которые участники плавания посетили во время экспедиции и, соответственно, где они занимались сбором коллекций. 3 июня 1820 г. шлюп «Благонамеренный» пришел в Уналашку, 17 июня судно отправилось к острову Св. Лаврентия, а затем в район Берингова пролива. Пройдя Берингов пролив, «Благонамеренный» достиг залива Коцебу и стал здесь на якорь. 16 июля побережье залива Коцебу достиг и шлюп «Открытие». Исследовав побережье «Ледовитого моря», 31 июля суда подошли к острову Св. Лаврентия, а затем отправились к Уналашке (Рис. 5). Покинув Уналашку 28 августа, шлюпы стали на якорь в Ново-Архангельске в конце сентября. Здесь был оставлен лейтенант И.Н. Игнатьев для сборки бота, а оба судна отправились на зимовку в Калифорнию, куда они прибыли в начале ноября. Простояв в порту Сан-Франциско три месяца, суда вновь вышли в море. Сделав кратковременную остановку в Ново-Архангельске, в конце мая 1821 г. оба судна и бот под командованием А.П. Авинова отправились в северный район Берингова моря. Во время этой навигации экипаж «Благонамеренного» исследовал остров Св. Лаврентия и район Берингова пролива, экипаж «Открытия» – острова Св. Павла и Св. Георгия, побережье Берингова моря от Бристольского залива до залива Нортон; когда 11 июля был открыт остров Нунивак, А.П. Авинов сделал описание побережья Бристольского залива.

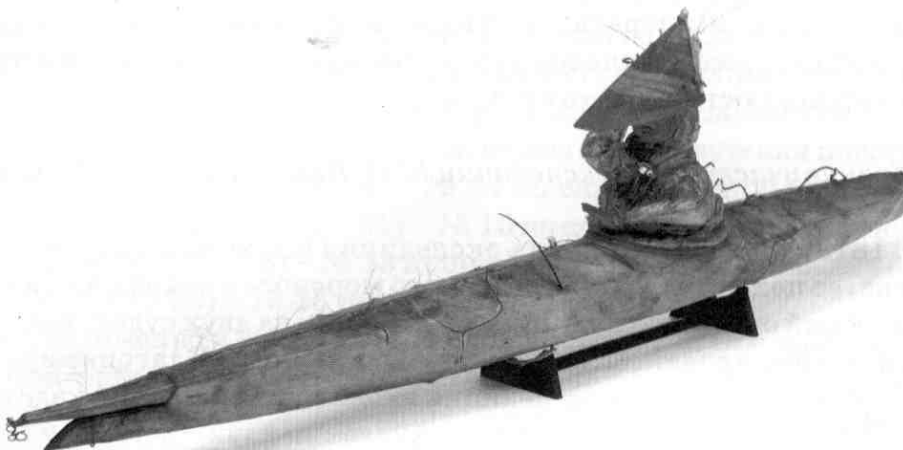

Рис. 5. Модель алеутской байдарки (№ 2868 / 211) из коллекции М.Н. Васильева.

Таким образом, участники экспедиции посетили районы расселения индейцев Калифорнии, тлинкитов, алеутов, эскимосов Бристольского залива, островов Нунивак и Св. Лаврентия, заливов Нортон и Коцебу, эскимосов побережья «Ледовитого моря». Кроме того, во время стоянок в Ново-Архангельске участники экспедиции могли приобрести вещи живших здесь эскимосов острова Кадьяк и других народов Русской Америки.

Как уже отмечалось, специально сбором коллекций занимались натуралист Ф. Штейн и начальник экспедиции М.Н. Васильев, последнему дол-

жны были сдавать свои коллекции все офицеры шлюпов. В приказе М.Н. Васильева сказано: «Когда от меня будут отпущены подарки для диких, стараться различать между ними старшин, ибо дарить преимущественно их. Если что у них найдется любопытного, как-то: оружие, разные изделия, промысла и тому подобное и с согласия их сами они станут дарить, принимать и представлять ко мне» [Лазарев 1950: 93]. В то же время некоторые из офицеров составляли свои личные коллекции. Так, известно, что такая коллекция имела у лейтенанта шлюпа «Благонамеренный» А.П. Лазарева, которая находилась у него еще в 1830 г. [Лазарев 1950: 209]. После возвращения из плавания, Ф. Штейн передал свое собрание в музей Государственного Адмиралтейского департамента, а М.Н. Васильев – в Кунсткамеру, оно поступило в Музей 1 октября 1823 г. в двенадцати ящиках [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп.1. № 2. Л. 138].

В результате изучения музейной документации удалось выявить ряд этикеток к предметам, которые были сделаны до 1827 г. сотрудником Музея И. Алексеевым – эти же предметы указаны в списке американских предметов Кунсткамеры за 1827 г. [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 13]. На некоторых этикетках указаны географические названия, позволяющие отнести их к сборам участников экспедиции М.Н. Васильева.

О принадлежности предметов с этикетками И. Алексеева к собранию М.Н. Васильева свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, наиболее вероятно, что при составлении списка американских экспонатов Музея в 1827 г. И. Алексеев делал этикетки к тем предметам, которые их еще не имели. Так, в его списке указаны предметы из всех коллекций, уже имевших этикетки (И.И. Биллингса, Ю.Ф. Лисянского, алеутского собрания XVIII в., бразильской коллекции А. Араужу, коллекции по гурунам XVIII в. и др.), коллекция же М.Н. Васильева, полученная только в 1823 г., находилась среди экспонатов, еще не имевших этикеток. При изготовлении этикеток к вещам из коллекции М.Н. Васильева И. Алексеев восстанавливал этикетки к предметам, которые утратили их к тому времени. В частности, здесь идет речь о маске № 2448 / 11 из собрания Ю.Ф. Лисянского

Во-вторых, И. Алексеев регистрировал новые поступления по собирателям, поэтому логично предположить, что предметы, имеющие этикетки, изготовленные из одного материала и написанные одинаковым почерком, относятся к одной коллекции.

В-третьих, на некоторых этикетках имеются географические названия тех районов, которые посетили именно участники экспедиции М.Н. Васильева. Так, здесь упоминаются Калифорния, Ново-Архангельск, Алеутские острова, остров Св. Лаврентия, Бристольский залив, заливы Нортон и Коцебу, побережье Ледовитого океана, побережье Берингова пролива как с американской, так и с азиатской стороны. Кто еще мог доставить в Музей до 1827 г. коллекции, собранные у населения этих районов?

Залив Нортон был открыт в 1788 г. участниками третьей экспедиции Дж. Кука. Первое русское судно – бриг Российско-Американской компании «Головнин» под командованием В.С. Хромченко – достигло северного побе-

режья залива Нортон в 1821 г. Этой части залива В.С. Хромченко дал название «залив Головнина» и употреблял его во всех документах. В том же году залив Нортон посетил шлюп «Открытие» под командованием М.Н. Васильева, который упоминает его только как залив Нортон. Это же географическое название встречается на этикетках И. Алексеева.

Несмотря на то, что остров Св. Лаврентия был открыт в 1728 г. участниками Первой Камчатской экспедиции В.И. Беринга, никаких научных исследований здесь не проводилось до 1815 г., когда остров посетил экипаж судна «Рюрик». Только участники экспедиции М.Н. Васильева сделали опись побережья острова и занимались здесь сбором коллекций. Участники экспедиции М.Н. Васильева были первыми из русских мореплавателей, прошедшими севернее залива Коцебу до Ледяного мыса. Поэтому можно с уверенностью говорить, что вещи жителей острова Св. Лаврентия, побережья залива Нортон и берегов Ледовитого океана Аляски, поступившие в Музей до 1827 г., были собраны участниками экспедиции М.Н. Васильева.

В-четвертых, в Музее имеется несколько предметов, которые определенно можно отнести к сборам участников экспедиции М.Н. Васильева. Так, к стреле на птиц (№ 2925 / 89) есть этикетка с надписью: «С острова Св. Лаврентия. 17 июня 1820 года». В этот день шлюп «Благонамеренный» оставил Камчатку и направился к острову Св. Лаврентия, где офицеры Г.С. Шишмарев и А.П. Лазарев сходили на берег [Зубов 1954: 240]. На этикетке к остроге (№ 2953 / 1) сделана надпись: «Острога для мелкой рыбы острова Св. Лаврентия с южной стороны. 1821 года августа 22 – сентября 4». До 22 августа включительно экипаж «Благонамеренного» проводил опись южного побережья острова, а затем отправился к берегам Камчатки. Ниже приводится таблица экспонатов Музея, которые входили в состав коллекции М.Н. Васильева (Табл. 10).

Что касается сведений о вышеперечисленных предметах, то ни М.Н. Васильев, ни Ф. Штейн, ни другие участники экспедиции на шлюпе «Открытие» не опубликовали описания плавания. Ф. Штейн в основном занимался геологическими исследованиями [Штейн 1825, 1825а]. Из экипажа «Благонамеренного» описание плавания сделали А.П. Лазарев [1950] и К.К. Гильзен [1849], но в этих работах имеются лишь отрывочные сведения этнографического характера.

Так, А.П. Лазарев говорит о фактах обмена с аборигенами на острове Св. Лаврентия 23 июня 1820 г. и на побережье залива Коцебу 9 июля 1820 г. Он пишет: «Мы хотели выменивать у них оружие, а они вместо онаго старались сбывать лисиц, из которых за каждую просили или топор или большой нож, но как сей товар их нам не был нужен для составления коллекции редкостей, то и одарили мы их одним табаком» [Лазарев 1950: 200]. В последующие дни экипаж «Благонамеренного» еще несколько раз встречался с эскимосами залива Коцебу, о чем А.П. Лазарев писал: «По окончании обеда капитан позволил всем нам начать меню с жителями, чего сии последние неотступно требовали. Но никто из нас не мог успеть в сей торговле, ибо американцы весьма дорожились и за каждую вещь просили топор или большой нож, которых мы с собой не имели. Оружия своего они, по-видимому, совсем не хотели променивать, и мы не могли ничего полу-

Таблица 10

**Коллекция МАЭ по народам Русской Америки,
поступившая от участников экспедиции М.Н. Васильева**

Номер коллекции МАЭ	Название	Народ	Регион
570 / 163–179	Стрелы	Индейцы	Калифорния
570 / 97	Корзина	»	»
2448 / 23	Погремушка	Тлинкиты	о. Ситха
2448 / 26	Кисточка	»	»
2448 / 27	»	»	»
2448 / 28	»	»	»
2454 / 5	Боевые доспехи	»	»
2454 / 8	»	»	»
2520 / 14	Плетеная шляпа	»	»
2539 / 5	Рыболовный крючок	»	»
2539 / 9	Кремень	»	»
2539 / 41а–в	Курительная трубка	»	»
2888 / 51–55	Стрелы	Кадьякцы	о. Кадьяк
2888 / 75	Метательная дощечка	»	»
4157 / 90	Погремушка	»	»
106е – временная регистрация	Гарпун для охоты на каланов	Чугачи	зал. Пр. Уильям
107е – временная регистрация	»	»	»
2915 / 27	Лук	»	»
2867 / 15	Гарпун на сивучей	Алеуты	о-ва Лисьевские
2868 / 111	Метательная дощечка	»	о-ва Алеутские
2868 / 129–130	Гарпуны для охоты на каланов	»	о-ва Лисьевские
2868 / 211	Модель байдарки	»	о-ва Алеутские
3235 / 3	Плетеная корзина	»	»
2890 / 1	Гарпун на сивучей	Эскимосы	зал. Бристольский
2953 / 12	»	»	»
3235 / 25	Лук	»	»
633 / 21	Курительная трубка	»	зал. Нортон
2890 / 6	Гарпун на китов	»	»
2890 / 7	»	»	»
2890 / 9	»	»	»
2925 / 3	Каменный топор	»	»
2925 / 5	Лезвие топора из нефрита	»	»
2925 / 10	Черпак для байдары	»	»
2925 / 11	»	»	»
2953 / 2	Гарпун для китов	»	»
4157 / 85	Лук	»	»
2925 / 89	Стрела	»	о. Св. Лаврентия
2930 / 26–28	Зубы моржа	»	»
2953 / 1	Острога на рыбу	»	»
2925 / 124	Шатина на птиц	»	побережье Ледовитого океана
3235 / 28	»	»	»
58е – временная регистрация	Лук	»	»
94з – временная регистрация	Лук	»	»

читать от них, кроме нескольких луков, колчанов и стрел. Одеты они были в оленьи, еврашичьи, выхухольные, а некоторые даже в куньи парки и по несколько раз в день переодевались для того ли, чтобы показать нам свое богатство, или чтобы при перемене погоды переменить и платье. Также

имели они на себе оленьи штаны и торбасы, вместе сшитые. У женщин первые были гораздо шире, нежели мужские, а парки красивее с разными узорами. Низ оных иные имели круглый, а другие прямой, с сердцеобразными по бокам выемками <...> почти у всех женщин наколото на подбородке несколько синих же полос, а уши, как равно и у мужчин, проткнуты или украшены камнями или бисером, который также оба пола носят на голове и преимущественно любят голубой и красный, предпочитая крупный мелкому. Главнейшее же их украшение состоит в двух вещицах, сделанных наподобие большой пуговицы из кости или зеленого камня и вставляемых в широкий прорез под нижней губой, а еще более из самого крупного голубого бисера, обделанного костью и также вставленного по краям рта. Украшение сих двух родов видели мы, однако, у одного только начальника, а у прочих же оно просто костяное; женщины вовсе его не имеют» [Лазарев 1950: 204–205].

Фразу «оружие сего народа составляют луки со стрелами, которые хранятся в кожаных шитых колчанах и имеют на концах острые обделанные кремни, пики их также из простого дерева, и более, как кажется из выкидного, с обделанным же кремнем на конце» отнесем к лукам № 58-е и 94-з (номера временной регистрации) [Лазарев 1950: 210].

Эскимосы залива Коцебу не жевали табак, как более южные группы, а курили его. Этот способ употребления табака был заимствован из Азии [Купина 1995: 93], поэтому для курения использовались трубки чукотского типа (№ 633 / 21). А.П. Лазарев отмечал: «Здесьние американцы – страшные охотники до курительного табака. Набив им трубку, сделанную из дерева, и смешав его с багульником, а когда такового нет, то удовольствуются одной последней травой, при курении втягивают они весь дым в себя и удерживают его в продолжение по крайней мере пяти минут, до тех пор пока сделаются пьяны и совершенно лишаются чувства» [Лазарев 1950: 211].

Эскимосы острова Св. Лаврентия предлагали русским на обмен в основном меха и моржовую кость: «Переводчик <...> просил, чтобы они продали нам несколько из своих орудий, но казалось, что старшина не понял сего объяснения за большим шумом диких, предлагавших свои вещи в продажу, или хотел, как и его товарищи, сбыть прежде худший товар <...> Островитяне предлагали сначала в продажу моржовые клыки и зубы (№ 2930 / 26, 27, 28. – С.К.) и разные мелочные изделия из кости сего животного, потом дело дошло до птиц <...> и, наконец, до употребляемого ими оружия» [Лазарев 1950: 294–295]. Здесь может идти речь о стреле для охоты на птиц № 2925 / 89. Острогу для ловли рыбы (№ 2953 / 1) участники экспедиции приобрели летом 1821 г., во время второго посещения острова. А.П. Лазарев отмечал: «Мы заметили, что у них (эскимосов южного побережья о. Св. Лаврентия. – С.К.) орудия, одежда, байдары и проч. были такие же, как и у чукок, только работа их грубее, и сами жители гораздо более беднее чукок» [Лазарев 1950: 327].

Что касается собрания по индейцам-тлинкитам, то суда экспедиции несколько раз посетили столицу Русской Америки – город Ново-Архангельск на острове Ситха, расположенный в самом центре территории расселения тлинкитов. К тому же несколько участников экспедиции во главе с

лейтенантом И.Н. Игнатьевым провели здесь более восьми месяцев и имели прекрасные возможности для сбора коллекций, так как располагали большим «подарочным фондом» для обмена с аборигенами.

Во время стоянки в порту Ново-Архангельска русские суда неоднократно посещали индейцы. А.П. Лазарев писал: «Мы еще не успели уложиться с шлюпом, как колошенские тойоны – Сагинак и Котильян с их подчиненными – приехали поздравить нас с прибытием, т.е. попить у нас, поесть и поплясать <...> Первый начинающий плясать затягивает песню, сначала тихо и заунывно, как бы склоняя других, а потом мало-помалу возвышает голос, поет скорее, и тогда пристают к нему другие. Один бьет в такт о пол, сам кривляясь, особенно головой, которая также должна быть осыпана перьями. Плясуны и певцы раскрашивают себе на сей раз лица красной или голубой краской и наряжаются в лучшее свое платье» [Лазарев 1950: 232].

Таким образом, имеются основания считать, что выявленная коллекция относится к сборам участников экспедиции М.Н. Васильева. Еще одним подтверждением правильности такой атрибуции является большое количество оружия и орудий охоты в ее составе. О необходимости сбора оружия многократно упоминается в приведенных выше инструкциях.

В 1828 г. из музея Государственного Адмиралтейского департамента в Кунсткамеру была передана коллекция от еще одного участника этой экспедиции – Ф. Штейна. В настоящее время удалось выявить лишь единственный экспонат из ее состава. Это наконечник от китового гарпуна эскимосов острова Кадьяка (№ 2888 / 24).

Собрание музея Государственного Адмиралтейского департамента

Музей Государственного Адмиралтейского департамента просуществовал под этим названием с 1805 по 1827 гг. Его этнографическое собрание состояло из коллекций, полученных от участников русских кругосветных и полукругосветных экспедиций. Уже в 1806 г. музей получил две коллекции от участников первого русского кругосветного плавания – Ю.Ф. Лисянского и П.В. Повалишина. В 1819 г. были получены коллекции от Л.А. Гагемейстера, который в составе экипажа судна «Кутузов» в 1817–1818 гг. находился на Аляске и в Калифорнии, и В.М. Головина, посетившего в 1818 г. этот же район на шлюпе «Камчатка». В 1822 г. поступила коллекция от штаб-лекаря судна «Открытие» Ф. Штейна, в 1824 г. – две коллекции: одна от С.П. Хрущева, командира шлюпа «Аполлон», другая – от А.П. Лазарева, командира шлюпа «Ладога». Оба эти судна посетили Русскую Америку в 1823 г. В собрание музея Государственного Адмиралтейского департамента попала и коллекция декабриста Д.И. Завалишина, изъятая у него при аресте в 1826 г. Д.И. Завалишин находился на Аляске и в Калифорнии в 1823–1824 гг., будучи мичманом на фрегате «Крейсер» под командованием М.П. Лазарева, который также занимался сбором различных коллекций.

В предыдущих разделах говорилось об этнографических коллекциях участников первой русской кругосветной экспедиции и В.М. Головина. Здесь остановимся на собирательской деятельности других мореплавателей.

В 1826 г. музей Государственного Адмиралтейского департамента был реорганизован и разделен на четыре кабинета (отдела): модель-камеру, библиотеку, кабинет атласов и карт, натур-кабинет. В состав последнего вошли этнографические, зоологические, ботанические, минералогические и нумизматические коллекции. Окончательную судьбу этнографического собрания решил указ Николая I, отправленный начальнику Морского штаба вице-адмиралу А.В. Моллеру 19 октября 1827 г. [Огородников 1909: 35]:

В Музеуме бывшего государственного Адмиралтейского Департамента хранятся между прочим вещи, кои не имеют ничего относящегося к морскому искусству, а посему и повелеваю: монеты, медали, минералы, кости, раковины, окаменелости, насекомья, растения, черепа разных зверей и птиц, также оружия, одеяния и изделия жителей островов Восточного океана, Алеутской гряды и Северо-восточных берегов Азии, кроме речных и мореходных их судов, передать в ведение Министерства просвещения; предоставляя Вам из числа сих вещей удерживать те, кои Вы признаете нужными для Морского кадетского корпуса.

Дав вместе с сим надлежащее повеление Министру Народного Просвещения, пребываю Вам благосклонный,

Николай.

Передача собрания натур-кабинета в Кунсткамеру была осуществлена в 1828 г. Всего было передано 1855 номеров. Вместе с вещами был представлен и общий список этого собрания – «Ведомость редкостям, отданным из музеума бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук». В настоящее время в отделе народов Австралии и Океании МАЭ имеется оригинал и две близкие писарские копии этого документа. Они отличаются друг от друга лишь наличием порядковой нумерации и пометками исследователей, которые работали с ними. Определенно можно назвать трех авторов этих пометок: это Ф.К. Руссов (хранитель МАЭ в 1865–1905 гг.), В. Чубинский (начальник архива Морского министерства в 80-е гг. XIX в.) и К.К. Гильзен, (в период с 1898 по 1903 гг. он проводил регистрацию американских коллекций МАЭ). Вероятно, именно Ф.К. Руссов подчеркнул в одном из списков красным карандашом название американских предметов, а синим – океанийских. В. Чубинскому принадлежат пометки карандашом в оригинале «Ведомости», рядом с названиями некоторых предметов он указал фамилии собирателей и годы поступления предметов в музей Государственного Адмиралтейского департамента. В конце документа он подписался: «Начальник Архива Морск. Мин-ства Чубинский». К.К. Гильзен рядом с названиями некоторых предметов проставил их современные номера – коллекции № 633, которую он регистрировал в 1901 г.

Все предметы этой коллекции относятся к наиболее ценным экспонатам МАЭ. Они представляют большую научную и художественную ценность, а некоторые из них являются уникальными, так как подобные экспонаты не встречаются в собраниях других музеев. К их числу, в частности, можно отнести два костяных футляра для бритв, сделанных алеутами по заказу русских (№ 633 / 26, 27), и тлинкитский боевой шлем (№ 633 / 8). Несмотря на большое внимание, которое исследователи уделяли этой коллекции, к настоящему времени атрибутировано лишь несколько предметов из ее состава.

Корзинка (№ 633 / 4) и плетеная шляпа (№ 633 / 16) определены Р.С. Разумовской. Она считала, что первый экспонат относится к сборам В.М. Головнина, а последний – к сборам Ф.П. Литке [Разумовская 1967: 107–112]. На основе каких данных Р.С. Разумовская определила происхождение этих вещей, сведений нет. Ее атрибуция вызывает сомнение, т.к. упомянутой корзинки нет в списке собрания В.М. Головнина, поступившего в музей Государственного Адмиралтейского департамента 1819 г. [Окладникова 1993: 236–237]. Сумку из растительного волокна (№ 633 / 2) атрибутировала Е.А. Окладникова [Окладникова 1995: 34], а боевой шлем – Л.Т. Блэк (№ 633 / 8) [Crossroads...: 77].

Далее попытаемся определить собирателей, время и место сбора предметов, поступивших в Кунсткамеру из музея Государственного Адмиралтейского департамента. В настоящее время МАЭ располагает коллекций № 633, а так же «Ведомостью» и карточным каталогом к этой коллекции, составленным К.К. Гильзеном в 1901 г., где указаны порядковые номера предметов по «Ведомости», а также вклеены этикетки музея Государственного Адмиралтейского департамента к большинству предметов. На этикетках указаны названия вещей и их номер. Изучение музейной документации позволяет атрибутировать большинство поступивших в Кунсткамеру предметов (Табл. 11). Так, сравнение трех списков «Ведомости» показало, что К.К. Гильзен использовал только один вариант этого документа и ему был неизвестен оригинал списка, в котором В. Чубинский указал фамилии собирателей некоторых предметов.

Таблица 11

**Предметы из коллекции № 633, переданные в МАЭ
из музея Государственного Адмиралтейского департамента**

Номер по «Ведомости»	Номер коллекции МАЭ	Время сбора	Собиратель	Народ	Название
193	633 / 4	1817–1818	А.Л. Гагемейстер	Кадьякцы	Корзина
211	633 / 1	1817–1818	А.Л. Гагемейстер	Тлинкиты	Набор игральных палочек
214	633 / 10	1808	С.Г. Скотт	Кадьякцы	Удочка
187	2868 / 29	1823–1824	Д.И. Завалишин	Алеуты	Сумка
196	633 / 16	1823–1824	М.П. Лазарев	Тлинкиты	Плетеная шляпа
195	633 / 17	1823	С.П. Хрушев	Кадьякцы	Плетеная шляпа
216	633 / 26	до 1824	И.И. Сизов	Алеуты	Футляр для бритвы
216	633 / 27	до 1824	И.И. Сизов	»	»
205	633 / 31 / 1	1823–1824	М.П. Лазарев	Тлинкиты	Рубаха
318	633 / 31 / 2	1823–1824	М.П. Лазарев	Чугачи	Фигура бобра
318	633 / 32	1823–1824	М.П. Лазарев	Тлинкиты	Деревянная голова медведя
251	633 / 33а	1817–1818 ?	Л.А. Гагемейстер ?	Тлинкиты	Железный кинжал
251	633 / 33б	1817–1818 ?	Л.А. Гагемейстер ?	»	Ножны
251	633 / 34а	1817–1818 ?	Л.А. Гагемейстер	»	Железный кинжал

Согласно списку коллекции С.П. Хрущева [РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 764. Л. 29], он передал в музей Государственного Адмиралтейского де-

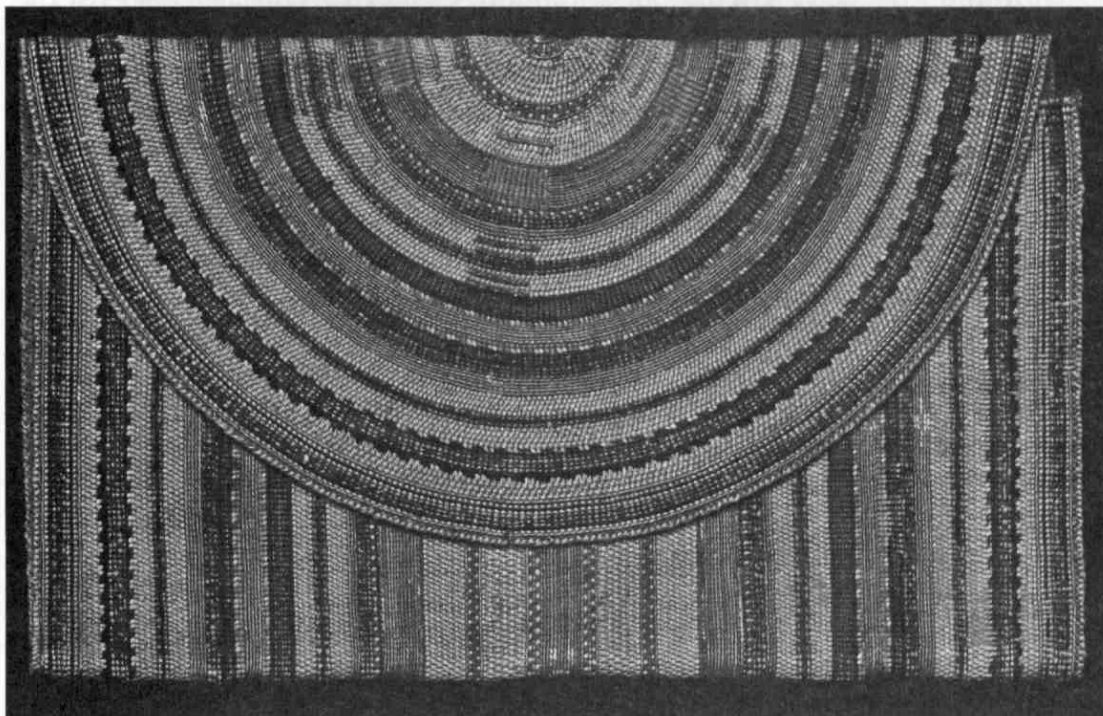

Рис. 6. Алеутская сумочка (№ 633 / 12).

партаamenta среди других предметов две сумочки. В настоящее время в коллекции № 633 зарегистрированы пять сумочек-бумажников эскимосов-кадьякцев и алеутов № 633 / 11–15 (Рис. 6). Две из них относятся к сборам С.П. Хрущева.

Предметы, правильность атрибуции которых вызывает сомнения, были определены на основе косвенных данных. Так, в «Ведомости» под № 251 записано: «Кинжалов древних Перуанцев железных три», здесь же имеется приписка В. Чубинского: «См. № 159». Под этим номером записано: «Сосудов древних Перуанцев один» и приписка В. Чубинского: «Глиняной. К. 2 р. Гагемейстер 1819». Кроме того, на этикетке музея Государственного адмиралтейского департамента к кинжалу № 633 / 33а написано: «Двухстороннее ручное копьё жителей древних Перу». Соответственно, можно предположить, что наряду с глиняным сосудом древних перуанцев (№ 2051 / 1) от Л.А. Гагемейстера поступило несколько тлинкитских кинжалов. В то же время название этих кинжалов дано на основе подписи к рисунку тлинкитского кинжала из альбома Ю.Ф. Лисянского: «Двухстороннее ручное копьё» [Собрание карт...: рис. II]. Можно только предположить, что их собирателем был либо Ю.Ф. Лисянский, либо Л.А. Гагемейстер. Вероятно Ю.Ф. Лисянский передавал коллекции в музей Государственного Адмиралтейского департамента неоднократно. Так, в списке коллекции, которую он передал в этот музей в 1806 г. не указано ни одной модели лодки [РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1203. Л. 18^{об}–19]. Однако в настоящее время в ЦВММ как поступившие от Ю.Ф. Лисянского зарегистрированы следующие модели лодок и каяков народов Аляски – №№ 607, 608, 609, 610, 613, 615, 617, 620, 639, 642, 648 и др. [Каталог моделей...: 292–298].

Кроме фамилий русских мореплавателей в таблице № 11 указаны Скотт и Сизов. Иван Сизов (Сизой) до 1825 г. был управляющим на Прибыловых островах [Русская Америка...: 294]. Что касается Скотта, то на этикетке к удочке № 633 / 10 указано, что она поступила в музей Государственного Адмиралтейского департамента в 1808 г. В обобщающих списках коллекций этого музея значится еще несколько предметов жителей Океании, полученных от Скотта, причем указывается, что их передал капитан 1-го ранга Скотт. В российском флоте в начале XIX в. служил только один офицер с такой фамилией – англичанин Степан Григорьевич Скотт. В капитаны 1-го ранга он был произведен в 1803 г. С.Г. Скотт не участвовал в плаваниях по Тихому океану, эти вещи он приобрел во время заграничных поездок.

Поскольку удалось установить этикетки музея Государственного Адмиралтейского департамента к предметам из коллекции № 633, это позволило выявить еще целый ряд экспонатов, имеющих аналогичные этикетки (Табл. 12).

В таблице № 12 после фамилии собирателей, о которых нет точных данных, поставлен знак вопроса. Так, по одному из списков «Ведомости» под № 258 записано: «Досечек для бросания стрел с острова Кадыяка и Берингова пролива одиннадцать», а в другом списке этого документа есть приписка В. Чубинского к этим вещам: «1. К.л. Хрущева 1824». Следовательно, из одиннадцати копьеметалок только одна поступила от С.П. Хрущева. Поскольку этикетка музея Государственного Адмиралтейского департамента есть только к копьеметалке № 2888 / 29 («Доска, из которой бросают бобровые стрелы с острова Кадыяка»), то ее условно можно отнести к сборам С.П. Хрущева. То же самое можно сказать о кожаной рубахе (№ 2888 / 81) и корзине (№ 2552 / 1). Порядковые номера предметов из «Ведомости» в таблице № 12 взяты из списка, которым пользовался К.К. Гильзен. Те из них, после которых стоит знак вопроса, не установлены точно.

Собрание участников экспедиции Ф.П. Литке

Среди коллекций русских мореплавателей в МАЭ имеется этнографическое собрание, полученное от участников экспедиции Ф.П. Литке, который, командуя шлюпом «Сенявин» в 1826–1829 гг., совершил кругосветное плавание. Одна из главных задач экспедиции состояла в исследовании побережья Берингова моря. В водах Русской Америки экипаж «Сенявина» находился летом 1827 г.: около пяти недель в Ново-Архангельске, затем посетил Уналашку, Прибыловы острова, исследовал остров Св. Матвея и останавливался у Командорских островов. В состав экспедиции входило несколько ученых: натуралист А.К. Мертенс, минералог и художник А.Ф. Постельс, естествоиспытатель Ф.Г. Киттлиц. Общими усилиями они собрали большое количество одежды, оружия, домашней утвари и украшений различных народов, в том числе населения Русской Америки. Некоторые из этих предметов изображены в атласе рисунков А.Ф. Постельса и Ф.Г. Киттлица. Часть рисунков художников экспедиции так и осталась не изданной [Станюкович 1953: 187].

Таблица 12

Предметы из музея Государственного адмиралтейского департамента,
зарегистрированные в МАЭ в сборных коллекциях

Номер по «Ведомости»	Номер коллекции МАЭ	Время сбора	Собиратель	Народ	Предмет
213	2539 / 1	до 1828	Нет сведений	Тлинкиты	Навершие остроги
194	2539 / 15	до 1828	Нет сведений	Тлинкиты	Сосуд
37	2539 / 16	до 1828	Нет сведений	Тлинкиты	Сосуд в виде бобра
193	2552 / 1	1817–1818	Л.А. Гагемейстер?	Кадыкцы	Корзина
259	2667 / 18	1823	С.П. Хрушев	Танаина	Лук
176 ?	2868 / 26	до 1828	Нет сведений	Алеуты	Заготовка для головного убора
203?	2868–221	1817–1818	Л.А. Гагемейстер	Кадыкцы	Маут
180	2868–235	до 1828	Нет сведений	Алеуты	Пояс
250	2888 / 24	1821–1822	Ф. Штейн	Кадыкцы	Острие копья
258	2888 / 29	1823	С.П. Хрушев?	»	Копье- талка
184	2888 / 80	до 1828	Нет сведений	Алеуты	Корзина
240	2888 / 81	1823	С.П. Хрушев?	Кадыкцы	Кожаная рубашка
259	2915 / 30	1823	С.П. Хрушев	Чугачи	Лук
Нет сведений	2888 / 91	до 1828	Нет сведений	Тлинкиты	Деревянная фигура птицы
52 ?	2925 / 4	до 1828	Нет сведений	Эскимосы	Каменный топор
237	2925 / 23	до 1828	Нет сведений	Алеуты	Камлейка из кишок
237	2925 / 25	до 1828	Нет сведений	»	»
259	4193 / 29	1823	С.П. Хрушев	Эскимосы	Лук

После завершения экспедиции в Кунсткамеру в 1831 г. поступила небольшая коллекция от Ф.П. Литке. Еще одна этнографическая коллекция находилась у А.Ф. Постельса, он подарил ее в организованный в 1848 г. музей ИРГО. В 1891 г. этот музей был ликвидирован, и его этнографическое собрание передано в МАЭ. Списка коллекции Ф.П. Литке пока обнаружить не удалось, лишь на некоторых экспонатах Музея указана его фамилия (Табл. 13).

В Музее как поступивший от Ф.П. Литке зарегистрирован лук эскимосов залива Нортон (№ 569 / 1). Колчан со стрелами к нему находится в отделе народов Сибири МАЭ (№ 752 / 1). Тот факт, что в коллекции Ф.П. Литке находятся предметы эскимосов залива Нортон, вызывает удивление, поскольку экипаж «Сенявина» не посещал этот район. Эти вещи Ф.П. Литке мог приобрести во время стоянки в Ново-Архангельске. Он писал: «Не довольствуясь

Таблица 13

Предметы, поступившие от Ф.П. Литке

Номер Коллекции МАЭ	Предмет	Народ
2925 / 16	Бола	Эскимосы
2925 / 17	»	»
2925 / 18	»	»
2925 / 134	Лук	Эскимосы зал. Нортон
2937 / 31	Фигурка птицы	Алеуты
2937 / 32	»	»
2937 / 39–60	Изделия из кости	»
140е – временной регистрации	Курительная трубка	Эскимосы зал. Нортон
4157 / 97	Усиленный лук	»
4193 / 16	»	»

торговлей, которая вообще не была богата, колониальное правление ежегодно посылало суда для мены с жителями азиатского и американского берегов и с островитянами Берингова моря и недавно решило образовать новое поселение на острове Стюард, лежащем в заливе Нортон, при устье большой реки Квихпах, и намерено основать еще факторию внутри суши близ этой же реки» [Литке 1948: 69]. Вероятно, эти вещи были доставлены в Ново-Архангельск кем-то из капитанов Российско-Американской компании.

Что касается двадцати трех фигурок из кости (№ 2937 / 31, 32, 39–60), сделанных алеутами, то, описывая Прибыловы острова, Ф.П. Литке отмечал, что зимой алеуты не заняты никакими работами, в это время «прилежнейшие из алеутов занимаются вырезыванием из кости разных безделиц, точением шашек и проч.» [Литке 1948: 88]. Эти фигурки могли быть приобретены или на Уналашке или во время стоянки у Прибыловых островов.

А.Ф. Постельс после возвращения из плавания непродолжительное время работал в Минералогическом музее. Когда его коллекция была передана в МАЭ из музея ИРГО, то к каждому ее предмету имелась этикетка с указанием фамилии собирателя. Согласно каталогу музея ИРГО, все эти вещи принадлежат азиатским эскимосам. В МАЭ эскимосская коллекция А.Ф. Постельса была разделена на две части между отделом народов Сибири и отделом народов Америки (Табл. 14).

Таблица 14

Предметы из собрания МАЭ по эскимосам,
поступившие от А.Ф. Постельса

Номер коллекции МАЭ	Предмет
337 / 24 / 1, 2	Костяные пластинки для передвижения по льду
337 / 27 / 1, 2	Обувь из кожи сивуча
337 / 33	Удочка с лесой из китового уса
2930 / 31	Удочка с лесой из китового уса
337 / 34 / 2	Фигурка медведя
3529 / 42	Лук усиленный
3529 / 43	Лук усиленный

В настоящее время на хранении в отделе народов Сибири находятся: «трубка курительная с чубуком, цельная из моржовой кости, с узорами» (№ 333 / 25), «трубки курительные из моржовой кости с деревянным чубуком» (№ 337 / 26 / 1, 2), «погремушки и шило из моржовой кости» (№ 337 / 28), «наконечники стрел из моржовой кости, с острием из глинистого сланца» (№ 337 / 29 / 1, 2), «орудие для рубки, в виде короткого широкого ножа, из моржовой кости» (№ 337 / 31), «модель байдарки с человеческой фигурой, вырезанная из моржовой кости» (№ 337 / 34 / 1) [Каталог предметов...: 24–25].

Почти все предметы из коллекции А.Ф. Постельса сделаны из моржового клыка. Ф.П. Литке отмечал, что «клыки составляют самую дорогую статью их (азиатских эскимосов. – С.К.) торговли» [Литке 1948: 233]. О курительных трубках эскимосов он писал, что все эскимосы «страстные охотники до табаку, который употребляют на всевозможный манер, но более всего курят. Каждый имеет трубку, ими щеголяют, оправляя их в жезл и свинец, инося их за сапогом <...> Табак необходим, без него нельзя с последним из них свести знакомство. Для сохранения этой драгоценности изобрели они трубки, выделяемые из толстого куска дерева: в пустоту кладутся мелкие деревянные стружки, которые от проходящего через них дыма так напитываются табачным маслом, что скоро делаются крепче (и, стало быть, на их вкус лучше) самого табаку: эти стружки служат для других, и так до нескольких раз» [Литке 1948: 224].

Собрание, зарегистрированное Ф.И. Рупрехтом

На некоторых предметах Музея имеется надпись карандашом «Ruprecht 1838» (или 1858 г.). Точно установить, какой год написан на предметах, очень трудно. Ф.И. Рупрехт с 1838 г. работал в Ботаническом музее, в 1853 г. он получил звание академика и в 1855 г. стал его директором. Очевидно, что привлекаться к регистрации этнографических коллекций Ф.И. Рупрехт мог только в 1838 г., а не в 1858 г., когда он уже был директором Ботанического музея. Поэтому будем считать, что на экспонатах, о которых пойдет речь ниже, указан именно 1838 г.

К настоящему времени удалось выявить несколько экспонатов, на которых карандашом написано «Ruprecht». Возможно, эти вещи поступили от одного собирателя, так как большая их часть относится к одному народу – алеутам. В эту коллекцию входит метательная дощечка (№ 2868 / 12), два легких гарпуна для охоты на каланов (№ 2868 / 134–135), четыре гарпуна для охоты на сивучей (№ 2868 / 142, 161, 167, 228) и еще один легкий гарпун, бросаемый с метательной дощечки (№ 2868 / 225). Только один лук (№ 2915 / 25), имеющий надпись «Ruprecht», не является алеутским, возможно, он был приобретен у чугачей или кадьякцев.

Несмотря на то, что установить собирателя этой коллекции не удалось, дата ее регистрации – 1838 г. – значительно сужает дальнейший поиск по определению ее собирателя.

Собрание В.И. Кашеварова

В начале 40-х гг. XIX в. в Музей поступила этнографическая коллекция от В.И. Кашеварова, который в 1830–1838 гг. являлся управляющим

Кадыякского отдела Российско-Американской компании. Часть ее зарегистрирована под № 518: четыре резные ложки из рога горного барана от эскимосов-чугачей, две рубахи и штаны, составляющие единое целое с обувью, индейцев танаина.

Изучение музейной документации показало, что первоначально коллекция В.И. Кашеварова была более многочисленной. Так, к его сборам относится алеутская деревянная шляпа (№ 2868 / 38), на этикетке к ней указана фамилия Кашеварова. Как уже отмечалось, кроме коллекции В.И. Кашеварова, Музей получил ряд предметов от А.Ф. Кашеварова, но в списке его предметов деревянной алеутской шляпы нет, поэтому отнесем ее к сборам В.И. Кашеварова. Здесь необходимо отметить, что Аполлон и Василий Кашеваровы были однофамильцами. Аполлон был внуком служащего Российско-Американской компании Ф.А. Кашеварова, а Василий происходил из купеческого сословия и был нанят на службу в эту компанию специально для управления одним из ее отделов. Всего от В.И. Кашеварова поступило 43 предмета. Из них 2 зоологических экспоната и 41 этнографический, из последних удалось определить только 8.

Собрание И.Г. Вознесенского

В силу различных обстоятельств около половины экспонатов из собрания И.Г. Вознесенского оказались зарегистрированы среди сборных коллекций и коллекций неизвестного происхождения. Полностью из его сборов состоят коллекции № 571, 593 и 620, а также значительная часть коллекции № 570 по индейцам Калифорнии.

Благодаря многочисленным архивным и музейным документам по собранию И.Г. Вознесенского удалось атрибутировать большинство экспонатов из его коллекций. И.Г. Вознесенский составлял поящичные списки предметов при их отправке в Кунсткамеру. К каждому предмету он прикреплял этикетку с названием и номером из поящичного списка. Впоследствии эти этикетки были наклеены на карточки с современными номерами экспонатов. Сравнивая поящичные списки И.Г. Вознесенского, этикетки к предметам и экспонаты, удалось выявить большое количество предметов И.Г. Вознесенского в коллекциях неизвестного происхождения и сборных коллекциях Музея. Соотнесение экспонатов с записями И.Г. Вознесенского позволило установить их этническую принадлежность, время бытования, местные названия, сведения об их материале и назначении, а также выявить комплексы предметов – байдарки алеутов с промысловыми орудиями, каяк уналигмиутов с относящимися к нему принадлежностями, комплекты одежды, украшений, домашней утвари, орудий охоты и так далее.

И.Г. Вознесенский по заданию Академии наук, специально для сбора коллекций, отправился из Петербурга в Русскую Америку 20 августа 1839 г. на транспорте «Николай I» под командованием Н.К. Кадникова. На этом же судне находился новый главный правитель русских колоний в Америке А.К. Этолин. К месту своего назначения, в Ново-Архангельск, судно прибыло 1 мая 1840 г. Здесь И.Г. Вознесенский оставался более двух месяцев, до 7 июля. А.К. Этолин предоставил И.Г. Вознесенскому помощника – кре-

ола Филата Дружинина, который работал с ним в течение последующих пяти лет.

Уже в конце мая И.Г. Вознесенский отправил первую посылку с коллекциями на судне Российско-Американской компании до Охотска и далее через Сибирь в Петербург. Здесь находились предметы, собранные во время кругосветного плавания в Бразилии и Чили, а также вещи, приобретенные в Ново-Архангельске. Во время пребывания в Русской Америке И.Г. Вознесенский познакомился со многими служащими компании, некоторые из них стали собирать «редкости» по его просьбе – он получал их в течение всего пребывания в Русской Америке. Тем не менее основную часть коллекций И.Г. Вознесенский приобрел самостоятельно. Далее перечислим все предметы – как собранные самим И.Г. Вознесенским, так и полученные им в качестве подарков от корреспондентов.

Первая экспедиция И.Г. Вознесенского началась 7 июля 1840 г. когда он в сопровождении Ф. Дружинина отправился в Калифорнию на судне «Елена». 20 июля И.Г. Вознесенский сошел на берег в заливе Бодега. Здесь он провел десять дней в плодотворных исследованиях и 30 июля отправился в селение Росс, по пути посетив две фермы (ранчо Черных и ранчо Костромитинова), а также сделав остановку на берегу Славянки. 1 августа И.Г. Вознесенский прибыл в Росс, где был гостеприимно встречен правителем селения А.Г. Ротчевым и его супругой Еленой Павловной (до замужества – княжной Гагариной). О жизни в Россе И.Г. Вознесенский писал: «От первого дня приезда моего и до последнего я никогда не был отвлекаем от занятий моих хозяйственными заботами <...> Мне даны были все роды полезных средств и случаев для моих работ и экскурсий от г-на Ротчева, что, думаю, едва ли где подобные найти ему могу» [Липшиц 1950: 416–417].

В Россе И.Г. Вознесенский оставался до 20 октября, исследуя его окрестности. Во время одного из путешествий он отправился на север от Росса и добрался до мыса Мендосино на тихоокеанском побережье. Собрав значительные коллекции в районе селения Росс, И.Г. Вознесенский решил посетить Сан-Франциско. В этот город И.Г. Вознесенский прибыл 23 октября, отсюда он совершал кратковременные поездки в соседние католические миссии: Санта-Клара, Сан-Пуэбло, Сан-Рафаэль, Сан-Антонио, Сан-Леонардо и другие. В этот период коллекции И. Вознесенского пополнялись почти ежедневно, но этнографических экспонатов среди них было очень мало. В письме к Е.И. Шрадеру от 16 февраля 1841 г. он писал: «После отправления всех собранных мною предметов по части этнографии, которые следуют на кругосветном корабле “Николай” из Росса, – с того дня и до сего времени я не имел благоприятного случая делать мену с индейцами. Ныне же, предпринимая путь на несколько миль во внутрь Калифорнии, я надеюсь там, по уверению туземцев, найти некоторые жилища племен индейцев, кочующих по р. Рио-дель-Сакраменто. При мирных обстоятельствах я буду стараться приобрести всевозможные вещи от жителей сей страны. Теперь честь имею донести Вашему Благородию о препровождении одного ящика под № 21, в котором находятся нижеследующие вещи, принадлежащие к суизунскому индейскому племени: 1) пояс, употребляемый во время торжественных игр, называемый на вышеупомянутом наречии “кала”, 2) головная шпилька “сипек”, 3) серьги “алок”, 4) головная повязка “уагльку”» [Ляпунова 1967: 16].

Путешествие в долину Сакраменто, о котором говорится в письме, состоялось в феврале–марте 1841 г., когда И.Г. Вознесенский посетил ранчо гражданина Мексики Дж. Суттера. Он писал: «Сопутствуя г. Суттеру по отведенной ему тогда земле мексиканским правительством я доезжал с ним до Трех Вершинных гор, несколько раз переправлялись в брод и ночи проводили на золотоносных ныне реках <...> На этих местах я нашел много разнородных предметов натуральной истории и при содействии капитана Суттера приобрел довольно редкие вещи по части этнографии» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 28. Л. 3].

После завершения этой экспедиции И.Г. Вознесенский возвратился в Сан-Франциско и в начале апреля был уже в Россе. В мае–июне он совершил несколько походов в долину Славянки, а затем жил на ранчо Хлебникова. 5 сентября И.Г. Вознесенский покинул Калифорнию и 4 октября на бриге «Елена» прибыл в Ново-Архангельск.

Таким образом, во время пребывания в Калифорнии И.Г. Вознесенский приобрел вещи прибрежных мивок, которые населяли побережье залива Бодега, юго-западных помо (кашайя), проживавших в окрестностях селения Росс, южных помо, населявших долину Славянки, равнинных мивок, живших по берегам реки Сакраменто, и южных майду, селения которых располагались вдоль притоков Сакраменто.

Благодаря спискам отправлений И.Г. Вознесенского можно установить, когда и где были собраны отдельные предметы. Ниже пойдет речь об экспонатах, отправленных из Росса 16 октября 1840 г. на судне «Николай I», следовательно, они были приобретены в период с 20 июля по 16 октября и могли принадлежать прибрежным мивок, кашайя и южным помо (в русских источниках, соответственно, бодеговским, северновским и тундровским индейцам). Лишь в отношении некоторых предметов указано, что они приобретены у северновских индейцев, в остальных случаях сказано, что это вещи индейцев Северной Калифорнии [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 196–200^{об}]. Большинство предметов И.Г. Вознесенский приобрел при содействии правителя селения Росс А.Г. Ротчева.

Собрание по кашайя состоит из «юбки» (№ 570 / 3) – набедренной повязки *эшеттду* из черных перьев (мужская это или женская часть костюма, И.Г. Вознесенский не упоминает), двух женских головных уборов в виде сеток – повседневного *калай* (№ 570 / 67) и церемониального, богато украшенного бисером *кунгу калай* (№ 570 / 68), церемониального женского пояса *кугхну* (№ 570 / 14), который могли носить только жены старшин во время торжественных обрядов, женских ожерелий *чуу* (№ 570 / 20, 21, 22), украшенных перламутровыми пластинками и бисером, четырех наlobных повязок *кочей* (№ 570 / 16–19), сделанных из птичьих перьев. Еще одной частью церемониального костюма кашайя является накидка в виде сетки *ихче* (№ 2930 / 20), которой покрывали голову и плечи, она использовалась во время ритуальных плясок. И.Г. Вознесенский писал: «Индейцы женщины и мужчины носят волосы весьма длинные, которые они подбирают вверх и завязывают на макушке или на темени бисерной тесемкою, либо сеткою; большая же часть носит их просто; иногда мне случалось видеть чрезвычайно косматые головы, волосы на них были включены страш-

но» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. № 1/3. Л. 3^{об}]. Кроме деталей костюма, в собрание по кашайя входят плетеная корзина *чиду* (№ 570 / 92), налобная лямка для ношения корзин *чиллаян* (№ 570 / 72) и курительная трубка *кавакхабе* (№ 2539 / 38).

Несмотря на то, что этническую принадлежность остальной части собрания И.Г. Вознесенского, отправленного на судне «Николай I», установить точно по его спискам нельзя, можно сказать, что его большая часть также принадлежит кашайя (Табл. 15).

Таблица 15

Предметы из сборов И.Г. Вознесенского,
отправленные на судне «Николай I»

Номер на этикетке Вознесенского	Номер коллекции МАЭ	Предмет
16A	570 / 6	Головной убор из белых перьев пеликана <i>маггал</i>
16B	570 / 7	Головной убор из окрашенных перьев <i>маггал</i>
16C	570 / 5	Головной убор из перьев ворона <i>маггал</i>
22	570 / 55, 56	Деревянные шпильки для волос <i>хазита</i>
24A	570 / 51, 52	Женские серьги <i>шимамудчия</i>
24B	570 / 49a,b; 50a,b.	Мужские серьги <i>шимамудчия</i>
26	570 / 74	Пояс из человеческих волос <i>хейнага</i>
27	570 / 24	Пояс из раковин <i>кудта</i>
28	570 / 69	Сумка-мешок <i>ис</i>
30	570 / 120 / 1–46	Игральные палочки <i>чотокка</i>
31	570 / 37 / 1–2, 38,39	Игра из четырех костей <i>акка</i>
32	570 / 77	Корзина для сбора дикого ячменя <i>моо</i>
33A	570 / 73	Налобная повязка <i>чиллаян</i> для переноски <i>моо</i>
34	570 / 109	Сосуд для сбора семян <i>батчу</i>
35	570 / 87	Корзина для просушки ячменя на горячих углях <i>накколо</i>
36	570 / 84	Корзина без дна, в которой толкут зерна <i>коло</i>
37B	570 / 88	Сито для просеивания зерен ячменя <i>юху-жим</i>
38A	570 / 91	Корзина для варки пищи <i>чиду</i>
38B	570 / 93	Корзина <i>чиду</i>
38C	570 / 90	Корзина <i>чиду</i>
39	4193 / 54	Плетеный сосуд
41	570 / 122	Чучело головы оленя
46	570 / 117	Каменный пест для размельчения зерна <i>нуккул</i>
	570 / 124	Лук <i>шегми</i>
49A	570 / 115a	Палочка с отверстиями от прибора для добывания огня <i>ходзу</i>
49B	570 / 115b	Палочка для трения от прибора для добывания огня <i>хамачи</i>

П.М. Кожин, проведя лингвистический анализ индейских названий, пришел к выводу, что предметы № 570 / 6, 7, 5, 69, 91, 93 и № 620 / 14 и 620 / 3 / 1–18 принадлежат кашайя, а вещи № 570 / 51, 52d, 49a-b, 50a-b, 84, 88 – или кашайя, или южным помо [Кожин 1977: 66–76]. Предметы № 570 / 73, 109, 115a-b принадлежат южным помо. К изделиям прибрежных мивок П.М. Кожин отнес только два предмета: корзину № 570 / 77 и пояс из раковин № 570 / 24. Другие экспонаты им не атрибутированы достаточно точно. Сосуд № 4193 / 54 в списке экспонатов И.Г. Вознесенского,

отправленных на судне «Николай I», значится как образец пищи индейцев *юха* – лепешка из зерен ячменя [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 1-99^{об}]. Вероятно, эта лепешка находилась в сосуде, и можно предположить, что этот сосуд является изделием южных помо.

П.М. Кожин на основе изучения техники плетения установил принадлежность корзины № 570 / 77 индейцам прибрежных мивок [Кожин 1967: 138], но, возможно, он ошибался, и данная корзина принадлежит южным помо. Так, если в списке вещей, отправленных на судне «Николай I», убрать цифры, указывающие на порядковые номера предметов, то получится следующий текст: «Круглая корзина (ишкат), в которую индейцы собирают <...> семена разных дикорастущих растений, из коих потом готовится пища (юху), по индейски называется “Моо” (№ 570 / 77. – С.К.). Тесьма <...> на которой индейцы носят свое “Моо” (№ 570 / 73. – С.К.). Совок или ковш, коим индейцы сбивают семена для юхи в ишкат “Моо”, называется “Батчу”» (№ 570 / 109. – С.К.) [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 198^{об}–199]. Скорее всего, здесь речь идет о комплексе предметов. На принадлежность налобной повязки для транспортировки больших корзин и сосуда для сбора семян к изделиям южных помо, указывал П.М. Кожин.

В декабре 1840 г. во время нахождения в Сан-Франциско И.Г. Вознесенский приобрел модель лодки прибрежных мивок (№ 570 / 114). Он отметил в дневнике: «Я первый раз видел, как индейцы ездят в байдарках, или, лучше сказать, на камышовых лодках, человек по 7 в одной. На взгляд, это куча камыша, связанного одним и тем же материалом; передняя часть этого плота острая, что может уподобляться носу. Гребут по двое и по одному в каждой лодке. Гребки сделаны из довольно длинной палки, на конце (которой. – С.К.) повязаны поперек камышовые палки, что в виде лопатки (а не весла)» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. № 1/1. Л. 21]. Такая лодка называлась *шака*, а весла – *вывак*.

Также к изделиям прибрежных мивок относятся упоминавшиеся выше мужская шпилька для волос *сипек* (№ 570 / 32), возможно, пару ей составляет шпилька № 570 / 30, серьги *алок* (№ 570-54) и церемониальный пояс *кала* (№ 570 / 12), который индейские старшины надевали во время религиозных ритуалов. Эти вещи были подарены И.Г. Вознесенскому падре Тихосом из миссии Сан-Рафаэль. И.Г. Вознесенский писал: «Кала (пояс) есть пожертвование Этнографическому кабинету АН одного францисканского монаха миссии Санта Рафаэль падре Тихоса. Вещь эта очень высоко ценится между кастильянами и заезжими европейцами, потому что индейцы неохотно соглашались променивать столь многотрудную для них работу на несколько ливров бисера с придачей платья либо одеял» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 156^{об}–157]. Два аналогичных пояса прибрежных мивок (№ 570 / 11, 13) И.Г. Вознесенский приобрел еще в Ново-Архангельске у некоего Форсмана.

Интересные этнографические коллекции по равнинным мивок и южным майду И.Г. Вознесенский собрал весной 1841 г. во время путешествия вдоль Сакраменто и ее притоков. Определить их точную этническую принадлежность трудно, но большинство из них принадлежит равнинным мивок. К уникальным экспонатам этого собрания относятся ритуальные костюмы – из перьев ворона *кукишуй* (№ 570 / 1) (Рис. 7) и из шкуры кондо-

ра *моллок* (№ 570 / 2) (Рис. 8). И.Г. Вознесенский писал: «Когда я привез в Рио-Сакраменто (на ранчо Дж. Суттера. – С.К.) костюмы “моллок” и “кукшуй”, то индейцы, видевшие оные, в сильном были страхе и удивлялись, как могу я держать в комнате подобную вещь, как “кукшуй”, в котором обитает сам сатана; они потом считали меня шаманом» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. № 1/2. Л. 8]. В комплект к костюму из шкуры кондора входит головной убор из перьев пеликана (№ 570 / 4).

Рис. 7. Манекен индейца Калифорнии в накидке из перьев ворона (№ 570 / 1).

Рис. 8. Манекен индейца Калифорнии в накидке из шкуры кондора (№ 570 / 2).

У Дж. Суттера И.Г. Вознесенский купил накидку из перьев свищей утки (№ 2520 / 8), три шпильки для волос, украшенные красными перышками с головы дятла (№ 570 / 34–36), две серьги из орлиных костей с гравированным узором, покрашенным черной краской (№ 570 / 45, 46), две деревянные шпильки, украшенные костяными бусами и черными перышками (№ 570 / 57, 59).

Эти предметы по спискам И.Г. Вознесенского принадлежали племени сиусунов (суисун), этим этнонимом он обозначал мивок. Так как эти вещи были приобретены через Дж. Суттера, то они относятся к равнинным мивок, на территории расселения которых находилась его ферма. Накидка из перьев утки относится к числу уникальных экспонатов Музея [Окладникова 1997: 151–165].

Во время путешествия по Сакраменто И.Г. Вознесенский приобрел также костяные серьги с нитками бисера (№ 570 / 47, 48) и деревянную шпильку для волос (№ 570 / 33). При помощи Дж. Суттера им было приобретено и два колчана. Первый был сделан из лисьего меха, в нем находились лук (№ 570 / 125) и 20 стрел, принадлежавших девяти группам индейцев, во втором – лук (№ 620 / 14) и к нему 25 стрел различных групп индейцев долины Сакраменто, из которых сохранилось только 18 (№ 620 / 3 / 1–18). Вероятно, к сборам этого периода относятся и две корзины (№ 570 / 101, 106) (Рис. 9), богато украшенные перламутровыми пластинками и раковинами. П.М. Кожин определил принадлежность этих корзин индейцам мивок [Кожин 1967: 138–139].

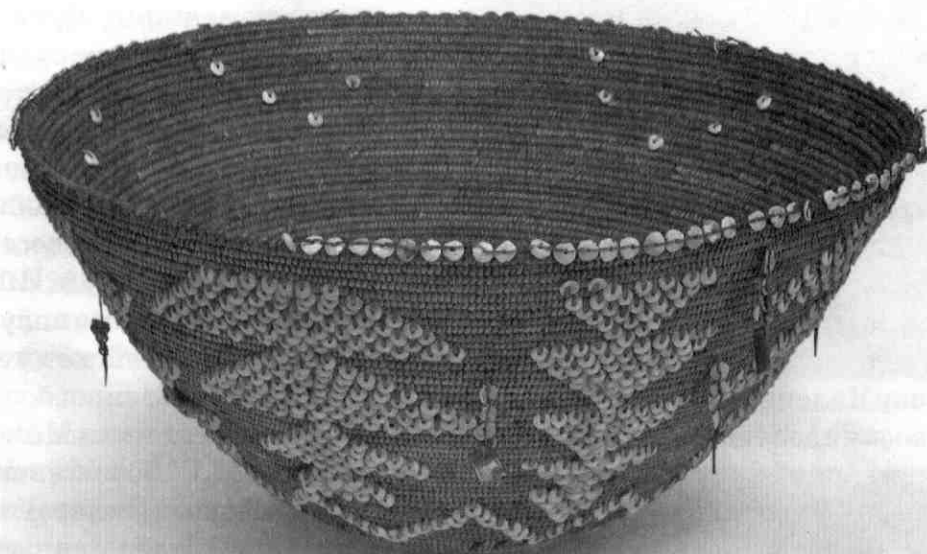

Рис. 9. Корзина индейцев мивок (№ 570 / 106).

После завершения путешествия по долине реки Сакраменто И.Г. Вознесенский провел завершающие исследования в районе селения Росс и залива Бодега. В Росс от А.Г. Ротчева он получил в подарок две корзины прибрежных мивок «высокой» работы *шутту*, богато украшенные бисером, перламутровыми пластинами и раковинами (№ 570 / 104, 105). В этот период И.Г. Вознесенский приобрел очень редкие конусообразные корзины *моой* южных помо (№ 570 / 75, 76), церемониальный головной убор из перьев *чубаки* южных помо (№ 620 / 17), чучело оленьей головы (№ 570 / 123), которая использовалась как часть маскировочного костюма, и образец лепешки южных помо (№ 570 / 116). О последнем экспонате И.Г. Вознесенский писал: «Для удостоверения, что индейцы сами умеют печь хлеб, я достал у них красно-сладковатый хлеб, приготовленный из семян и ягод называемый тундровскими индейцами “Маккай силлю”, (силою, значит, печеный) кусок этого хлеба для образца послан с этнографическими вещами» [ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1845. № 12. Л. 21^{об}].

В состав калифорнийского собрания И.Г. Вознесенского также входят три корзины кашая (№ 570 / 78, 80, 81). Когда они были приобретены, данных нет, но их принадлежность к сборам И.Г. Вознесенского не вызывает сомнения.

После завершения работы в Северной Калифорнии И.Г. Вознесенский вернулся в Ново-Архангельск, где собирался провести зиму 1841–1842 гг. Неожиданно он получил возможность посетить Южную Калифорнию на судне Российско-Американской компании «Наследник Александр». Во время этой экспедиции, которая продолжалась с 23 ноября 1841 г. по 19 марта 1842 г., И.Г. Вознесенский занимался исключительно ботаническими и зоологическими исследованиями. Этнографических коллекций из Южной Калифорнии он не привез.

22 июня 1842 г. И.Г. Вознесенский в сопровождении Ф. Дружинина отправился на остров Кадьяк на бриге «Промысел». На этом же судне ехал и А.К. Этолин, совершавший инспекторскую поездку. Через пять суток бриг бросил якорь на рейде селения Павловская Гавань, а 7 июля «Промысел» с А.К. Этолиным, И.Г. Вознесенским и правителем кадьякской конторы Российско-Американской компании И.С. Костромитиновым отправился на Кенайский полуостров к Николаевскому редуту, где И.Г. Вознесенский расстался с А.К. Этолиным. Николаевский редут стал базой, откуда И.Г. Вознесенский совершал поездки с целью исследования Кенайского полуострова. Он ходил к Скалистым горам, плавал в байдарке по Кенайскому заливу к острову Калеин, совершил плавание по рекам Кокну и Касилова, прошел более восьмидесяти верст по берегу Кенайского залива от мыса Микешина до Качемакской бухты. На Кенайском полуострове И.Г. Вознесенский оставался до 19 сентября, после чего на судне «Квихпак» он возвратился на Кадьяк. Об исследованиях этого периода он писал: «Приобретенные мною коллекции по части зоологии, ботаники, минералогии и этнографии состоят из замечательного числа любопытных предметов, собранных на снеговых горах, называемых туземцами Трыыли, в окрестностях большого озера Тустамена, из которого и выходит река Касилова, с острова Кулшаха и многих других мест» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 35. Л. 8].

Во время пребывания на Кенайском полуострове И.Г. Вознесенский собрал коллекцию по кенайцам (танаина), кольцанам (танана), медновцам (атена) и эскимосам-чугачам. В конце XIX в. сотрудник Музея К.К. Гильзен принял за сборы И.Г. Вознесенского коллекцию Е.А. Борисова, управляющего Николаевским редутом, которая поступила в Музей 7 сентября 1859 г., и коллекцию А.Ф. Кашеварова, поступившую в 1868 г. Об этих коллекциях будет сказано отдельно, а сейчас остановимся на тех предметах, которые были собраны именно И.Г. Вознесенским в 1842 г. на Кенайском полуострове.

Собрание И.Г. Вознесенского по северным атапаскам хорошо атрибутировано и описано в статье Э.В. Зиберт [1967: 55–82]. Поэтому обратим внимание на выявление комплексов предметов. Так, И.Г. Вознесенский приобрел несколько комплектов мужской одежды танаина. Наиболее полный комплект состоит из рубахи, сделанной из очень мягкой замши (№ 2667 / 5), штанов, составляющих единое целое с обувью (№ 2667 / 8), пары рукавиц (№ 2667 / 13) и перчаток (№ 2667 / 11), украшенных геометрическим

узором из игл дикобраза. Следующий мужской костюм представлен рубахой, расшитой узором из игл дикобраза (№ 2667 / 3) и штанами (№ 2667 / 7). Еще один мужской костюм танаина состоит из рубахи (№ 620 / 40а) (Рис. 10), штанов, составляющих единое целое с обувью (№ 620 / 40б) (Рис. 11), и пары перчаток (№ 620 / 40в). Женский костюм представлен длинной рубахой (№ 620 / 41а) и перчатками (№ 620 / 41б). Последний костюм индейца танаина состоит из штанов с узором из игл дикобраза (№ 2667 / 6), в комплект с которыми входил замшевый колчан (№ 593 / 60а) и две стрелы (№ 593 / 60б, в). К предметам вооружения танаина относятся также луки (№ 2667 / 17–20) и каменные наконечники копий (№ 2667 / 23, 24). Все томагавки, имеющиеся в Музее, обычно относят к изделиям индейцев атена, хотя на этикетке к томагавку № 2667 / 14 сделана надпись: «Древний топор Кенайцев».

Другие предметы собрания И.Г. Вознесенского по индейцам танаина трудно сгруппировать, так как они представлены не комплектами, а отдельными предметами. Так, в Музее имеются очищенные от коры и расщепленные ветви ивы (№ 571 / 28), из которых женщины плели корзины, сосуд, сделанный из распаренного рога горного барана (№ 571 / 27) (Рис. 12), два каменных скребка (№ 2667 / 25, 38), сплетенный из еловых корней сачок для ловли рыбы (№ 2667 / 26). Уникальными экспонатами являются шаманская кукла (№ 2667 / 15) и настоящая берестяная лодка (без №). Кукла изображает индейца танаина в традиционной одежде, украшенной бисером, ее лицо раскрашено символическим узором. Кроме одежды, к кукле прикреплены модели тома-

Рис. 10. Мужская рубаха индейцев танаина (№ 620 / 40а).

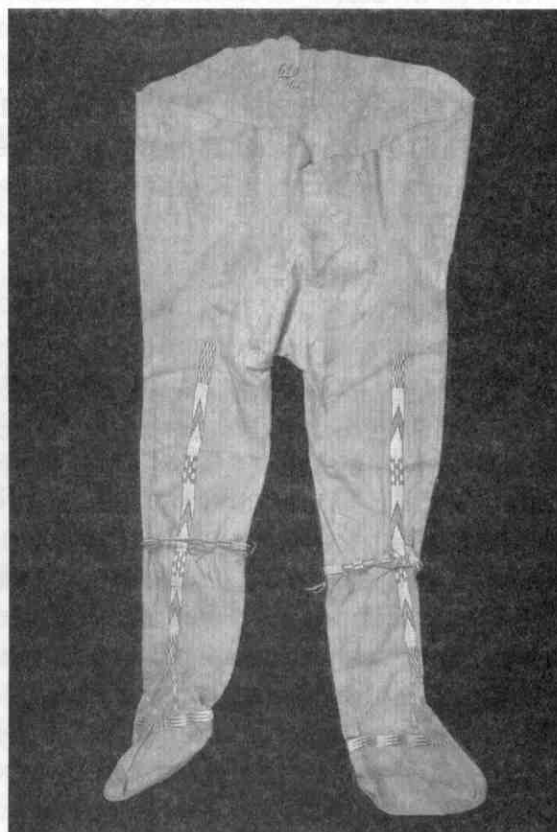

Рис. 11. Штаны, составляющие единое целое с обувью (№ 620 / 40б).

Рис. 12. Сосуд из рога горного барана (№ 571 / 27).

гавка и колчана. Оберестяной лодке И.Г. Вознесенский писал: «В Кенае я купил от туземцев “бат” (род лодки), сделанный из бересты и оплетенный прутьями ивы и еловой серою; длина ее не более посылаемой байдарки, но только выше и шире. Угодно ли, чтобы я переслал оный в Этнографический кабинет Академии? Предлагаемый “бат” я не взял с собою в Ново-Архангельск по причине тесноты на судне, а оставил в Кадьяке на хранении правителю конторы» [ПФА РАН. Ф. 46. Оп. 1. № 3. Л. 129–130].

Предметы культуры других групп северных атапасков представлены лишь отдельными вещами. Так, по индейцам танана имеется женская рубаха (№ 593 / 13) с прямым подолом и мужская рубаха с клиновидным подолом (№ 593 / 11) и перчатками (№ 593 / 12). Здесь необходимо отметить, что вся женская одежда северных атапасков в собрании И.Г. Вознесенского имеет прямой подол, а мужская – клиновидный. Культура индейцев атена с берегов реки Коппер представлена только мужской рубахой (№ 593 / 10) и тремя томагавками из рога оленей карибу (№ 571 / 32a, b; 593 / 59) (Рис. 13).

Коллекция И.Г. Вознесенского по эскимосам-чугачам небольшая, но очень интерес-

Рис. 13. Томагавк из рога оленя карибу (№ 571 / 32b).

ная. Сильное влияние культуры индейцев северо-западного побережья проявляется в большинстве предметов из этой коллекции. Так, в тлинкитском стиле сделаны плетеные из корней ели шляпы (№ 2520 / 19; 593 / 34). Тулья первой украшена символическим изображением животного, ее эскимосское название – *ауленак*. Вторая шляпа кроме символического узора имеет три цилиндрические надставки над тульей, что свидетельствует о высоком социальном ранге ее владельца. Такую шляпу мог иметь только вождь. Только вождю или богатому человеку могли принадлежать также и другие предметы утвари из этого собрания: резные ложки из китового уса (№ 620 / 22; 2539 / 33), на рукоятках которых вырезана голова мифического животного с высунутым языком, и деревянный четырехугольный ящик с крышкой (№ 2915 / 1a, b), предназначенный для хранения ритуальных принадлежностей. Все четыре боковые стенки ящика и его крышка покрыты символическим узором, вероятно, изображающим медведя. Орудия охоты и вооружения представлены в чугачской коллекции И.Г. Вознесенского колчаном (№ 593 / 2) со стрелами (№ 2915 / 2–7) и луком (№ 593 / 72), форма которых, особенно деревянного колчана, расширяющегося кверху, также указывает на тлинкитское влияние.

27 сентября И.Г. Вознесенский уже был на Кадьяке в Павловской Гавани. Здесь он провел осень и зиму 1842–1843 гг. В этот период им были исследованы остров Кадьяк и соседние с ним районы. Так, И.Г. Вознесенский посетил гавань Трех Святителей на противоположной стороне Кадьяка и острова Угак, Еловый и Лесной. Вероятно, в этот период он также посетил эскимосское селение Катмай на восточном побережье Аляски. В пользу этого свидетельствует комплексное, хорошо подобранное собрание по катмайцам. Возможно, что посещение Катмая произошло во время перехода на судне «Квихпак» с Кенайского полуострова на Кадьяк: известно, что он занял девять дней (с 19 по 27 сентября), в то время как обычно на него уходило только два дня.

Зимняя женская одежда катмайцев представлена паркой из меха молодого оленя – пыжика (№ 2913 / 9), штанами из камуса – меха с ног оленя (№ 2913 / 12) – и сапогами (№ 2913 / 10 / 1, 2). Вероятно, это церемониальный костюм. На груди парки сделана аппликация в виде круга из нерпичьей кожи с узором в форме креста из оленьего меха и шерстяных ниток красного цвета. По всей поверхности парки нашиты ремешки с клювами топорков и полосы из шкуры оленя. Подобным образом украшены и сапоги. Подвески из клювов топорков на одежде указывают на ее ритуальное назначение.

Другой женский зимний церемониальный костюм из коллекции, приобретенной в 1842 г. в Катмае, состоит из парки, сшитой из меха длиннохвостого суслика, шапки из меха выхухоли, штанов из оленьих шкур и сапог (№ 2913 / 1–4). Как и предыдущий, этот костюм богато украшен вышивкой и аппликацией. В списке экспонатов И.Г. Вознесенский отмечал, что эти вещи представляют «полный женский, нарядный костюм» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 26].

К летней одежде катмайцев относится рубаха из ровдуги и штаны, составляющие единое целое с обувью (№ 2667 / 39, 40). Этот костюм украшен нашивками с узором из игл дикобраза. Его материал, покрой и орнамент

Рис. 14. меховой головной убор катмайцев (№ 2913 / 8).

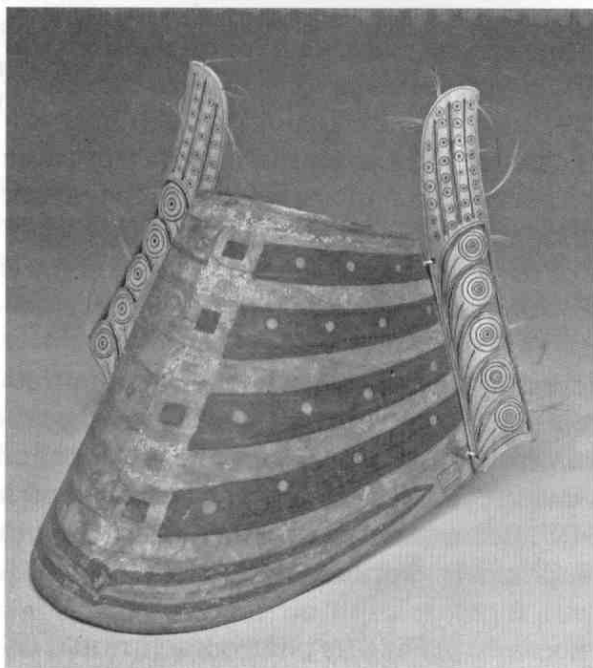

Рис. 15. Деревянная шляпа-козырек катмайцев (№ 593 / 16).

указывают, что костюм был приобретен или заимствован катмайцами у индейцев танаина.

Мужская зимняя одежда представлена праздничным костюмом, состоящим из парки, головного убора, штанов и сапог (№ 2913 / 5, 8, 6, 7) (Рис. 14). Парка сшита из меха пыжика, головной убор – из меха горностая, штаны и сапоги – из оленьих шкур. Все детали костюма богато украшены бисером, топорковыми клювами, бахромой и узорами из белого оленьего волоса и цветных нитей.

К мужской одежде катмайцев относится также камлейка из кишок (№ 2913 / 13), праздничный меховой головной убор (№ 2913 / 11) и церемониальная деревянная шляпа-козырек (№ 593 / 16) (Рис. 15), которая использовалась в ритуалах, связанных с началом нового промыслового сезона. Эта шляпа раскрашена чередующимися полосами светлого и темного цветов, а с боковых сторон украшена костяными пластинками со стилизованным изображением птичьих голов.

Катмайские костюмы дополняют сумки (№ 2913 / 14–16). Две из них – *агашюк* – сшиты из кожи баклана (№ 2913 / 15, 16). Об их использовании И.Г. Вознесенский писал: «Катмайские женщины делают их для дарения своим мужьям, которые держат в этих сумках иглы, нитки и пр., все, что нужно для починки байдарки, если последняя прорвется; все промышленники носят при себе подобные сумочки» [ПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 1918. № 9. Л. 26]. Кроме них в коллекции И.Г. Вознесенского представлен образец изящной дорожной сумки *ашухтак* (№ 2868 / 31), сшитой из кожи альбатроса.

К промысловым орудиям катмайцев относятся два лука (№ 593 / 64; 2913 / 20), колчан из кожи нерпы (№ 593 / 86), четыре стрелы (№ 2913 / 21–24) и наконечники к стрелам (№ 2913 / 25а, б). Луки и древки стрел раскрашены символическими изображениями животных, что указывает на их ритуальное назначение. В ритуалах, связанных с промысловым культом, использовался также манщик, украшенный многоцветной росписью из символических знаков и фигур животных (№ 571 / 37) (Рис. 16).

К катмайской коллекции И.Г. Вознесенского принадлежали и несколько костяных фигурок оленей, из которых удалось обнаружить только одну (№ 2938 / 35). Он отмечал: «Катмайцы вырезают оные из моржовой кости (клыков) с целью, чтобы продавать их русским, как редкость; работают мужчины» [ПФА РАН. Ф.142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 27].

Коллекции по кадьякам, собранные И.Г. Вознесенским в 1842–1843 гг., включают 173 предмета, объединенных в 83 номера, значительную часть составляют бытовые предметы и одежда.

Одежда представлена плащом-накидкой из кишок черного медведя (№ 593 / 19), сделанной в русском стиле, паркой *шакитак* из шкур гагары (№ 593 / 14), церемониальной паркой из шкур баклана на миткалевой подкладке (№ 593 / 23), к которой прилагается головной убор (№ 593 / 25), сшитый из шкур этой же птицы, еще одной паркой из шкур баклана (№ 2888 / 83), украшенной топорковыми клювами, полосками красной материи и мехом горностая, к ней относятся два головных убора (№ 2888 / 87, 88). В комплект к паркам входили женские сапоги (№ 2868 / 51), подошва которых сделана из китовой кожи *маненнымт*, ее образец представлен отдельно (№ 593 / 35).

В одном из писем к Е.И. Шрадеру И.Г. Вознесенский писал о камлейке № 2868 / 231 и парке № 593 / 23: «Два кадьякских костюма, отмеченных на обшивке литерами, приносятся в дар этнографическому кабинету. Под литерою А – камлейка (из кишок черного медведя) от священника Павловской Гавани о. Кадьяк Петра Степановича Литвинцева. Под литерою Б – парка (из урильих шеек) от правителя кадьякской конторы Иннокентия Степановича Костромитинова. Вещи эти здесь в колониях почитаются ред-

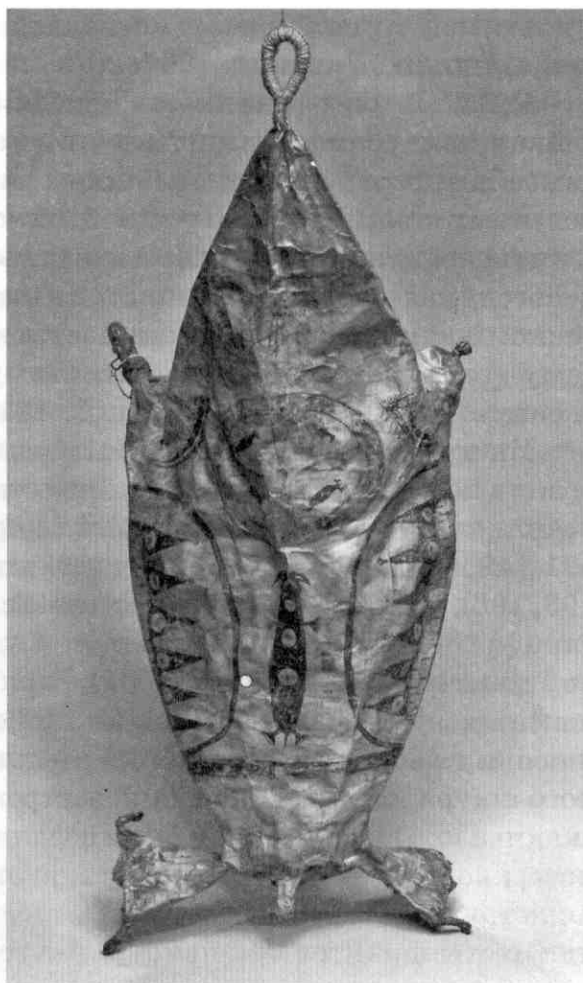

Рис. 16. Церемониальный манщик катмайцев (№ 571 / 37).

костью, как лучший образец в отношении искуснейшего рукоделия алеутских женщин» [Ляпунова 1967: 20].

У И.Г. Вознесенского есть описание камлейки № 2868 / 231: «Камлейка весьма тонкая, из кишек черного американского медведя. Подобные камлейки шьют только для почетных лиц. Она отличается от других, обыкновенных камлеек, чрезвычайной легкостью и удобством в путешествии в том отношении, что может помещаться в карман сюртука. Камлейка в непогоду надевается сверху платья и шапки, туго завязывается под подбородком и на руках, а пояс оттягивается кожаной обтяжкой. Это делается в том случае, если промышленник или путешественник едет в байдарке по океану» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 59].

Инструменты и орудия охоты также разнообразно представлены в собрании по кадьякам. В коллекции есть несколько типов каменных наконечников для китовых гарпунов *калугуат* (№ 2888 / 1–9, 16–19, 21, 22; 571 / 49, 50), два тяжелых гарпуна для охоты на китов *улюкают* (№ 2868 / 193, 196), двенадцать легких гарпунов с костяными наконечниками *питу-дак* (№ 2888 / 37–48). Легкие гарпуны бросались при помощи метательной дощечки *нухак* (№ 2867 / 31). Гарпуны для охоты на морских животных в основном были составными. Некоторые типы гарпунов имели отдельный наконечник, который соединялся с древком при помощи длинного шнура маута. Наконечник застревал в теле животного, а древко отскакивало. Поскольку они были соединены маутом, древко оставалось на поверхности воды в том месте, где животное ныряло, и охотнику не составляло труда нанести следующий смертельный удар. К тяжелым гарпунам для охоты на китов при помощи маутов прикрепляли надутые воздухом мочевые пузыри животных. Мауты *пуных-пак* использовались и в ритуальных целях, девушки дарили их женихам как свидетельство своего мастерства в рукоделии. В собрании И.Г. Вознесенского представлено несколько маутов: *пуных-пак* (№ 2888-68), маут, который прикреплялся к гарпуну для охоты на нерп (№ 2888 / 70), его бросали с берега из укрытия, маут, сделанный из китовых сухожилий (№ 571 / 92). Для закрепления маута на каяке на специальной подставке использовались вырезанные из кости фигурки животных, такое крепление в виде фигурки птички есть на мауте № 2888 / 68. В кадьякском собрании имеется также манщик из целой шкуры тюленя (№ 593 / 99) с маутом (№ 593 / 100). Манщики использовались как приманка во время охоты на тюленей и всегда находились в каяке. Если обшивка каяка прорывалась, внутри него надували манщик, либо надутые воздухом манщики прикрепляли у бортов каяка.

Каяки представлены моделью однолючного каяка с фигурой охотника и орудиями промысла (№ 2868 / 207) и моделью однолючного каяка *каямуюк* (№ 593 / 57). По списку И.Г. Вознесенского последняя модель не имела фигурки охотника, сейчас в комплекте с ней есть модели гарпунов, весла и фигурка охотника. Эти детали, вероятно, были взяты от модели трехлючного каяка *байдальк* (№ 620 / 28). Первоначально в комплект с ней входили три фигурки охотников и орудия промысла, к настоящему времени сохранилась только одна фигурка охотника. Еще одна модель трехлючного каяка с фигурками людей и орудиями промысла (№ 620 / 27) сде-

лана из материалов, использовавшихся при изготовлении настоящих каяков. К сборам И.Г. Вознесенского относятся также модели каяков № 2888 / 33, 34, 35. Под № 571 / 40 К.К. Гильзен зарегистрировал набор амулетов, обеспечивающих успешную охоту: пояс, ожерелье, два браслета и мешочек с красным графитом. Этот набор впоследствии был перерегистрирован под другим номером – он не был найден во время проверки еще в 1913 г. Возможно, что его отдельные части были позднее зарегистрированы как образцы материала от одежды кадьякцев.

И.Г. Вознесенский писал: «Амулеты кадьякцев для счастливого и многочисленного приобретения зверей, особенно при промысле морских бобров, которые состоят из 1) пояса, надеваемого как бандероль; 2) еще пояса на шею; 3) таинственного мешочка с графитом (красным), коим во время охоты кадьякцы раскрашивают некоторые части лица, как-то: лоб, подбородок и усы, и 4) двух горловых, в виде зарукавьев вещиц (употребление оных мне неизвестно, но только принадлежат также к вышеупомянутым счастливым вещам» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 66].

К мужским изделиям кадьякцев относятся набор из пяти инструментов для резьбы по дереву (№ 593 / 49а–д), два сосуда в виде водоплавающих птиц *алюдака* (№ 571 / 33а, б) (Рис. 17), деревянная коробка с крышкой (№ 2888 / 90), каменный жирник *куоок*, предназначенный для освещения жилища (№ 868 / 1).

Рис. 17. Сосуд для жира в форме водоплавающей птицы (№ 571 / 33а).

К женским изделиям относятся выделанные пленки с печени кита (№ 571 / 36, 38; 620 / 6), которые использовались для обтяжки светового люка в жилище. О последнем предмете (№ 620 / 6) И.Г. Вознесенский писал: «Пузырь китовый, или “Пахичэк”, употребляется кадьякцами вместо стекол в их бараборах, эти пузыри снимаются с печени кита, называемого по кадьякски “Ааит”» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 61]. Жен-

скими принадлежностями являются два ножа типа *улу* для очистки шкур: «нож древнего типа» *улюгкхак* (№ 2888 / 25) и нож *улючик* (№ 593 / 44), – последний аналогичен женским ножам тлинкиток для разделывания рыбы. Шесть фигурок птиц (№ 620 / 42а–в; 620 / 43а–в) представляют образцы женского рукоделия. Они вырезаны из дерева и оплетены тонкими сухожильными нитями, оленьим волосом и шелком.

В основе медицинской практики кадьякцев лежало кровопускание. Для надрезов использовали специальные инструменты с лезвием из раковин (№ 2888 / 32).

Самой ценной частью кадьякского собрания И.Г. Вознесенского является набор ритуальных принадлежностей. 12 февраля 1843 г. И.Г. Вознесенский купил у тоена острова Лесной «11 штук разнохарактерных личин, употребляемых кадьякскими алеутами на игрушках, и со следующими к ним причитающимися принадлежностями» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 13^{об}]. Это маски *талюляххя* (№ 571 / 11, 12) (Рис. 18), а также набор из девяти масок, используемых во время специального ритуала. Кроме масок, в этот комплект входили различные «принадлежности», которые перечисляются ниже.

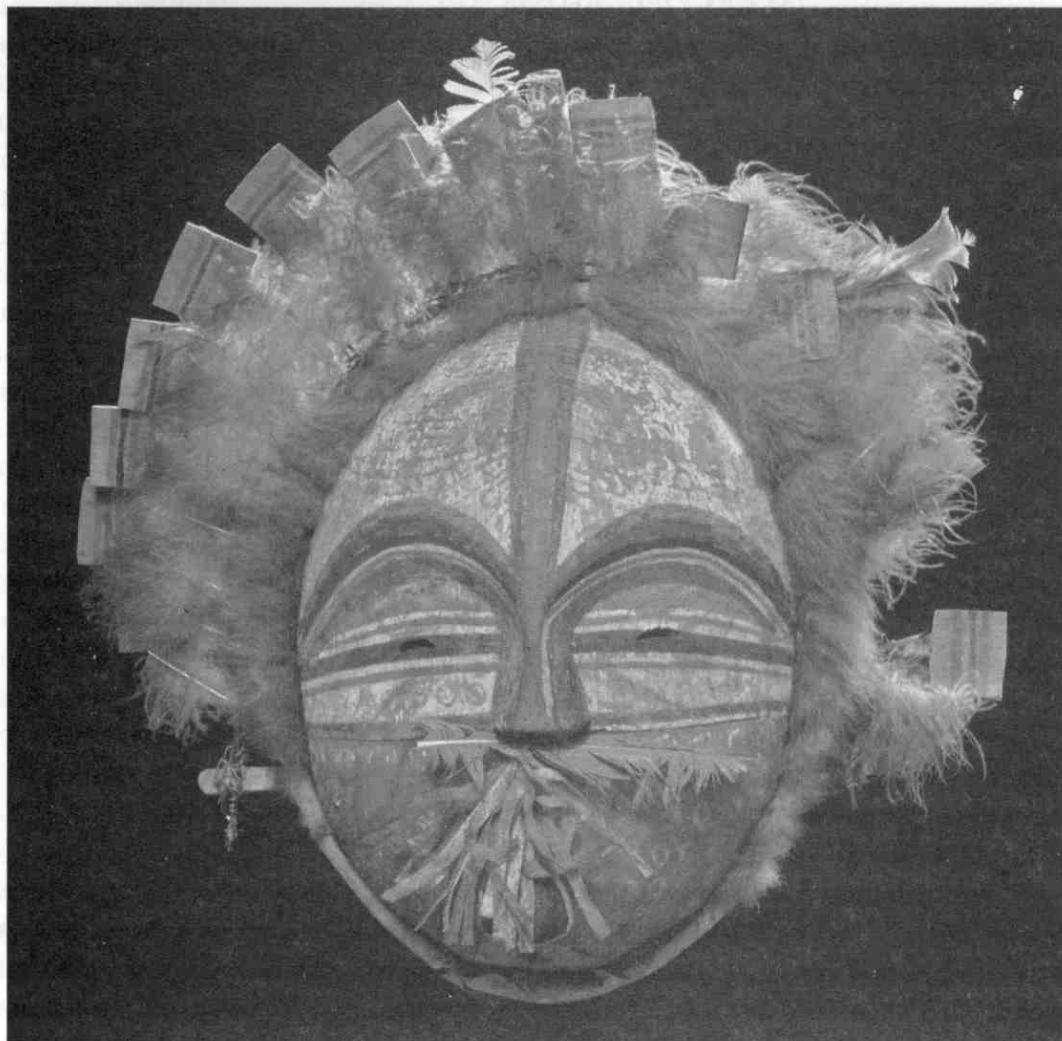

Рис. 18. Антропоморфная маска кадьякцев (№ 571 / 11).

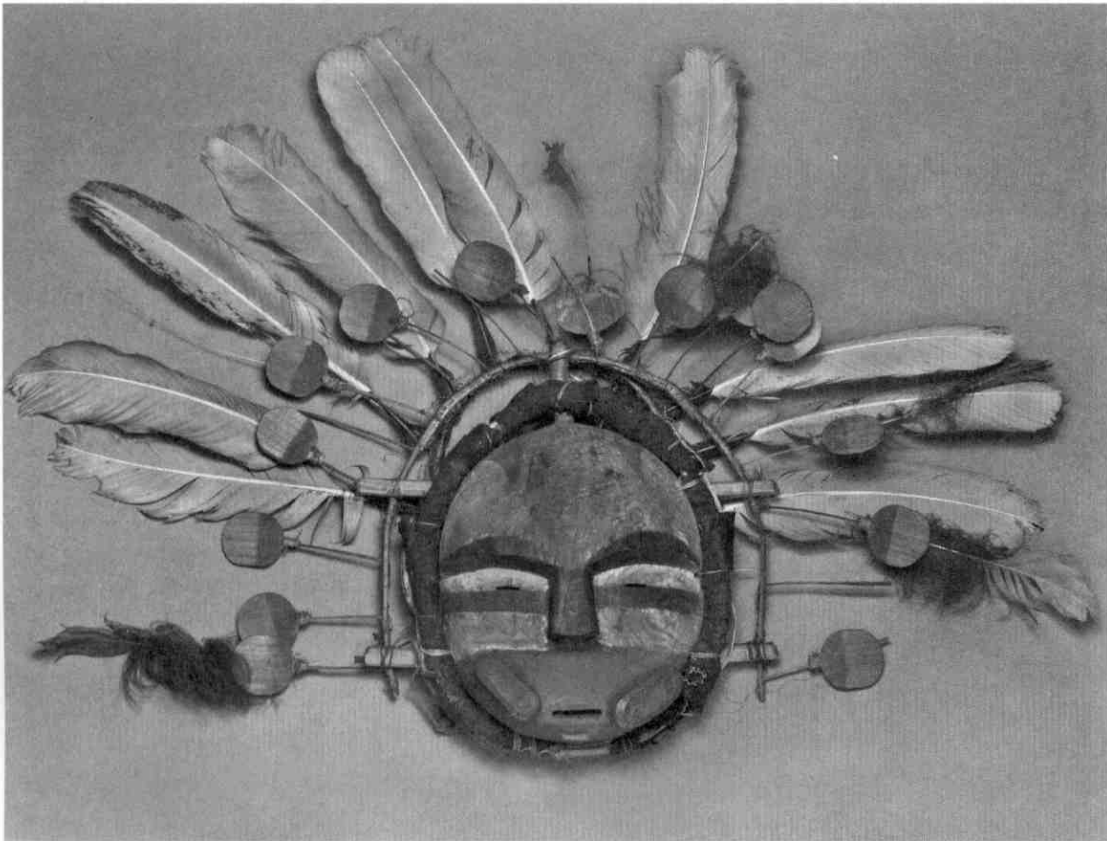

Рис. 19. Антропоморфная маска кадьякцев (№ 571 / 9).

К первому действию ритуала относятся четыре маски охотников *ат-мальчик* (№ 571 / 1a, b–2 a, b), «клювы птиц глупышей, которые надеваются на рты 6-ю нагими мальчиками, открывающих игру 1-го действия. Туземное название этих клювов “Чухэт”» (№ 571 / 3 a–f), «шесть штук бантов из перьев, навязываемых на левую руку каждого действующего лица в 1-ом действии, называется “Камуатэт”» (№ 571 / 5a–f) [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 67]. Ко второму действию относится маска больного *каниглиш* (№ 571 / 4). К третьему – маска весельчака *кингнум-шва* (№ 571 / 6), к четвертому – маска безносого калеки *шануялык* (№ 571 / 7). К пятому действию относится маска птицы кулика *наконали* (№ 571 / 8) и к последнему, шестому, действию – маска влюбленного *бахагилыхвивак* (№ 571 / 9) (Рис. 19), к которой имеется обруч с орлиными перьями (№ 571 / 10). Во время всего ритуала в качестве музыкальных инструментов использовались погремушки – трещотки с топорковыми клювами *кальхнаамыт* (№ 571 / 21a, b).

Кроме вышеуказанного ритуального комплекса предметов в собрании И.Г. Вознесенского представлены четыре бубна *чавыяк* (№ 571 / 23; 25a–b; 26), две колотушки к бубнам (№ 571 / 25c–d), а также три погремушки-трещотки с клювами топорка (№ 571 / 22; 24a–b) (Рис. 20). Этот комплекс ритуальных предметов неоднократно описывался в статьях Р.Г. Ляпуновой [1998: 15–17; 1997: 166–184; 1992: 71–88; Liapunova 1994: 175–203].

Вождь кадьякцев острова Лесного по просьбе И.Г. Вознесенского отремонтировал некоторые вещи. В дневнике от 12 марта 1843 г. И.Г. Вознесен-

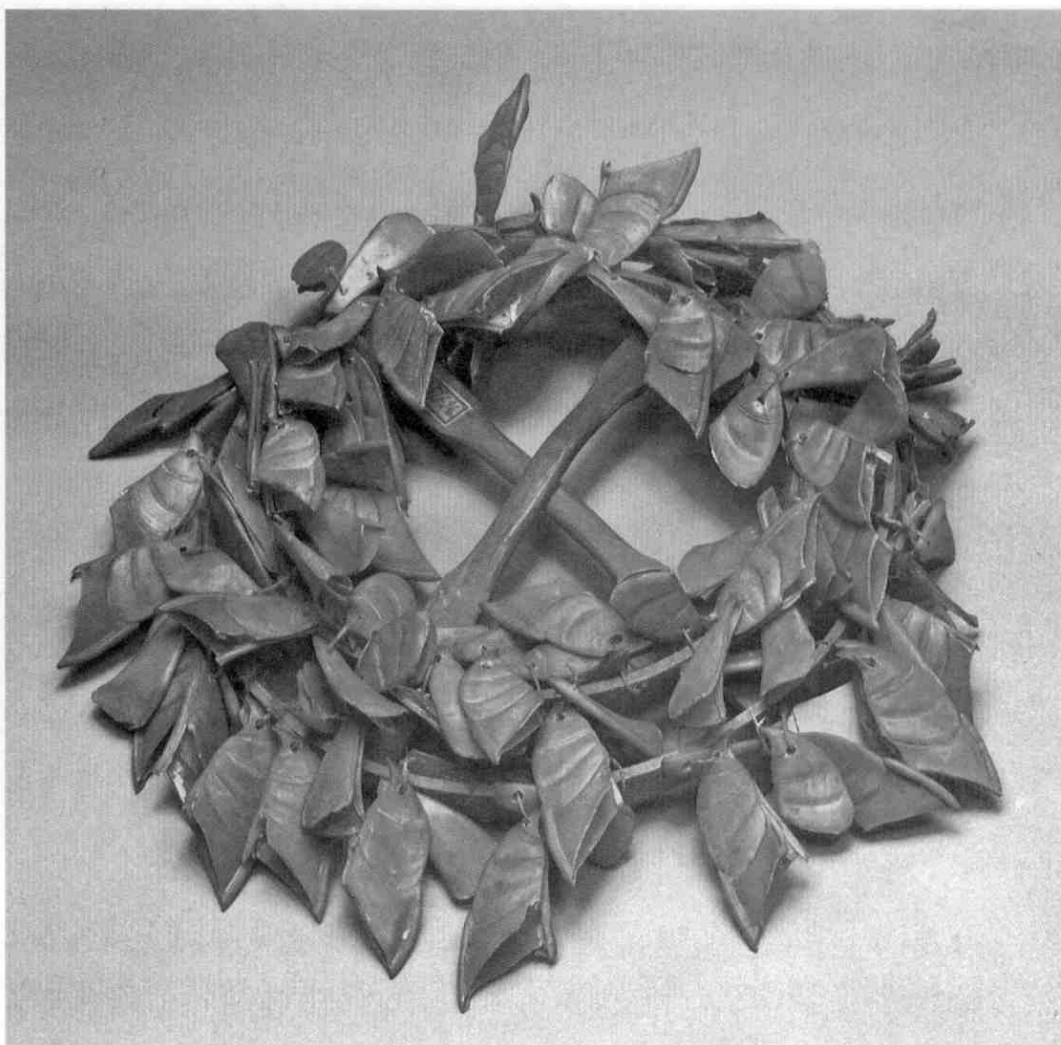

Рис. 20. Трещотка из двух обручей с топорковыми клювами (№ 571 / 24b).

ский пишет: «Лесновскому тоэну за починку моделей байдарок, и за сделанные к ним снаряды с фигурами, и за новые носки к нерпячьим стрелам заплачено (кроме прибавки вещами) 4 р.» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 15].

Проведя успешные исследования на Кенайском полуострове и Кадьяке, И.Г. Вознесенский 27 марта 1843 г. покинул Павловскую Гавань на судне Российско-Американской компании и после короткого перехода прибыл в Ново-Архангельск. Здесь собиратель задержался более чем на месяц. И.Г. Вознесенский намеревался во время летней навигации 1843 г. посетить побережье Берингова моря и Северного Ледовитого океана, и благодаря помощи А.К. Этолина ему такая возможность была предоставлена.

6 мая 1843 г. И.Г. Вознесенский вышел в плавание на бриге «Охотск», во время которого посетил острова Унга, Уналашка, Прибыловы острова, где (на острове Св. Павла) он оставил своего помощника Ф. Дружинина для самостоятельных исследований. После стоянки у Прибыловых островов бриг взял курс на север. Из-за плохой погоды «Охотск» два дня простоял у острова Св. Лаврентия, а затем повернул к Михайловскому редуту в заливе Нортон, куда и прибыл 30 июня. Здесь И.Г. Вознесенский провел плодотворные исследования. Он посетил Уналаклитскую одиночку, располо-

женную в устье Уналаклит, где совершил несколько успешных обменов с местными эскимосами-уналигмиутами, и два селения этих же эскимосов – Атахвик и Агахляк (Тачик), – расположенных в непосредственной близости от Михайловского редута.

Из залива Нортон судно отправилось на север, к заливу Коцебу, однако из-за скопления льдов войти в залив не удалось. 12 июля командир «Охотска» повернул к Берингову проливу, пройдя который судно сделало кратковременные остановки в заливе Шишмарева (Порт Кларенс) и у острова Кинг. Затем бриг посетил Мечигменский залив на Чукотке, а оттуда вернулся в залив Нортон в Михайловский редут. Здесь И.Г. Вознесенский оставался до конца августа.

За время этого путешествия И.Г. Вознесенский приобрел более ста предметов у уналигмиутов, а также отдельные вещи эскимосов районов залива Коцебу, залива Шишмарева, острова Кинг, азиакмиутов (кавиагмиутов или кауверак) полуострова Сьюард, а также большое количество предметов от квихпакцев (икогмиутов) реки Юкон и кускоквимцев.

От эскимосов залива Коцебу было получено несколько предметов. Это маленький костяной лучок, покрытый гравировкой (№ 571 / 52), который использовался для сверления и как часть прибора для добывания огня, нож, состоящий из деревянной рукояти и каменного лезвия, использовавшийся для резьбы по дереву (№ 571 / 83), десять стрел с костяными наконечниками (№ 2925 / 36–45).

Эскимосам залива Коцебу, вероятно, принадлежит и несколько предметов, которые И.Г. Вознесенский приобрел в разное время или получил как подарки. Об их этнической принадлежности известно только то, что они принадлежали жителям Крайнего Севера. Это ледокол из моржового клыка (№ 571 / 93), а также несколько стрел различных типов (№ 620 / 5; 593 / 84 / 1, 2; 2925 / 55, 94–97), стрела № 2925 / 55 короче других. Эскимосы Кадьяка называли ее *хукка* и говорили И.Г. Вознесенскому, что она принадлежит жителям далекого Севера.

Ряд предметов был приобретен у эскимосов залива Шишмарева на полуострове Сьюард. Это лук с четырьмя стрелами с каменными наконечниками (№ 593 / 62а, б). Он отличается от других маленькими размерами, его длина только 92 см. И.Г. Вознесенский писал: «Лук и при нем стрелы с костяными носками. Выменяны от временных жителей залива Шишмарева (Ледовитое море) в бытность мою на острове Сарычева в 1843 г. Туземцы промышляют сим оружием оленей, пушных зверей и птиц. Лук замечателен своей малой величиной. Длина его 1 аршин, 8 дюймов – длина ноги. Мне не случалось еще видеть у Северных народов таких маленьких луков, видел только у калифорнийских индейцев» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 41].

К изделиям эскимосов залива Шишмарева относится и боевое копьё с каменным наконечником (№ 593 / 83). Такие копьё в 40-х гг. XIX в. составляли большую редкость, так как эскимосы полуострова Сьюард уже имели чукотские копьё с металлическими наконечниками. Последним предметом, приобретенным у эскимосов этого района, является костяная рукоятка ножа (№ 571 / 48), украшенная гравированными рисунками животных.

Собрание по эскимосам острова Кинг также очень малочисленно. К нему относятся метательная дощечка (№ 593 / 67), использовавшаяся при охоте на птиц (в комплекте с ней были три дротика, которые пока не удалось выявить), багор (№ 593 / 70) для подтягивания к берегу туш убитых морских животных и гарпун (№ 3235 / 39), но его принадлежность к сборам И.Г. Вознесенского точно не установлена.

Во время плавания на «Охотске» и пребывания в Михайловском редуте И.Г. Вознесенский приобрел не менее семи предметов азиатских полуострова Сьюард. К настоящему времени удалось выявить лишь один из них, это промысловая кишечная камлейка (№ 593 / 20), в списке И.Г. Вознесенского про нее сказано: «Камлейка горловая белая от Азиатских». По своему покрою она отличается от одежды уналичмиутов залива Нортон.

Несмотря на кратковременное пребывание у берегов острова Св. Лаврентия, И.Г. Вознесенский собрал интересную коллекцию у местных эскимосов. В ее состав входит комплект снаряжения воина, состоящий из боевого панциря, обтянутого шкурой тюленя (№ 593 / 74), и копий (№ 593 / 75; 2890 / 2), использовавшихся как для охоты на моржей, так и во время боевых действий. К боевому снаряжению относится также панцирь (№ 571 / 99) из скрепленных между собой пластинок из моржовой кости (Рис. 21).

Рис. 21. Боевой панцирь из моржовой кости (№ 571 / 99).

Одежда представлена зимней камлейкой, сшитой из моржовых кишок (№ 593 / 39), камлейкой, украшенной птичьими клювами (№ 593 / 30), и мужским головным убором (№ 2930 / 5). К принадлежностям костюма можно отнести солнцезащитные козырьки (№ 571 / 45; 3235 / 12), сделанные из стержней перьев, и деревянные очки для защиты глаз от снежной слепоты (№ 571 / 44). Здесь же упомянем о трех парах серег из кости (№ 2925 / 136, 137, 138). Кроме них к изделиям из кости относится 25 фигурок животных и птиц (№ 571 / 57 / 1–25) (Рис. 22).

Рис. 22. Фигурка песца из моржовой кости № 571 / 57 / 20.

Из промыслового снаряжения имеются тяжелый гарпун для охоты на китов, состоящий из древка (№ 593 / 31) и маута с наконечником (№ 593 / 17), и три короткие удочки для ловли трески (№ 571 / 96–98), удилице их сделано из моржовой кости, а леса – из китового уса.

Кроме того, на острове Св. Лаврентия И.Г. Вознесенский приобрел несколько предметов азиатских эскимосов. Это вырезанная из моржового клыка цепочка (№ 2937 / 76) для закрепления на поясе огнива и две коробочки для хранения табака (№ 593 / 48; 3235 / 40). От эскимосов острова Нунивак имеется только два манщика из шкуры тюленей (№ 593 / 97, 98).

Самые многочисленные коллекции по эскимосам побережья Берингова пролива И.Г. Вознесенский собрал в течение двух месяцев у уналигмиутов залива Нортон и икогмиутов устья Юкона. Первых он называл агалехмютами или аглемютами, последних – квихпакцами. Вероятно, к уналигмиутам относятся и те предметы, которые значатся как собранные среди населения побережья залива Нортон. Так как эти комплексы вещей разделяются в списках И.Г. Вознесенского, то рассмотрим их отдельно.

Одежда уналигмиутов представлена женской паркой (№ 2925 / 26) и тремя детскими камлейками (№ 593 / 32, 37, 38.) К костюму относится также плетеная летняя обувь (№ 2930 / 61 / 1–2; 60 / 1–2) и деревянный церемониальный головной убор вождя (№ 3235 / 14). И.Г. Вознесенский

купил его весной 1840 г. в Ново-Архангельске у служащего Российско-Американской компании П.С. Костромитинова, на этикетке к нему написано, что это «агалехмютский сагуяк». *Сагуяк* – алеутское слово, обозначающее деревянные головные уборы. В собрании И.Г. Вознесенского очень трудно разделить вещи уналигмиутов (агалехмютов, по И.Г. Вознесенскому) и аглегмиутов Бристольского залива, поэтому нельзя утверждать, что шляпа № 3235 / 14 принадлежит уналигмиутам. Еще одна шляпа уналигмиутов (№ 593 / 51) богато украшена пластинками из моржовой кости и резными фигурками животных и птиц, ее задняя часть украшена черными перьями морянки (Рис. 23).

Водежде уналигмиутов прослеживается влияние северных групп эскимосов. Парки изготовлялись в основном из оленьего меха. Мужская парка шилась длиной до колена, женская – немного ниже. Подол мужской парки был прямой, женской – полуovalом, с боковыми вырезами, рукава узкие. К зимним паркам пришивали капюшон. Края подола, капюшона и рукавов обшивались мехом волка. Кроме парки, мужчины носили меховые штаны мехом внутрь, а женщины – короткие натазники мехом внутрь и штаны мехом наружу. Обувью служили торбаса – своего рода сапоги длиной до колена и выше. В сильные холода надевали перчатки.

Рис. 23. Охотничья деревянная шляпа вождя (№ 593 / 51).

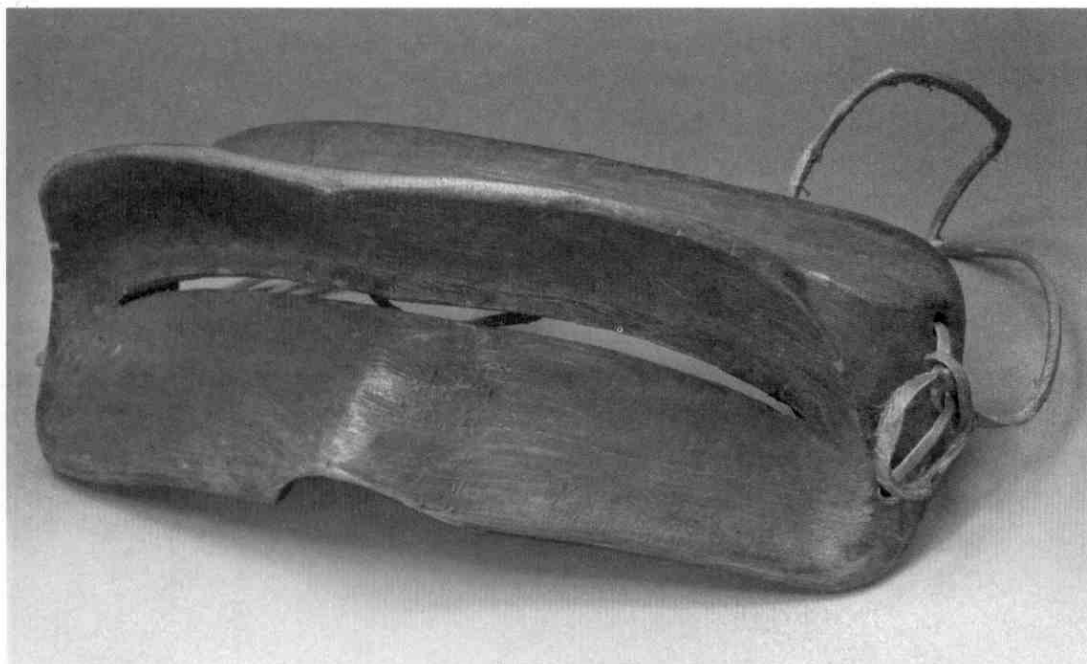

Рис. 24. Солнцезащитные очки (№ 2930 / 14).

Из женских изделий отметим кожаную сумку для хранения иголок (№ 571 / 94) и большую сумку из рыбьей кожи (№ 571 / 35). К мужским изделиям относятся солнцезащитные деревянные очки (№ 2930 / 14) (Рис. 24), деревянная посуда (№ 571 / 29а, b; 2930 / 13, 98) и вырезанная из кости модель каяка (№ 2938 / 11).

Значительное место в собрании по уналигмиутам занимают орудия охоты и вооружения: два лука (№ 593 / 78; 3235 / 26), колчан (№ 593 / 79), стрела для охоты на оленей и медведей (№ 2925 / 100), шесть стрел с костяными наконечниками для охоты на бобров (№ 571 / 31а–f), птиц (№ 2930 / 89) и два гарпуна (№ 2930 / 73; 2890 / 10).

Луки и стрелы уналигмиутов были доведены до совершенства. Существовали стрелы не только на каждый вид животных (оленей, волков, речных бобров и т.д.), но и на отдельные виды птиц. Все виды стрел на птиц изготавливались с тупыми наконечниками для того, чтобы поломать птице крылья. Для охоты на оленей использовались массивные стрелы с костяными наконечниками (головками древков), в паз которых вставляли каменные наконечники. Древки стрел обычно делали из лиственницы. Из лиственницы или ели изготавливали луки, для их усиления в места сгибов привязывали костяные пластины.

Кроме того, И.Г. Вознесенскому удалось приобрести у уналигмиутов настоящий каяк с полным комплектом вооружения:

№ 593 / 92	каяк из шкур белух;
№ 593 / 93а, б	короткие однолопастные весла;
№ 2925 / 132	багор с костяным наконечником;
№ 620 / 2	гарпун для охоты на моржей;
№ 2930 / 82	гарпун для охоты на тюленей;
№ 2930 / 88	шати́на для охоты на птиц;
№ не установлен	метательная дощечка;
№ 593 / 96	деревянная шляпа, использовавшаяся при охоте на тюленей;

№ не установлен	гарпун с маутом и манщиком;
№ 593 / 94	подставка для гарпуна;
№ 593 / 95	деревянная подставка на дно каяка.

Два предмета из этого комплекта пока обнаружить не удалось. Вероятно к нему можно отнести деревянный сосуд для вычерпывания воды (№ 571 / 30) (Рис. 25). Сходные по форме сосуды имелись у кадьякцев. О назначении каяка И.Г. Вознесенский писал: «Аглемуты во время промысла на морских белух, окрашивают свои байдарки белой глиною для того, чтобы быть под-
стать с плавучим льдом; этим им удастся обманывать (белух. – С.К.), при-
ближаясь к сим животным на весьма близкое расстояние. По окончании про-
мысла белух байдарку очищают от краски, а при наступлении оною они сно-
ва ее красят» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 36–37].

Рис. 25. Деревянный сосуд (№ 571 / 30).

В основном уналигмиутам принадлежат предметы, которые И.Г. Вознесенский определял как вещи эскимосов залива Нортон. Это одежда – зимняя камлейка из моржовых кишок (№ 593 / 31), парка с капюшоном из меха длиннохвостого суслика (№ 3235 / 9), меховые мужские головные уборы (№ 2930 / 47, 8) и женский пояс из оленьих резцов с костяной пряжкой (№ 571 / 53) (Рис. 26). Такие пояса молодые люди дарили своим невестам как свидетельство охотничьего мастерства. В среднем на изготовление одного пояса уходили резцы восьмидесяти оленей. К украшениям относится костяная втулка (№ 571 / 55): «сердцеобразная серпентиновая

Рис. 26. Пояс из передних резцов оленя карибу (№ 571 / 53).

Рис. 27. Бола для охоты на птиц (№ 571 / 59 / 1).

Рис. 28. Фигурка предка (№ 620 / 25a).

дельно представлены две стрелы (№ 2925 / 41, 72) и двойной колчан для лука и стрел (№ 2930 / 67).

У эскимосов залива Нортон И.Г. Вознесенский приобрел несколько культовых предметов. Это фигурки предков: женская (№ 2938 / 2), вырезанная из моржового клыка, мужская (№ 620 / 26), из дерева, и две парные фигурки – мужская и женская (№ 620 / 25a, б), также изготовленные из дерева (Рис. 28).

пластинка, укрепленная на костяной ножке. Жители Нортонова залива и Зунда Коцебу украшают ими свои щеки (мужчины), прорезывая для сего с малолетства по скважине с каждой стороны углов рта» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 37].

Из бытовой утвари имеются несколько частей прибора для добывания огня (№ 620 / 23; 593 / 55; 571 / 43a, b, c), три курительные трубки азиатского типа (№ 571 / 46, 47, 100), футляр в виде фигуры моржа для больших костяных игл (№ 593 / 47) и модель однолючного каяка с фигурой человека и принадлежностями вооружения (№ 593 / 56). Инструменты представлены двумя парами резцов речного бобра (№ 593 / 52 / 1–4), при помощи которых эскимосы затачивали ножи.

Промысловые орудия представлены шестью болами из моржовых зубов для охоты на птиц (№ 571 / 59 / 1–6) (Рис. 27), рыболовной сети для ловли сига и нельмы (№ 593 / 41), двойного колчана для лука и стрел, составного лука и девяти стрел для охоты на пушных животных (№ 593 / 61a–в). От-

Рис. 29. Женская камлейка из рыбьей кожи (№ 593 / 21).

Кроме собрания по уналигмиутам во время пребывания в Михайловском редуте И.Г. Вознесенский приобрел интересные коллекции по «речным» эскимосам – квихпакцам и кускоквимцам.

Одежда квихпакцев представлена ритуальными камлейками из кишок тюленя макляка *члянак* (№ 2930 / 45, 46), которая использовалась во время поминок и в церемониях, связанных с культом предков. Вероятно, такое же назначение имела еще одна камлейка (№ 2930 / 44), по краям подола, рукавов и капюшона была обшита мехом. Представляет большой интерес одежда – женская камлейка *амигрит* (№ 593 / 21), сшитая из кожи щуки и кунжи (Рис. 29), сапоги из рыбьей кожи *амагик* (№ 593 / 6) и плетеные из растительного волокна «носки» *калигвак* (№ 571 / 89) – летняя обувь, которую носили и мужчины, и женщины. Кроме вышеуказанного комплекта одежду квихпакцев представляет еще одна пара плетеной летней обуви (№ 593 / 36) и меховой мужской головной убор (№ 2930 / 4).

Из украшений имеются серьги *аж-жюдак* (№ 571 / 67), которые носили как мужчины, так и женщины (Рис. 30), женское украшение в виде шнура с пронизками из бисера (№ 2930 / 52). К украшениям можно отнести костяную пряжку для женского пояса *нах-чак* (№ 571 / 66) и костяную

Рис. 30. Костяные серьги с нитками бисера (№ 571 / 67 / 1, 2).

бляху (№ 571 / 54) с вырезанным на ней человеческим лицом, которая использовалась как крепеж при фиксации сухожильного шнура.

Женскими изделиями являются две сумки из кожи лосося (№ 571 / 90, 91) (Рис. 31). Обе сумки однотипны, последняя из них немного больше по размеру и называется *мляг-выик*. Также к образцам женского рукоделия относится сумочка для хранения костяных игл *мин куживак* (№ 571 / 95), сшитая из кусочков кожи и меха.

Мужские ремесленные изделия представлены деревянным сосудом, с двух сторон которого вырезаны человеческие фигуры (№ 593 / 45) (Рис. 32), и костяной иглой в деревянном футляре в виде фигуры налима (№ 571 / 51). Об этом экспонате И.Г. Вознесенский писал: «В деревянном футляре,

Рис. 31. Сумка из кожи лосося (№ 571 / 90).

Рис. 32. Деревянный сосуд эскимосов реки Юкон (№ 593 / 45).

изображающем собою рыбу – налима, находится костяная игла (№ 571 / 51a), которою женщины расчесывают волосы и распускают тальниковое лыко; игла называется по-туземному – плюман» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 53].

Оружие квихпакцев представлено четырьмя однотипными гарпунами (№ 2930 / 91–95) с тяжелыми костяными навершиями, маутами и пузырями.

Собрание по эскимосам низовья реки Кукоквим интересно, прежде всего, своим комплексным подбором. Оно состоит из вещей, собранных

Рис. 33. Мужская зимняя парка (№ 2930 / 1).

И.Г. Вознесенским за все время его пребывания в Русской Америке. Часть из них он получил от Л.А. Загоскина, часть купил в Ново-Архангельске, а часть приобрел в Михайловском редуте. И.Г. Вознесенскому удалось составить несколько комплектов одежды кускоквимцев. Один из комплектов мужской зимней одежды состоит из меховой парки с капюшоном (№ 2930 / 1) из пыжиков (Рис. 33), к ней относятся две пары сапог (№ 2930 / 2 / 1, 2; 11 / 1, 2). Другой комплект мужской зимней одежды состоит из парки без капюшона, сшитой из шкурок длиннохвостого суслика (№ 593 / 1), мехового головного убора типа капора (№ 593 / 2), штанов из оленьего меха (№ 593 / 3), сапог также из меха оленя (№ 2930 / 9) и двух пар рукавиц – из меха оленя (№ 593 / 7) и нерпы (№ 593 / 8).

Женский зимний костюм представлен также двумя

Рис. 34. Модель каяка с фигурой охотника (№ 620 / 31).

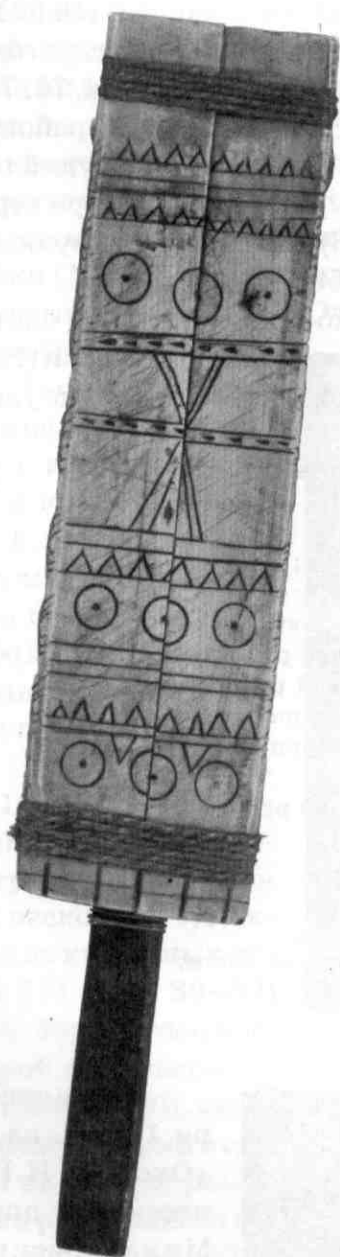

Рис. 35. Железный резец с
костяной рукояткой
(№ 2930 / 22).

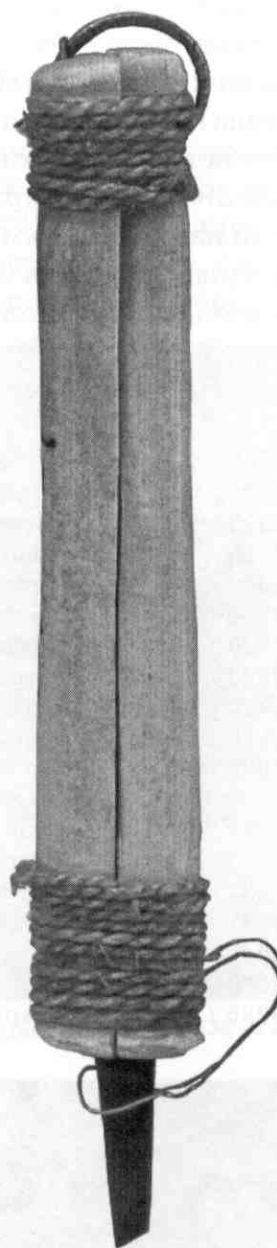

Рис. 36. Железный резец
с костяной рукояткой
(№ 2930 / 25).

комплектами. Первый – парка без капюшона (№ 2930 / 6), меховой головной убор (№ 2930 / 3), сапоги (№ 2930 / 48 / 1–2). Он аналогичен последнему из вышеуказанных мужских костюмов, и поэтому нельзя определенно утверждать, женская это одежда или мужская. Вторым костюмом – определенно женским. Это парка с капюшоном из меха длиннохвостого суслика (№ 593 / 4), к которой имеются двое штанов из камуса (№ 593 / 5) и (№ 4193 / 57) из меха выдры. К зимней женской одежде кусоквимцев относится парка из меха норки (№ 593 / 40), рукавицы из меха волка (№ 2930 / 50 / 1, 2) и оленья (№ 2930 / 10 / 1, 2), к летней – камлейка (№ 593 / 9).

Ремесленными изделиями кусоквимцев являются модель каяка с фигуркой охотника (№ 620 / 31) (Рис. 34) и набор из пяти табакерок *икмич*-

туан, четыре из них деревянные (№ 571 / 61–64), а пятая (№ 571 / 65) вырезана из моржовой кости. Из орудий промысла имеются четыре гарпуна, предназначенные для охоты на морских животных (№ 2930 / 74, 76, 78, 81).

Еще одна группа эскимосов западной Аляски – аглегмиуты района Бристольского залива – представлена небольшой коллекцией орудий охоты. Это лук (№ 2930 / 68), окрашенный в зеленый цвет, к нему три стрелы с каменными наконечниками (№ 593 / 66 / 1–3) для охоты на крупных животных и одна стрела для охоты на птиц (№ 593 / 65).

В заключение раздела приведем список экспонатов из собрания И.Г. Вознесенского приобретенных у эскимосов Западной Аляски (Рис. 35, 36), точную этническую принадлежность которых установить не удалось:

№ 2890 / 13–16	стрелы с металлическими наконечниками;
№ 2925 / 1	инструмент типа мотыги;
№ 2925 / 11–13	стрелы;
№ 2925 / 126	шати́на для охоты на птиц;
№ 2930 / 15	игла с костяной рукояткой;
№ 2930 / 21	резец с деревянной рукояткой;
№ 2930 / 22	железный резец с костяной рукояткой;
№ 2930 / 23–25	железные резцы с костяной рукояткой;
№ 2930 / 38	костяной наконечник от гарпуна;
№ 2930 / 40	костяной наконечник от гарпуна;
№ 2930 / 51	пояс из шкуры выдры;
№ 2930 / 59	железный резец с костяной рукояткой;
№ 2930 / 70	усиленный лук;
№ 2930 / 79	неповоротный гарпун;
№ 2937 / 17	лучок для сверления;
№ 2937 / 68	модель двухлючного каяка;
№ 2938 / 10	модель трехлючного каяка из кости;
№ 2938 / 12	модель лодки из кости;
№ 3235 / 38	гарпун.

Рис. 37. Чехол для фуражки из кишечных полос (№ 571 / 79).

В начале сентября 1843 г. на бриге «Охотск» И.Г. Вознесенский покинул Михайловский редут. Судно взяло курс на Уналашку, по пути зайдя на Прибыловы острова и забрав оттуда Ф. Дружинина. Почти три месяца, проведенные последним на островах, оказались не так успешны в отношении сбора коллекций, как на это рассчитывал И.Г. Вознесенский. Алеуты

Прибыловых островов являлись наемными рабочими Российско-Американской компании, которая снабжала их всем необходимым, и поэтому не имели ни времени, ни инструментов, чтобы заниматься побочным промыслом.

То немногое, что удалось приобрести Ф. Дружинину, состояло из образцов материалов для изготовления одежды (№ 571 / 86, 87), кишечных чехлов для европейских фуражек (№ 571 / 76–79) (Рис. 37), праздничной камлейки (№ 593 / 22), накидки-плаща из кишечных полос, сделанной в русском стиле (№ 593 / 15). Одним из редких экспонатов, который ему удалось приобрести на острове Св. Георгия, была обувь типа сапог из горла сивуча с подошвами из китовой кожи (№ 593 / 33). И.Г. Вознесенский отмечал: «Эта обувь у алеутов считается древнею, ибо до прибытия русских они не знали никакой другой, кроме этой» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 70–71]. Также на Прибыловых островах было приобретено несколько сумок-мешков из кишечных полос (№ 571 / 75, 80–82) (Рис. 38; 39), образец превосходной маленькой сумочки (№ 571 / 60), украшенной перышками и сделанной из тонких разноцветных ремешков из сивучьего горла (Рис. 40) и две модели байдарок с фигурками людей (№ 571 / 84, 85) (Рис. 41).

Кроме того, на Прибыловых островах было собрано несколько костяных фигурок животных и шляпа-козырек. Всего И.Г. Вознесенский приобрел пять таких головных уборов. Три из них определены точно, два других (№ 2868 / 40, 43) удалось выявить по его этикет-

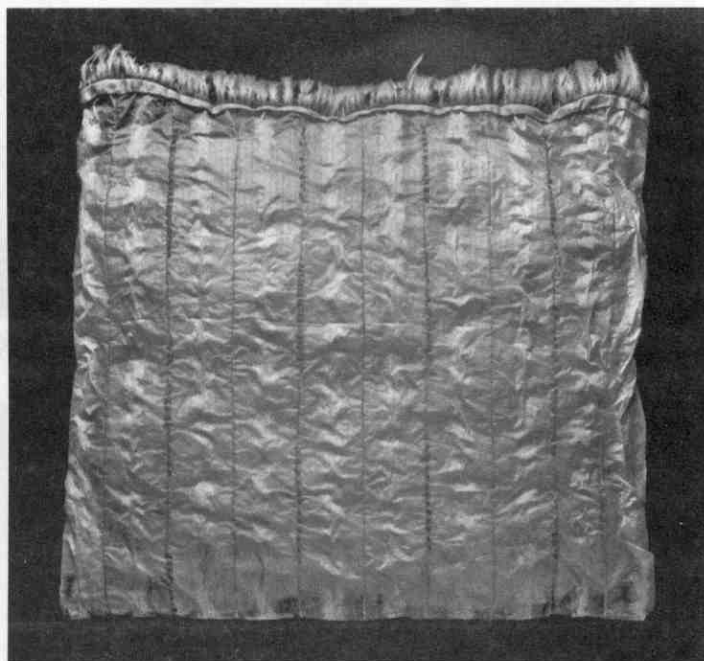

Рис. 38. Сумка из кишечных полос (№ 571 / 75).

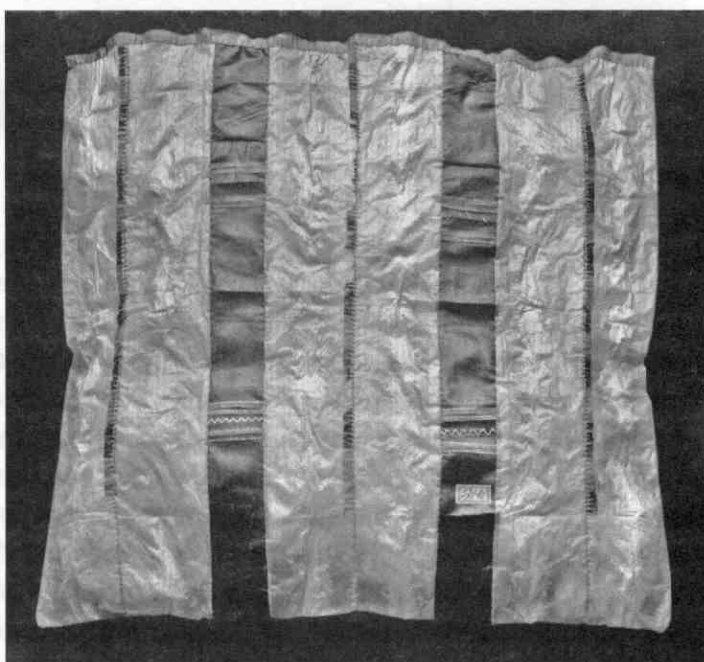

Рис. 39. Сумка из кишечных полос (№ 571 / 81).

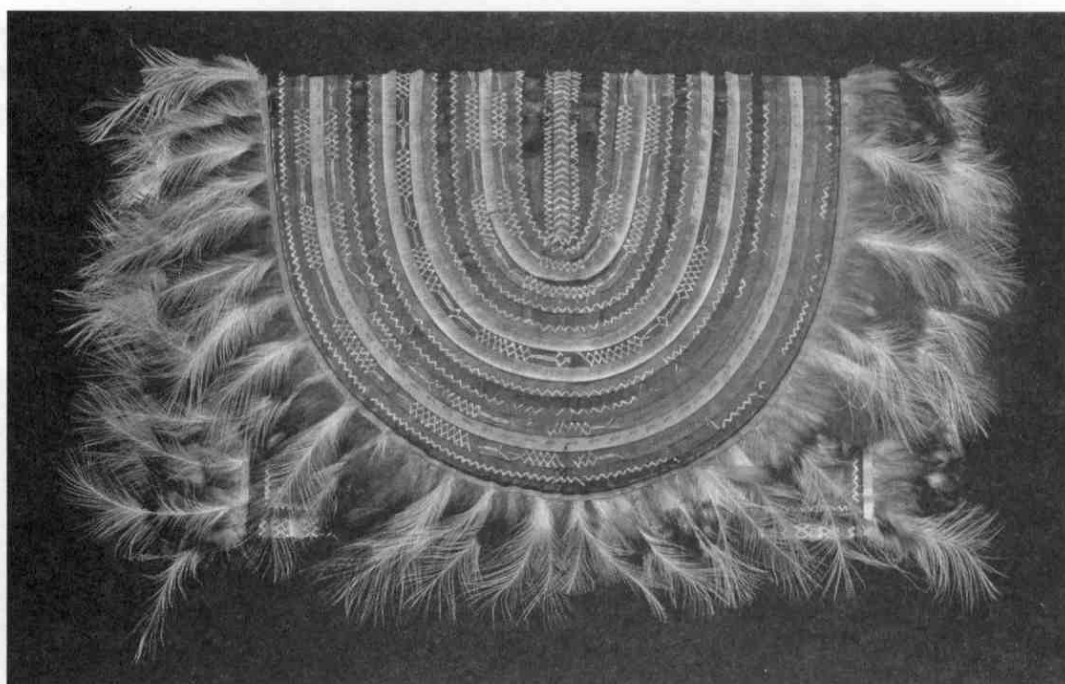

Рис. 40. Сумочка из кожаных ремешков (№ 571 / 60).

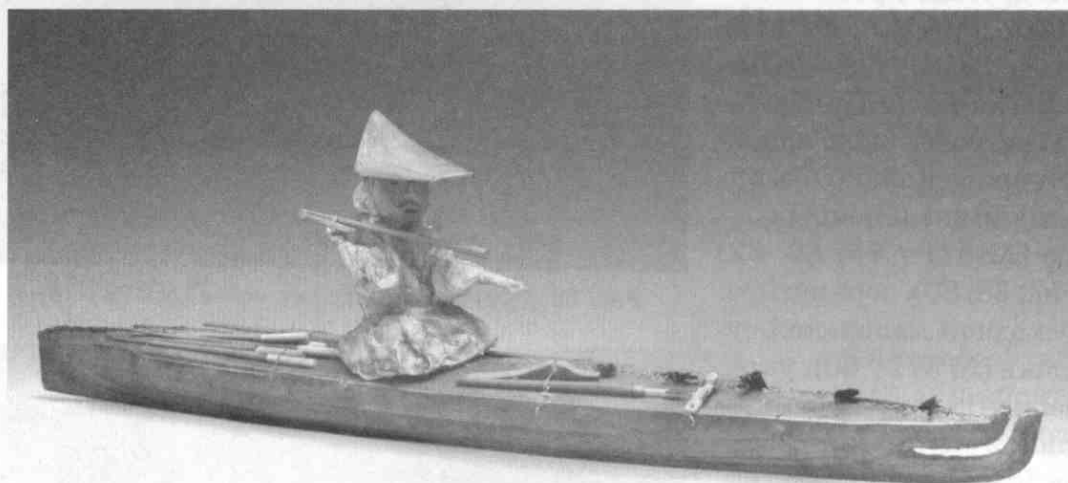

Рис. 41. Модель байдарки (№ 571 / 85).

кам, но какой из них был приобретен в 1843 г. на Св. Георгии, остается неясно (Рис. 42). Что касается фигурок животных, вырезанных из моржовой кости, то под № 2938 / 6, 7 числятся две фигурки каланов, которые являлись принадлежностью маута. Все вышеуказанные вещи, вероятно, являются изделиями алеутов Лисьевских островов, так как именно на Уналашке формировались промысловые партии для работы на Прибыловых островах.

В сентябре 1843 г., во время стоянки у берегов Уналашки, И.Г. Вознесенский значительно пополнил коллекцию по алеутам. В частности, он купил у тоена Ивана Панькова «промысловую однолючную байдарку, сделанную по всем правилам искусства и настоящей величины, со всеми к ней

Рис. 42. Церемониальная шляпа-козырек (№ 2868 / 40).

принадлежностями» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 17], которая была изготовлена алеутами острова Акун:

№ 593 / 76	однолючная байдарка <i>ик-хяк</i> ;
№ 593 / 89 / 1–3; 90	каланы гарпуны <i>аякудахич</i> ;
№ 2867 / 16, 17; 2868 / 227	китовые гарпуны <i>иглэках</i> ;
№ 593 / 87	каланий гарпун с пузырем и маутом <i>аклигих</i> ;
№ 593 / 88; 2868 / 49	гарпун на сивучей и нерп <i>агальгих</i> с маутом <i>анган</i> и пузырем <i>наюн</i> ;
№ 593 / 85	гарпун на сивучей <i>ах-чун</i> с маутом и пузырем <i>ах-чун-са</i> ;
№ 2867 / 18, 27	шатины на птиц <i>чатасин</i> ;
№ 593 / 91	гарпун на молодых нерп <i>чудук-сек</i> ;
№ 593 / 81	палка-дрыгалка <i>ан-нах</i> ;
№ 593 / 82	гарпун для украшения байдарки <i>катих</i> ;
№ 593 / 80	метательная дощечка <i>асьхух</i> ;
№ не установлен	нерпичий манщик <i>умеагих</i> ;
№ 2868 / 230	циновка для подкладки в байдарку <i>ин-кеелук</i> ;
№ 2868 / 78; 620 / 1 а, б	приспособление для обтяжки люка <i>сукеках</i> со шнуром <i>кан-нах ахтук</i> ;
№ 2868 / 189	двухлопастное весло <i>ак-кха-дгусак</i> .

Кроме вышеуказанных предметов, в комплект с байдаркой входило несколько украшений, охотничья шляпа и камлейка, выявить их в фондах МАЭ пока не удалось. Вероятно, что принадлежностями байдарки являются шнуры для соединения рамы (№ 2868 / 223, 224), восемь фигурок из кости (№ 2937 / 17–24) и фигурка птички (№ 2868 / 48). Возможно, что именно о последнем предмете И.Г. Вознесенский писал: «Резное украшение из китового уса, увенчанное на вершине костяным изображением птицы, следует поместить к водорезу байдарки на нос, по лисьевски оно называется “Кангулирик”» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 76].

В собрании И.Г. Вознесенского полно представлены одежда и орудия охоты алеутов. Одежда была хорошо приспособлена к местным климатическим условиям. Мужские и женские костюмы мало отличались друг от друга. Алеутские парки шились либо из шкур морских животных, либо из

шкурки птиц. меховые парки в случае плохой погоды надевали мехом внутрь, парки из птичьих шкурок носили перьями наружу для защиты от дождя. В отличие от повседневной одежды северных групп эскимосов, парки алеутов шились без капюшонов.

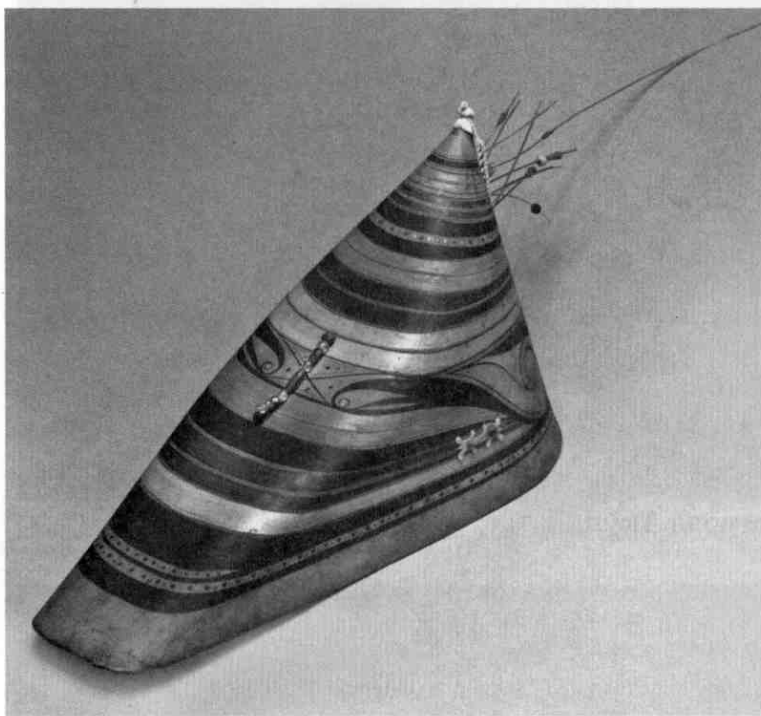

Рис. 43. Шляпа-козырек вождя (№ 2868 / 37).

37, 39, 41), их покрывали росписью и украшали костяными резными пластинками, фигурками людей, сивучьим усом, а также бисером и бусами, которые алеуты получали от европейцев (Рис. 43). Дополнением к костюму были сумки *калаузик* (№ 2868 / 86, 89). И.Г. Вознесенский писал: «Калаузики, вроде дорожных сумок, в которых держат разные необходимые принадлежности во время путешествия в байдарке, сделаны из горл молоденьких сивучей с урильей опушкой» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 73].

Орудия охоты представлены каменным наконечником от гарпуна для охоты на китов (№ 593 / 50), пятью гарпунами для охоты на других морских животных (№ 2867 / 3–7), в комплекте с ними была метательная дощечка (№ 2868 / 112), гарпуном, предназначенным только для охоты на нерп (№ 2867 / 13), гарпуном для промысла сивучей (№ 2867 / 14), несколькими гарпунами для охоты на каланов (№ 2867 / 2; 2868 / 148, 149). Бросали вышеуказанные гарпуны при помощи метательных дощечек аналогичных № 2868 / 14.

Вероятно, алеутам Уналашки принадлежит лук без тетивы (№ 2868 / 229). Луки являлись боевым оружием и ко времени посещения И.Г. Вознесенским Алеутских островов уже вышли из употребления. Если в атрибуции этого лука существуют определенные сомнения, то в отношении стрел для лука (№ 620 / 4 / 1–5) можно с уверенностью говорить об их принадлежности алеутам Уналашки.

Так, в комплекте одежды жителей Уналашки имеются церемониальная парка с богатой вышивкой (№ 593 / 17) из шкурок топорка, промысловая камлейка с капюшоном (№ 593 / 24), богато расшитая церемониальная камлейка без капюшона с прямым воротником (№ 593 / 18). Частью мужского церемониального костюма являются деревянные головные уборы вождей *сагуякх* (№ 2868 /

Из других предметов алеутов Лисьевских островов отметим изделия, связанные с женскими ремеслами. Это игла с костяной рукояткой (№ 2868 / 27), приспособление для наматывания ниток (№ 2868 / 25), женские каменные ножи типа *улу* для очистки шкур (№ 571 / 88а-с), пучок оленьих волос, которые использовались для вышивания узоров на одежде (№ 2868 / 99). Из мужских изделий имеется модель однолючной байдарки с фигуркой охотника (№ 620 / 29).

Предметы быта алеутов Андреяновских островов также достаточно полно были представлены в собрании И.Г. Вознесенского, но оно к настоящему времени атрибутировано менее чем наполовину. К сборам И.Г. Вознесенского относятся две парки алеутов острова Атха (№ 2888 / 82, 86), о последней он писал: «Наружная сторона украшена разноцветным шитьем и бобровыми ремешками; воротник, рукава и подол опушены морской выдрой (каланом. – С.К.); это национальный костюм обитателей группы островов Андреяновских» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 80]. О приобретении первой парки имеется запись в дневнике И.Г. Вознесенского: «Андреяновских островов тоэну Дедюхину за алеутско – атхинскую узорчатую топорковую парку с воротником и выпушками морской выдры заплачено 25 р.» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 22]. В одном из списков И.Г. Вознесенского об этой парке сказано: «Тоенская парка или парка Старшин алеутов островов Андреяновской группы. Сшитая из шкурок птиц, называемых топорками (*Fratercula cirrata*), парка эта украшена волосами диких горных коз и узорчатыми прошивками, самой изящной работы, какая только может встречаться на Алеутском архипелаге; воротник, опушка на рукавах и вокруг подола, равно как и висающие ремешки – из шкурок бобра или морской выдры» (*Eudyris marina*) [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 124^{об}].

Кроме парок, к женским изделиям относится несколько сумочек для хранения мелких вещей (№ 571 / 68; 2888 / 93) (Рис. 44). Такие сумочки-бумажники либо плели из растительного волокна, либо делали из кожи с горла сивуча. Их украшали вышивкой из оленьего волоса, шелковых нитей и мелкого бисера. Для вышивки использовали специальные иглы с костяными рукоятками (№ 2868 / 55–60).

Из мужских изделий имеются две модели байдарок с фигурками охотников (№ 620 / 30; 2868 / 210) и очень интересное по форме копье для охоты на птиц алеутов Атха (№ 593 / 69). Известно, что в собрании И.Г. Вознесенского по алеутам Андреяновских островов было несколько фигурок животных из моржовой кости. Возможно, что они зарегистрированы под № 2937 / 38 / 1, 2.

Коллекции по тлинкитам и другим индейцам северо-западного побережья И.Г. Вознесенский собирал в течение всех пяти лет пребывания в Русской Америке. Во время первого посещения Ново-Архангельска в мае–июне 1840 г. он купил у некоего Иванова тлинкитское женское украшение – большую втулку *калига* (такие украшения богатые тлинкитки носили в нижней губе как знак высокого социального статуса) – и боевую рубаху *сан-кэт*, сделанную из лосиной кожи (№ 2454 / 10), её передняя часть раскрашена стилизованным изображением ворона. Такие рубахи надевали под

Рис. 44. Сумочка для хранения иголок (№ 571 / 68).

защитный панцирь во время поединков, когда воины сражались металлическими кинжалами и не использовали огнестрельное оружие. В этот же период от правителя Ново-Архангельской конторы Российско-Американской компании П.С. Костромитинова И.Г. Вознесенский получил в подарок боевой пластинчатый панцирь (№ 2454 / 4), украшенный рисунком тотемного животного его владельца. Такие доспехи надевали поверх боевой рубахи, они надежно защищали грудь и спину воина от вражеских ударов.

На рынке в Ново-Архангельске И.Г. Вознесенский купил у тлинкитов селения Стахин изящно орнаментированную циновку (№ 570 / 64). В этот период он посетил Серебренниковскую бухту, где у местных тлинкитов-ситхинцев приобрел две курительные трубки – деревянную (№ 2539 / 39) и каменную. К сборам весны–лета 1840 г. относятся деревянные нагрудные украшения тлинкитов района залива Якутат. И.Г. Вознесенский приобрел девять таких украшений, из них в конце XIX в. зарегистрировали только четыре (№ 620 / 24а–г). К настоящему времени сохранился лишь один амулет (№ 620 / 24б), но в Музее имеются акварельные рисунки трех остальных. К сборам этого времени относятся также мокасины (№ 2520 / 11 / 1, 2), сделанные в атапасском стиле.

В ноябре 1840 г., находясь в Калифорнии, И.Г. Вознесенский получил в подарок от А.Г. Ротчева «маленький ишкат (коробочку) работы Колумбийских индейцев». Возможно, здесь речь идет о плетеном сосуде № 2539 / 12. В феврале 1841 г. во время путешествия по долине реки Сакраменто И.Г. Вознесенский приобрел у Дж. Суттера плетеную корзину индейцев района низовьев реки Колумбии (№ 620 / 16) и два каменных лезвия от топоров (№ 620 / 15 / 1, 2). Это изделия индейцев чинук. И.Г. Вознесенский писал: «Два каменных топора, найденные в гробах Ченукских индей-

цев или известных Колумбийских дикарей плосколобых, которые при жизни умерших употребляют их на долбление батов, рубление дерева и проч.» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1845. № 12. Л. 21].

Также от Дж. Суттера была получена курительная трубка индейцев хайда островов Королевы Шарлотты (№ 620 / 13). Она вырезана из черного аргиллита, ее поверхность покрыта стилизованными фигурами животных, птиц и людей.

После завершения экспедиции в Северную Калифорнию в период с 4 октября по 23 ноября 1841 г. и с 19 марта по 22 июня 1842 г. И.Г. Вознесенский находился в Ново-Архангельске. Несмотря на столь короткий срок, он сумел пополнить коллекции по индейцам северо-западного побережья. Так, в ящиках, отправленных в 1842 г. на судне Компании Гудзонова залива «Ванкувер», находились большой резной сосуд (типа блюда) из черного аргиллита (№ 2539 / 36) и две ложки из рога с резными ручками (№ 2539 / 34, 35). Эти вещи были получены от хайда-кайгани острова Принца Уэльского.

У тлинкитов острова Ситха И.Г. Вознесенский приобрел деревянный сосуд в виде фигуры бобра, грызущего палку (№ 2539 / 17), три деревянные раскрашенные ложки (№ 2539 / 23–25), небольшой деревянный сосуд для воды с вырезанной на нем фигурой бобра (№ 2539 / 20), два сосуда, вырезанных в виде фигур бобров (№ 2539 / 19; 620 / 39), и три деревянные ложки с резными ручками (№ 2539 / 27–29).

К орудиям промысла относятся крючок в форме рогатки с металлическим острием для ловли палтуса (№ 2539 / 7) и леса к нему (№ 2539 / 8). К нижнему концу лесы прикреплялся крючок, а к верхнему – деревянный поплавок. К сборам этого периода относится ярко раскрашенная модель тлинкитской лодки с четырьмя фигурками людей (№ 2520 / 2). Такие модели индейцы изготавливали как детские игрушки и для продажи европейцам.

К ритуальным принадлежностям относится шесть тлинкитских масок. Из них четыре шаманские: две мужские маски (№ 620 / 34, 36), маска, изображающая духа медведя (№ 2448 / 1), и женская маска (№ 620 / 35). Оставшиеся две маски – женская (№ 620 / 32) и мужская (№ 620 / 33) – использовались в церемониях при заключении мира, когда две группы индейцев в полном вооружении имитировали сражение. Церемония заканчивалась тем, что воины в масках прорывались сквозь «врагов» и захватывали заложников.

Две последние маски, модель лодки, сосуд № 2539 / 20 и ложки № 2539 / 34–35 И.Г. Вознесенский получил от Л.А. Загоскина [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. № 30. Л. 1–3].

В очередной раз И.Г. Вознесенский вернулся в Ново-Архангельск после завершения экспедиции на Кадьяк 1 апреля 1843 г. Здесь он оставался немногим более месяца и уже 6 мая отправился в экспедицию к северному побережью Берингова моря. После ее завершения зиму 1843–1844 гг. И.Г. Вознесенский провел в Ново-Архангельске. В этот период, с 13 октября 1843 г. по 21 апреля 1844 г., он существенно пополнил собрание по тлинкитам и другим индейцам северо-западного побережья. Еще в 1842 г. И.Г. Вознесенский писал в одном из писем в Академию наук: «В то время,

когда я отправился в путешествие, мне помнится, что в коллекциях Этнографического кабинета не было ни одной колошенской накидки. Если же нет и теперь, то испрашиваю позволения купить; за лучшую накидку дикари требуют 6 одеял, а каждое одеяло стоит 20 рублей, т.е. за нее нужно заплатить 120 рублей» [ПФА РАН. Ф. 46. Оп. 1. № 3. Л. 130^{об}]. Получив разрешение, И.Г. Вознесенский 22 декабря 1843 г. «через толмача Гедеона Ванкевича у колошенского тоэна Кухантана Сухорукого купил национальный колошенских старшин <...> плащ (нахэн)» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 18^{об}], который зарегистрирован под № 593 / 26. Тлинкит Гедеон, находящийся на службе Российско-Американской компании, неоднократно помогал И.Г. Вознесенскому при обменных операциях с индейцами.

Кроме накидки-чилкат, к приобретениям этого периода относятся боевой металлический кинжал с ножнами (№ 571 / 74 / 1, 2) и три курительные резные трубки из черного аргиллита индейцев хайда с островов Королевы Шарлотты (№ 571 / 71–73). И.Г. Вознесенский отмечал, что «из трубок этих колоши не курят, а производят оныя для продажи собирателям редкостей» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. 1918. № 9. Л. 142].

Этническая принадлежность двух чаш из черного аргиллита (№ 571 / 69, 70) у И.Г. Вознесенского не указана точно. Это либо изделия индейцев хайда островов Королевы Шарлотты, либо тлинкитов Ситха. Их форма заимствована с европейской посуды, сосуд № 571 / 70 покрыт более «бедным» цветочным орнаментом по сравнению с аналогичными изделиями индейцев хайда. На дне чаши есть сквозное отверстие, что указывает на ее использование как лампы-жирника (Рис. 45). Вероятно, это изделие индейцев тлинкитов.

Рис. 45. Чаша-жирник из черного аргиллита № 571 / 70.

К сборам 1842–1844 гг. относится еще несколько тлинкитских предметов. Это сосуд для жира из дерева *чага* (один из видов сосны – red wood. – С.К.) (№ 620 / 38), набор игральных палочек в плетеном футляре (№ 620 / 37 / 1–24), древесный нарост *ссак-ку-ат* (№ 2539 / 10), который использовался индейцами для приготовления краски, погремушка *шешух* «простой» работы для отбивания такта во время плясок (№ 571 / 42), резная деревянная трубка в виде головы мифического животного (№ 571 / 41).

В период с 21 апреля 1844 г. И.Г. Вознесенский исследовал Курильские острова. Затем он вернулся в Ново-Архангельск, где с 29 сентября 1844 г. по 16 мая 1845 г. провел завершающие исследования перед возвращением в Россию. До осени 1844 г. собрание по тлинкитам было относительно малочисленным по сравнению с коллекциями по другим народам. С одной стороны, это объяснялось отсутствием у И.Г. Вознесенского необходимых товаров (алкоголя, табака, огнестрельного оружия) для обмена с аборигенами, с другой – высокой стоимостью индейских изделий. Поэтому в течение последнего пребывания в районе расселения тлинкитов И.Г. Вознесенский решил существенно пополнить свое собрание по культуре этих индейцев. Он писал: «Я испросил позволения у губернатора колоний сходить на пароходе в Северные Колошенские проливы с целью приобрести что-либо от колош при расторжке из предметов этнографических» [Ляпунова 1967: 24].

Осенью 1844 г. умер вождь ситхинских индейцев Кухантан Сухорукий (у него была приобретена накидка-чилкат). И.Г. Вознесенский присутствовал в доме умершего и сделал очень интересный рисунок одного из ритуалов погребальной церемонии [Бломквист 1951: 288–296]. Так как индейцы не верили в естественную смерть человека, то был найден и убит виновник «порчи». И.Г. Вознесенский писал в дневнике от 18 октября: «Вечером я узнал, что у Колошенской речки, где жило, застрелили колошу: брат убил брата (оба колоши) за то, что будто бы он испортил Сухорукого тоена, который помер. Завтра будет происходить между колошами война» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. № 2. Л. 11^{об}–12].

В ноябре в течение двух недель И.Г. Вознесенский совершил плавание на пароходе Российско-Американской компании «Николай» по проливам архипелага Александра, во время которого он посетил несколько тлинкитских селений: Какнау (Ледянопроливское), Хуцнуву и, возможно, Кэйк. Всего в течение осени 1844 г. И.Г. Вознесенский приобрел более двадцати предметов по культуре тлинкитов. Установить принадлежность отдельных вещей индейцам конкретных селений трудно. По этому вопросу можно только высказывать предположения на основе косвенных данных. Так, по номерам ящиков с посылками можно установить, какие вещи были собраны раньше, а какие – позднее.

Вероятно, в сентябре–октябре в Ново-Архангельске И.Г. Вознесенский приобрел накидку из лосиной кожи (№ 593 / 27), в ее деталях проявляется атапасское влияние, опахало из орлиного хвоста (№ 571 / 56), которое использовалось для отбития такта во время танцев, шаманский передник *кзет* (№ 593 / 28), сделанный в той же технике, что и накидка-чилкат (№ 593 / 26). И на переднике, и на накидке главным изображением

является голова медведя, в комплект с передником входили наколенники *хускэт*, вышитые узором из игл дикобраза (№ 593 / 29).

Во время экспедиции по проливам архипелага Александра И.Г. Вознесенский приобрел комплект боевых деревянных шлемов: шлем, изображающий лесного духа *куштах-мусикынчика* (№ 571 / 14), шлем с изображением злого духа *хехлюукана* (№ 571 / 15), шлем, изображающий духа ястреба *кичук* (№ 571 / 16), шлем, изображающий знаменитого предка *аныгзетет* (№ 571 / 17), шлем в виде головы орла *чаак* (№ 571 / 18). Ко времени сбора они утратили свое прежнее боевое предназначение и использовались только во время ритуальных танцев. Шлем защищал верхнюю часть головы, а лицо и шею воина – налечник *ситаат* (№ 620 / 18). Если вышеуказанные шлемы действительно когда-то составляли часть воинского снаряжения, то налечник изначально изготавливался для использования в ритуальных целях. На это указывает его толщина: она в два раза меньше, чем у более старых образцов. И.Г. Вознесенский приобрел также два интересных церемониальных головных убора, которые символизировали комара *таха* (№ 571 / 20) и ворона *эльх* (№ 571 / 19), женские шаманские маски (№ 2448 / 4, 5) и один наголовник (№ 2448 / 2).

К предметам домашней утвари относятся «колошенский ковш, из которого пьют ягодный сок на поминках и при других торжественных случаях» (№ 593 / 46), лопатка для размешивания пищи (№ 593 / 42), деревянный столик-поднос на четырех ножках, покрытый символическим узором (№ 593 / 58). Известно, что этот столик был приобретен у индейцев Ледянопроливского селения. Этническая принадлежность деревянного сосуда в форме утки *пажин* (№ 571 / 34) вызывает сомнения, он может быть изделием тлинкитов или тихоокеанских эскимосов.

К другим предметам, приобретенным во время путешествия по проливам, относится богато орнаментированная плетеная шляпа (№ 620 / 19), такой головной убор мог носить только вождь, две модели лодок – одна с фигурками людей (№ 593 / 54), другая без них *ияку* (№ 593 / 53), шаманская погремушка *шешух* (№ 2448 / 22) и две резные деревянные курительные трубки, украшенные перламутровыми вставками (№ 620 / 21; 593 / 43). Последняя трубка в настоящее время не найдена, но имеется ее фотография.

Ряд предметов находился в плохом состоянии, и И.Г. Вознесенский отдал их для ремонта ситхинским индейцам. Он писал в дневнике от 8 декабря 1844 г.: «Толмач колошенский Гедеонов принес две воинские деревянные шапки, которые я отдавал для исправления и поновления в другой раз. Теперь отделаны порядочно, я намерен отдать для поновления и проч. другие» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. № 2. Л. 30].

В последующий период пребывания в Русской Америке И.Г. Вознесенский приобрел лишь несколько экспонатов по культуре индейцев северо-западного побережья. К отправлениям 1845 г. относятся несколько плетеных шляп, выявить которые к настоящему времени пока не удалось, и плетеная корзинка с кусками перламутровых раковин, из которых тлинкиты делали ожерелья, а также использовали их для украшения бытовой утвари и церемониальных головных уборов.

Таким образом, за время пребывания в Русской Америке И.Г. Вознесенскому удалось собрать комплексную коллекцию по тлинкитам, а так-

же приобрести отдельные вещи других индейцев северо-западного побережья: хайда, нутка и чинук.

В целом, характеризуя этнографическое собрание И.Г. Вознесенского по народам Русской Америки, можно сказать, что оно составляет золотой фонд МАЭ и является самым ценным среди североамериканских собраний музеев России и Европы. Необходимо также отметить, что одновременно со сбором предметов для Кунсткамеры И.Г. Вознесенский приобретал их дубликаты – для А.К. Этолина. В настоящее время около 500 предметов из собрания И.Г. Вознесенского находится в Национальном музее Финляндии как коллекция А.К. Этолина.

Собрание Л.А. Загоскина

От известного исследователя Аляски Лаврентия Загоскина Музей получил две коллекции. Первая (№ 7) из девяти номеров и десяти предметов была приобретена в 1839 г., вторая (№ 19) поступила в Музей в 1846 г. и включала 24 номера и 32 предмета. В настоящее время вещи из коллекции № 19 перерегистрированы в коллекцию № 537 из 28 номеров и 44 предметов. Что касается коллекции № 7, то Л.А. Загоскин не был ее собирателем, а приобрел ее в начале своего пребывания в Русской Америке. Выявить данную коллекцию из общего фонда пока не удалось [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 6–7]:

1. Две камлейки мужские из горла тюленей туземцев Ледяного пролива.
2. Камлейка кишечная, опущена медведем, оттуда же.
3. Камлейка из шкуры морской рыбы, рода лососей.
4. 4. Камлейка нарядная женская, отделана... шкурами и опущена росомахой. Жителей низовьев Квихпака.
5. Рабочий женский мешок тех же мест.
6. Удочка туземцев Нортова залива, которою ловят лахню и навагу.
7. Трубочка туземцев Нортова залива.
8. Пара украшений туземцев Квихпака и Кускоквима при плясках. Различными их движениями они как бы гармонируют выражениям песни и телодвижениям пляски.
9. Удочка из морской капусты, употребляемая для ловли трески и палтусов Алеутами острова Уналашка.

Напомним основные этапы деятельности Л.А. Загоскина в Русской Америке. Впервые в Ново-Архангельск он прибыл 6 октября 1839 г. Первые два года службы в колониях Л.А. Загоскин командовал судами Российско-Американской компании. В 1842–1844 гг. он возглавил экспедицию по исследованию внутренних районов Аляски. Около четырех месяцев, с июля по декабрь 1842 г., Л.А. Загоскин с отрядом из нескольких человек находился в Михайловском редуте на побережье залива Нортон. Коренным населением этого района были эскимосы уналигмиуты, которых Л. Загоскин в своей книге называет поморцами (приморцами), или кангюлит (единоязычные). В декабре 1842 – январе 1843 гг. Л.А. Загоскин со своим отрядом прошел вдоль побережья залива Нортон к устью реки Уналаклит и вдоль ее русла вышел к реке Юкон (Квихпак). Отсюда по течению Юкона он поднялся до Нулатовской одиночки, которая находилась

на территории индейцев коюконов. Летом 1843 г. Л.А. Загоскин исследовал притоки Юкона, в это время он основательно изучил культуру местного населения – эскимосов-квихпакцев. В дальнейшем Л.А. Загоскин исследовал район среднего течения реки Кукоквим, где познакомился с культурой еще одной группы эскимосов – кукоквимцев.

Соответственно, в собрании Л.А. Загоскина в МАЭ представлены вещи эскимосов кукоквимцев и квихпакцев («речные эскимосы»), атапасков – коюконов, уналигмиутов и малеймиутов (малейгмютов, по Л.А. Загоскину); последние населяли северную часть побережья залива Нортон.

Ниже приводится описание предметов из книги Л.А. Загоскина, которые удалось соотнести с экспонатами из его собрания. Об одежде уналигмиутов он писал: «Одежда приморских туземцев состоит из звериных шкур, в особенности из оленьих. Собольи, выхухольи и еврашечьи парки получают с Квихпака. Норка по редкости употребляется на перчатки и женские парадные штаны. Покрой парок сходен с камчатскими и ижигинскими кухлянками, только не столь просторны, и у приморских американцев рукава шьются узкие, а сама парка не ниже колен. Мужская имеет круглый подол; женская – по бокам с выемками, так что по произволу женщины бывает видна вся нога, единственная красота, которую она может выставить без опасения раскрыть и заморозить» [Путешествия и исследования...: 88–89]. Это описание соответствует мужской парке № 537 / 11 и женской № 537 / 18.

В коллекции Л.А. Загоскина имеется костяная статуэтка женщины в парке такого же покроя (№ 537 / 1). О назначении таких фигурок Л.А. Загоскин писал: «У туземцев Квихпака и Кукоквима мы замечаем признаки идолопоклонства в плясовых личинах, в болванах или куклах, чествуемых под видом отсутствующих» [Путешествия и исследования...: 230].

Л.А. Загоскин приводит описание праздничного женского костюма уналигмиутов: «Женщина в чукотских шитых торбасах, белых из домашнего оленя штанах, малейгмютской парке, узор которой весьма сходен с латами древних рыцарей, и в свежем туземном головном уборе, не покажется отвратительною и глазу ко всему приглядевшегося европейца» [Путешествия и исследования...: 90]. От этого костюма в Музее хранятся праздничные женские штаны из белого меха домашнего оленя (№ 537 / 12).

В сильные морозы уналигмиуты надевали перчатки: «Рукавицы редко употребляются туземцами, разве в большие холода; перчатки шьются довольно правильно из оленьих или норочьих шкур и оторачиваются выдрой, волком или росوماхой» [Путешествия и исследования...: 90]. Это описание отнесем к перчаткам (№ 537 / 19а, б).

Фразу «Окончательно мужем признается только тот, кто промыслил несколько волков, поймал столько оленей, что из передних их челюстей имеет пояс для подарка своей невесте» [Путешествия и исследования...: 88] отнесем к поясу уналигмиутов, украшенному 79 рядами оленьих зубов (№ 537 / 26).

Цитату «Деревянную посуду, состоящую в различной величине и формах чаш и лотков, получают от низовых квихпагмютов, потому что по непрочности выкидного лесу, пропитанного солью, сами (уналигмиуты. – С.К.) этим производством заняться не могут» [Путешествия и исследования...: 97] отнесем к деревянным табакеркам № 537 / 4а (Рис. 46), № 537 / 4б (Рис. 47), № 537 / 23 и к деревянным футлярам для иголок № 537 / 7а; 537 / 8а.

Рис. 46. Деревянная табакерка (№ 537 / 4а).

Рис. 47. Деревянная табакерка (№ 537 / 4б).

Об одежде речных эскимосов Л.А. Загоскин писал: «По образу домашней своей жизни, и, частью, по местам, ими занимаемым, квихпагмюты не имеют достаточных средств к удовлетворению своих потребностей в рассуждении зимней одежды: получая ее как готовую, так и в оленьих и еврашечьих шкурах от приморцев и кускоквимцев, они присвоили тот и другой покррой. Парки кускоквимцев шьются до пят и без куля; сверх того шитые из еврашек отличны тем, что лапки и хвосты не обрезаются вовсе, а разрезанные на узкие ремешки висят кисточками вокруг всей парки; куль заменяется особой шапкой вроде капора, также опушенной волком или зайцем. Задняя и боковые стороны капора оторачиваются бахромой дюймов шести длиною из оленьих, выдровых или других ремешков, мездра которых красится красной краской; форма и фасон этих шапок принят у инкилихлюатов, или дальних инкиликов, и должно сказать, что они, укрывая голову как куль, удобнее их, потому что свободнее для движения шеи. Кускоквимцы на свои шапки употребляют преимущественно шкуры с оленьей головы; другие шьют их из лобков еврашек, а некоторые из соболей. На нарядные капоры нашиваются по бокам особые узорчатые украшения из белой брюховины оленя, отороченные выдрой или росомашой, а к самому затылку прикрепляют волчий или росомаший хвост.

Женские парки кускоквимцев, равно и аглегмюты, столь же длинны, как мужские, но по бокам сохранили свой первообраз – небольшие выемки; наперед и назад нарядных нашивают шитые в узор по белой шкуре оленя

Рис. 48. Женская церемониальная камлейка (№ 537 / 14).

различной величины и формы украшения с бахромой или кистями дорогих мехов, как то: росомашки, волка или черной и белой выдры; к плечам прикрепляют такие же узорчатые оторочки» [Путешествия и исследования...: 216–217]. Это описание соответствует мужской парке № 537 / 13, головному убору в виде капора № 537 / 28 и женской парке № 537 / 21.

«Камлеи», надеваемые в снежное время или в крепкие морозы, приготавливаются также из рыбьих шкур, главнейшее, налиминых и красной рыбы. Шкуры щучьи, зубатки или морского налима и выделанные нерпичьи горла употребляются только для узоров или оторочек.

Подол и куль таких камлей обшиваются росوماхой или зайцем и украшаются пришивкою в различных местах росомашных и выдровых ремешков.

Камлеи женские плясовые, в которых они являются на больших зимних игрушках, шьются из весьма тонких нерпичьих или медвежьих кишок; нашивных украшений не имеют, но подобно как на малейгмютских парках узоры прямо в них вшиваются; надетые прямо на тело, сначала по всей сухости она просвечивает, потом, когда наружный жар, внутренние испарения и продолжительность пляски размягчат камлею, она обнимает плясунью и иногда столь неудачно, что разрывается и производит общий хохот» [Путешествия и исследования...: 217]. Это описание соответствует мужской камлейке квихпакцев № 537 / 10 и женской церемониальной камлейке № 537 / 14 (Рис. 48).

К изделиям из кости речных эскимосов относится нож для резки снега (№ 537 / 16). О его назначении Л.А. Загоскин писал: «Женщины не оставались праздными зрительницами: вооруженные нарочно для того приготовленными ножами из мамонтовой и моржовой кости, они весьма искусно выводили по снегу различные узоры» [Путешествия и исследования...: 225].

В коллекции Л.А. Загоскина представлены только два предмета атапасков-коюконов, которые он приобрел в одиночке Нулато в 1843 г. Это замшевые рукавицы, украшенные красным и белым бисером (№ 537 / 20а, б), и замшевая рубаша (№ 537 / 22). В его книге имеется довольно подробное описание одежды атапасков: «Племя юннака-хотана и прочие летнюю одежду имеют из оленьих или лосиных ровдуг, которую нередко надевают и зимою сверх зимних парок. Платье это покроем сходно с длинной рубашкой, подходящей под горло и оканчивающейся спереди и сзади клиньями. У женщин оконечности клиньев доходят до половины икр, у мужчин – до колена. Ровдужные штаны тынайцы шьют почти в обтяжку вместе с чулками, которые отвечают и за сапоги.

Пристрастные по природе к нарядам и ярким цветам, все дальние племена выдумали украшать свою простую одежду шитьем из игл дикобраза, оленьих волос, узорами из низаного бисера, цуклей, привесками медных обрезков, колокольчиков и прочая. В случаях такого украшения бордюр до 2 дюймов ширины, низанный или шитый арабесками, прикрепляется спереди по груди, захватывая несколько и плечные лопатки; к нему для пышности наряда пришивают дюймов 4–5 длины ровдужью бахрому, на каждую нить которой надевают какие-то растительные зерна, добываемые в озерах. Подол рубахи равномерно обшивается такою же бахромой. Одни фигуры, шитые дикобразными иглами арабесков, красятся в красный или бурый цвет; другие остаются белыми. При других украшениях бисером закрываются все швы рубахи» [Путешествия и исследования...: 251]. Это описание подходит к женской рубашке № 537 / 22.

Собрание А.Д. Романовского

Как отмечалось, во время пребывания в Русской Америке И.Г. Вознесенский вдохновил многих служащих Российско-Американской компании на сбор различных коллекций. Он писал в донесении к академику Ф.Ф. Бранту от 14 ноября 1847 г.: «Для сведения считаю приличным те-

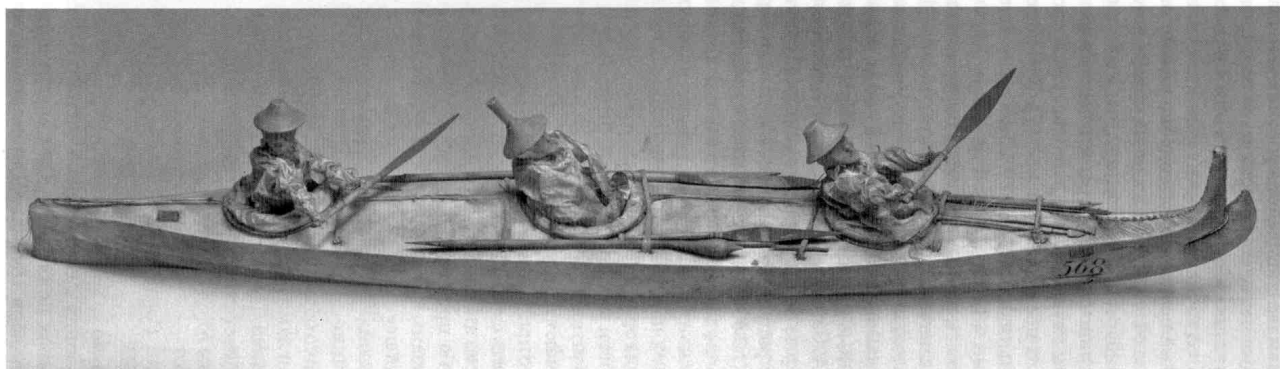

Рис. 49. Модель трехлючного каяка кадьякцев (№ 568 / 5).

перь сообщить <...>, что в Российско-американских колониях многие туземцы научены мною <...> которые <...> заслуживают полного одобрения и могут всегда при содействии Главного правления по желанию Музеума Академии наук быть полезными». Среди своих учеников И.Г. Вознесенский упоминает «управляющего К. Шаяшников на островах Св. Павла, на Уналашке – лекарского помощника И. Петелина, на Кадьяке – медицинского чиновника Зыкова и лекарского ученика Паншина, в Ново-Архангельске – креола Дружинина и лекарского помощника Осколкова» [Авдеев 1959: 302].

Благодаря корреспондентам И.Г. Вознесенского Музей получил ряд интересных собраний от Л.А. Загоскина, В.А. Миддендорфа, А.Д. Романовского, И.И. Архимандритова, Е.А. Борисова, А.Ф. Кашеварова и других.

Так, активно занимался сбором ботанических, зоологических, этнографических коллекций врач Ново-Архангельской больницы Александр Данилович Романовский, который находился на службе в Русской Америке в 1840–1845 гг. Свою коллекцию (№ 568) он передал в Этнографический музей во второй половине 40-х гг. XIX в. В настоящее время в ней числится 29 предметов: метательная дощечка и легкие гарпуны алеутов, стрелы индейцев Калифорнии и три модели каяков эскимосов-кадьякцев (Рис. 49). Первоначально собрание А.Д. Романовского было более значительным. Это подтверждается тем, что несколько предметов А.Д. Романовского зарегистрированы в сборных коллекциях и «старинных поступлениях музея»: два лука эскимосов залива Нортон (№ 4157 / 87; 4193 / 85) и материал для изготовления камлеек – кишечная полоса (№ 2868 / 33).

Из других этнографических материалов А.Д. Романовского укажем на его статью «Пятилетние медицинские наблюдения в колониях Российско-Американской компании» [Романовский 1849: 105–130]. В этой статье приведено немало интересных сведений этнографического характера, однако описания предметов, которые можно было бы сопоставить с его коллекцией, здесь отсутствуют.

Собрание И.И. Архимандритова

С капитаном Российско-Американской компании Илларионом Ивановичем Архимандритовым И.Г. Вознесенский познакомился в первые дни своего пребывания в Русской Америке. И.И. Архимандритов был креолом, сыном русского и алеутки. Образование он получил в Петербурге в Училище торгового мореплавания, которое закончил в 1837 г. Затем он вернулся на Аляску, где плавал сначала штурманом, а затем и капитаном. Коллекция «предметов естественной истории и этнографии» И.И. Архимандритова была передана в Музей академиком Л.И. Шренком в 1857 г. Этнографическая ее часть состоит только из двух церемониальных масок алеутов острова Атха (№ 538 / 1, 2), но эти изделия относятся к числу уникальных экспонатов Музея (Рис. 50).

Об использовании этих масок есть сведения у И.И. Биллингса: «Они (алеуты. – С.К.) по приказанию своих колдунов или шаманов делают широкие деревянные личины и надевают их весною при пляске, которая бывает с битьем в бубен, с пением, с мазанием собственных лиц, а по окончании

Рис. 50. Ритуальная шаманская маска алеутов (№ 538 / 1).

празднества закладывают оные личины в пещерки, что в каменистых приморских утесах, и после никогда их уже не вынимают» [Этнографические материалы...: 46].

В настоящее время в различных музеях мира находится на хранении немногим более десятка алеутских масок. Большинство из них были найдены во время археологических раскопок, поэтому они плохо сохранились. Маски же из коллекции И.И. Архимандритова сохранились хорошо; они были приобретены в середине XIX в., когда в памяти алеутов сохранялись ритуалы, связанные с их использованием, и, таким образом, представляют собой «живой» этнографический источник.

Собрание В.А. Миддендорфа

Определенный интерес к этнографии народов Русской Америки проявил В.А. Миддендорф, который в течение десяти лет (с 1847 по 1856 гг.) являлся директором Ново-Архангельской обсерватории. С 1850 г. по совместительству он преподавал в православной семинарии. Известно, что В.А. Миддендорф собирал материалы по языку тлинкитов и хайда-кайгани, которые он передал хранителю Этнографического музея Л.Ф. Радлову, что касается его этнографической коллекции, то она поступила в Музей через И.Г. Вознесенского. На этикетках к ряду предметов указана фами-

лия В.А. Миддендорфа и дата – 28 апреля 1847 г. (Табл. 16). Вероятно, в этот день коллекция была отправлена на имя И.Г. Вознесенского, находившегося в это время на Камчатке. Основную часть своей коллекции В.А. Миддендорф отправил на родину в Эстонию, сейчас она находится на хранении в музее города Тарту.

Таблица 16

Предметы из собрания МАЭ по народам Русской Америки,
поступившие от В.А. Миддендорфа

Номер коллекции МАЭ	Предмет	Народ
570 / 133	Колчан из лисьего меха	Индейцы Калифорнии
2539 / 31	Сосуд из черного аргиллита	Хайда-кайгани
2925 / 33	Чубук от трубки	Эскимосы
2937 / 20	Изделие из кости	»
2937 / 25	Фигурка калана	Алеуты
2937 / 26	Фигурка калана	»
2937 / 27	Фигурка калана	»
2938 / 14	Табакерка из кости	Эскимосы
2938 / 19	Гравированная костяная пластинка	»
2938 / 20	Пластина из кости	»

Собрание М.Д. Тебенькова

М.Д. Тебеньков являлся главным правителем Русских владений в Америке в период с 1845 по 1850 гг. Он был знаком с И.Г. Вознесенским – встретился с ним на пути в Русскую Америку в фактории Российско-Американской компании Аян на побережье Охотского моря. Как и его предшественники И.А. Купреянов и А.К. Этолин, М.Д. Тебеньков занимался сбором различных коллекций. Коллекционирование стало увлечением у главных правителей Русской Америки, начиная с Ф.П. Врангеля. Интересно, что никто из них не дарил свои коллекции Этнографическому музею Академии наук, кроме И.А. Купреянова (он подарил музею небольшую коллекцию из шести предметов).

В настоящее время собрание Ф.П. Врангеля находится на хранении в Государственном историческом музее Таллина и в Музее народоведения Франкфурта-на-Майне, коллекция И.А. Купреянова – в Государственном музее естествознания и первобытной истории Ольденбурга, собрание А.К. Этолина, которое собирал И.Г. Вознесенский, – в Национальном музее Финляндии в Хельсинки, собрание Д.П. МаксUTOва – в Музее антропологии в Москве. Что касается М.Д. Тебенькова, то он передал свою коллекцию в музей оружия – Царскосельский арсенал, где она находилась до 1907 г. В этом году собрание вооружения первобытных народов Царскосельского арсенала было передано в Этнографический отдел Русского музея. Эта коллекция была опубликована в 1910 г. [Волков, Руденко 1910].

В Этнографическом отделе Русского музея предметы из Царскосельского арсенала были зарегистрированы в трех коллекциях. Из них две (№ 1266 и 1267) представляют тематические наборы оружия народов Аляски. Они состоят из однотипных копий, гарпунов, острог, наконечников и метательных дощечек. Большое количество однотипных предметов свидетельствует

о том, что эти коллекции собирались разными людьми. Третья коллекция (№ 1298) выделяется тщательно подобранным составом экспонатов. В ее состав входили не только предметы вооружения, но и шаманские атрибуты и одежда. Часть предметов из этой коллекции с большой уверенностью можно отнести к изделиям середины XIX в. В состав Царскосельского арсенала она поступила значительно позже, чем две первые коллекции по народам Аляски.

Ф.К. Волков и С.И. Руденко писали: «Относительно более поздних поступлений нам удалось узнать, что некоторая часть поступивших к нам из Царскосельского арсенала коллекций была собрана и доставлена [господином] Тебеньковым, бывшим главным правителем русских колоний в Америке» [Волков, Руденко 1910: 156]. О принадлежности третьей коллекции М.Д. Тебенькову свидетельствуют только косвенные данные. После передачи в МАЭ в 1938 г., эти предметы были зарегистрированы в коллекции № 5795 (1 – лук, танаина или тлинкиты, 3а, б – кинжал с ножнами, атапаски, 4 – кинжал, тлинкиты, 5 – нож, тлинкиты, 6 – топор из рога, атапаски, 8 – боевые доспехи, тлинкиты, 9–12 – предметы вооружения, тлинкиты, 14 – шаманский передник, тлинкиты, 18, 19 – плетеные шляпы, тлинкиты, 24, 25 – жезлы, тлинкиты, 26, 27, 31, 32 – маски, тлинкиты, 34 – церемониальный наголовник, тлинкиты, 35–38 – погремушки, тлинкиты, 48 – забрало, тлинкиты). Несколько предметов было зарегистрировано в других коллекциях: № 5801 / 1 – лук, атапаски, № 5803 / 4, 5 – модели каяков, кадьякцы, № 5803 / 2 – настоящее весло для каяка, кадьякцы.

Собрание П.П. Дорошина

Поступление в Музей очередного интересного собрания связано с именем горного инженера П.П. Дорошина. Петр Петрович Дорошин закончил в 1845 г. в звании поручика Институт корпуса горных инженеров в Петербурге и после прохождения практики поступил на службу в Российско-Американскую компанию. В Русской Америке он находился с 1848 по 1853 гг. Сбором этнографических коллекций П.П. Дорошин занимался в течение всего пребывания в Русской Америке, он составил специальные этнографические очерки, которые после возвращения в Петербург передал хранителю Этнографического музея Л.Ф. Радлову. Л.Ф. Радлов готовил большую монографию по языку тлинкитов, однако из-за преждевременной смерти автора в 1865 г. эта работа так и осталась неизданной. В 1875 г. рукопись Л.Ф. Радлова поступила в распоряжение французского исследователя А.Л. Пинара. Возможно, вместе с ней ему были переданы и «содержательные этнографические заметки» П.П. Дорошина. Найти их в архивах пока не удается.

В 1854 г. П.П. Дорошин передал свою этнографическую коллекцию в недавно образованный музей ИРГО. В 1891 г., после расформирования этого музея, собрание П.П. Дорошина наряду с другими коллекциями поступило в МАЭ. Основная часть его собрания входит в коллекцию № 337, в то же время некоторые экспонаты оказались зарегистрированы в других коллекциях. Поэтому рассмотрим собрание П.П. Дорошина отдельно по

народам (в кавычках будут приводиться сведения из каталога музея ИРГО [Каталог предметов...: 22–24]).

Изделия тлинкитов представлены женской шаманской маской (№ 337 / 2), церемониальным наголовником вождя с изображением ворона (№ 2448 / 19) – «маска колошенская, надеваемая во время плясок в честь памяти предков», шаманской погремушкой в виде фигуры ворона (№ 620 / 20а) – «погремушка, заменяющая у Колош кастаньеты, ею аккомпанируют пение», деревянным ящиком для хранения церемониальных принадлежностей (№ 337 / 18), плетеной шляпой (№ 337 / 3), сделанной в форме европейского цилиндра, – «шляпы цилиндрические колошенские, головной наряд изредка ими употребляемый. С острова Ситхи», плетеной корзинкой с крышкой (№ 337 / 5 / 1, 2), раскрашенной деревянной ложкой (№ 337 / 19), двумя женскими украшениями – губными втулками богатых тлинкитов (№ 337 / 6 / 1, 2) – «калуги из змеевика и железистой глины, вставляемые в нижнюю губу Колошенок, как украшение. С острова Ситхи», двумя курительными трубками из черного аргиллита (№ 337 / 20; 2539 / 42) – «трубка из аспиды, изделие Колош–Кайганцев, населяющих остров Кайганы. Колоши делают их для продажи» и боевым металлическим кинжалом (№ 337 / 23) – «кинжал колошенский, выкованный самими Колошами, постоянный их спутник. Ножны для него делаются или деревянные, или чаще из замши». Одежда представлена только одной парой мокасин атапасского типа (№ 337 / 41 / 1, 2) – «мокасины колошенские из замши или раведука».

К вещам индейцев танаина относится только две стрелы (№ 2667 / 22а, б) – «стрелы с колчаном; последний из шкуры тюленя (нерпы). Оконечности стрел или из зеленой яшмы, или из аспидного сланца. Употребляют при охоте на медведя, оленя и др. Стрела по кенайски изин», и двумя наборами игральных палочек (№ 337 / 15 / 1, 2) – «игра в кости (циндлях) туземных племен Америки. От Кенайцев с северо-западного берега Америки». Малочисленность сборов по индейцам танаина вызывает удивление, так как известно, что большую часть своих исследований П.П. Дорошин провел на Кенайском полуострове и приобрел здесь интересный этнографический материал. Так, А. Шифнер в предисловии к статье Л.Ф. Радлова поместил шесть песен танаина, записанные П.П. Дорошиным, из которых две являются шаманскими [Бломквист 1975: 106]. На материале П.П. Дорошина А. Шифнер подготовил заметку об этих индейцах [Schifner 1874: 87–88]. Возможно, что другие вещи П.П. Дорошина по индейцам танаина находятся в сборной коллекции № 2867.

Коллекция по эскимосам-кадьякам состоит из нескольких ритуальных головных уборов эскимосов селения Катмай (№ 337 / 1 / 1, 2) и трех плоских сумочек эскимосов этого же селения – сумки из кишок (№ 337 / 1 / 3), сумки из кожи (№ 337 / 1 / 4) и плетеной сумки из растительного волокна (№ 337 / 1 / 5). Еще один ритуальный головной убор зарегистрирован под № 616 / 1. К изделиям этих же эскимосов относятся три модели каяков из моржовой кости (№ 337 / 16 / 1–3) (последняя модель изображает каяк эскимосов залива Нортон), фигурка охотника, стреляющего в медведя (№ 337 / 16 / 4), костяные модели оружия (№ 337 / 13 / 1–4) – «байдарка и

ружья, вырезанные из моржовых клыков. Изделия Катмайцев, живущих на северо-восточном берегу Аляски». К изделиям из кости относятся фигурки птиц (№ 337 / 35 / 1–6) – «птички из моржового клыка, работа туземцев острова Кадьяк». Орудия морского зверобойного промысла эскимосов острова Кадьяк представлены моделью трехлючного каяка (№ 337 / 11) – «байдарка трехлючная Коняг, с острова Кадьяка», метательной дощечкой (№ 2868 / 116) – «дощечка для бросания бобровых стрел, которые иногда пускаются с лука», и гарпуном (№ 5198 / 5) – «стрелки бобровые Коняг».

Из других групп эскимосов Аляски в собрании П.П. Дорошина были представлены орудия охоты аглегмиутов района Бристольского залива. К настоящему времени из их состава удалось выявить только стрелы (№ 2667 / 21а, б) – «стрелка, которою Аглегмюты селения Пачвык бьют птиц», (№ 2925 / 106–109) – «наконечники для стрелы аглегмютской для белуг». Вероятно, аглегмиутам принадлежит и метательная дощечка (№ 337 / 22).

Собрание по алеутам разнообразнее и богаче, чем по эскимосам. Оно включает корзину жителей Лисьих островов (№ 337 / 7), плетеную из растительного волокна корзину алеутов острова Унга (№ 337 / 4), плетеную орнаментированную циновку алеутов острова Унга (№ 337 / 8). Также в состав собрания П.П. Дорошина входят четыре модели алеутских байдарок, сделанные из дерева и кожи: «байдарка однолючная Лисьевских Алеут, с острова Унги» (№ 2868 / 212), «решетка двухлючной байдарки и байдарка Лисьевских Алеут острова Унги» (№ 337 / 12, 10) и модель двухлючной байдарки с фигурами охотников (№ 337 / 9), к ним относятся и деревянные модели весел (№ 4193 / 50–52; 4193 / 88). Изделиями алеутов являются вырезанные из кости фигурки животных (№ 337 / 17 / 1–3) – «звери из моржового клыка, изделие Лисьевских Алеут Бельковского селения на юго-восточном берегу Аляски», шесть метательных дощечек (№ 337 / 21 / 1–5) – «дощечка, помощью которой Лисьевские Алеуты бросают свои стрелки. С острова Унги» и дощечка (№ 2888 / 74). Из них дощечка № 337 / 21 / 4 отличается необычной формой и имеет на рукоятке дополнительные углубления для пальцев.

После возвращения в Петербург П.П. Дорошин опубликовал несколько статей о своих исследованиях в Русской Америке. Большинство из них посвящены геологии и только одна статья носит характер путевых заметок и содержит сведения этнографического характера [Дорошин 1866]. Здесь приводятся данные о численности чугачей, эяк, атена и несколько преданий чугачей, в одном из них рассказывается о посещении берегов залива Принс Уильям экипажем азиатского судна в первой половине XVIII в. [Дорошин 1866: 373–374]. Сведений, позволяющих атрибутировать конкретные предметы, в этой работе нет.

Кроме собрания П.П. Дорошина и А.Ф. Постельса в МАЭ имеется несколько экспонатов других собирателей, поступивших из музея ИРГО в 1891 г. Это головной убор из перьев индейцев Калифорнии (№ 570 / 15), в музей ИРГО он поступил из Барнаула вместе с археологической коллекцией В.В. Радлова. Штаны из ровдуги от тлинкитов (№ 2520 / 10) и статуэтка женщины в европейской одежде из черного аргиллита (№ 337 / 40) ин-

дейцев хайда или тлинкитов. Последний экспонат был передан в музей ИРГО тайным советником Пернером после 1879 г. От А.Ф. Шнейдера поступил алеутский гарпун (№ 2867 / 1), от Р.К. Мака – плетеная шляпа кадьякцев (№ 344 / 73) и т.д. Хотя Этнографический музей ИРГО был ликвидирован в 1891 г., в ИРГО остался музей рассказывающий о его истории, в котором и по сей день хранится несколько предметов народов Америки.

Собрание Е.А. Борисова

В сентябре 1859 г. Музей получил через И.Г. Вознесенского этнографическую коллекцию от Ефима Александровича Борисова, служащего Российско-Американской компании, управляющего Николаевским редутом на Кенайском полуострове. Это собрание насчитывало несколько десятков предметов, но большая его часть предназначалась родственникам Е.А. Борисова. Для передачи в Музей предназначались лук танаина с раскрашенным колчаном из ровдуги и девятью стрелами, еще один лук с четырьмя стрелами без колчана, мужской костюм из рубахи и штанов, перчатки, головной убор из ровдуги, костяная трубочка для питья воды и копье. Все перечисленные вещи являлись частью одежды и охотничьего снаряжения «почетного» воина танаина из индейского селения Кнык. Для передачи в Музей предназначался и женский костюм богатой индеанки танаина, который состоял из рубахи, украшенной бисером, одной пары рукавиц и одной пары обуви – «торбасов» [ПФА РАН. Ф. 46. Оп. 1. № 3. Л. 139^{об}].

В письме Е.А. Борисова упоминается несколько корзинок, среди которых была коробка с крышкой «работы Угалинской», т.е. это изделие индейцев эяк [ПФА РАН. Ф. 46. Оп. 1. № 3. Л. 140]. Из письма не ясно, кому предназначался этот предмет – И.Г. Вознесенскому или кому-то из родственников Е.А. Борисова. Выявить эту корзину пока не удалось.

Часть этой коллекции И.Г. Вознесенский передал в Музей сразу же, а другую часть – в 1863 г. продали родственники Е.А. Борисова. Коллекция, поступившая в 1863 г., была зарегистрирована под № 56 [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 59–60]. На основе изучения музейной документации удалось определить ряд предметов из собрания Е.А. Борисова (Табл. 17).

Таблица 17

Предметы из собрания МАЭ по народам Русской Америки,
поступившие от Е.А. Борисова

Номер коллекции МАЭ	Предмет	Народ
2667 / 29	Трубочка для питья воды	Танаина
2667 / 1	Женская рубаха	»
2667 / 16 / 1, 2	Сапоги-торбаса к № 2667 / 1	»
2667 / 30	Замшевый колчан	»
2667 / 31–36	Стрелы	»
2868 / 236	Корзинка, украшенная бисером	Эяк
2868 / 237	»	»

Женская рубаша и сапоги составляют костюм богатой индейки, они украшены орнаментом из белого и черного бисера. Лук из собрания Е.А. Борисова выявить не удалось, стрелы находились в колчане из белой замши, раскрашенном фигурами животных и сценами охоты. Этот предмет относится к уникальным экспонатам Музея [Ганюшкина, Разумовская, Шаврина 1973: № 9–11]. Что касается корзинок, то они поступили в Музей в 1863 г. В списке этой коллекции указано четыре корзины, две индейцев хайда и две индейцев эяк, которые Е.А. Борисов приобрел на острове Нучек (современный Хинчинбрук); здесь находился Константиновский редут, через который Российско-Американская компания вела торговлю с чугачами и эяк [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 60]. Так как корзины № 2868 / 236, 237 ни по технике плетения, ни по форме, ни по украшениям из бисера не могут быть изделиями индейцев хайда, то можно отнести их к изделиям индейцев эяк. Это единственные предметы быта этих индейцев в Музее (рубаша № 561 / 3 и № 633 / 31 имеют спорную этническую принадлежность).

Собрание А.Ф. Кашеварова

Коллекция Аполлона Филипповича Кашеварова была отправлена в Музей в августе 1866 г. и получена в Петербурге в 1868 г. К настоящему времени не удалось выявить ни одного предмета из этого собрания, поэтому приведем его список, он может быть полезен при дальнейшей атрибуции этой коллекции [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. № 8. Л. 29^{об}]:

В Императорский Зоологический Музей от Аполлона Кашеварова к е.в. Илье Гавриловичу Вознесенскому, следуют нижеследующие вещи, а именно:

11 августа 1866 года

1 ящичек, в нем: 8 шт. Колибри с о-ва Ситхи.

Алеутские изделия.

1 мешок из сивучьих кишок, в нем:

2 радикуля из сивучьих горлов.

2 пузыря медвежьих.

2 портфеля из сивучьих кишок.

13 поддонов разных, сплетенных из травы.

1 пузырь сивучьих.

1 чепчик из сивучьих кишок. (Возвращен)⁴.

2 модели алеутских байдарок из моржовой кости...

3 древка плетеные с птицами, работы кадыкских алеут.

1 камлея кишечная.

1 юбка с кофтой женские из сивучьих кишок. (Возвращено).

1 модель 3-х лючной кадыкской байдарки в натуральном виде, которая может быть в длину не более 3-х сажень или около того.

2 маута Алеутских (линей).

1 парка из ровдуги, одежда кенайцев...

Ап. Кашеваров.

На этом документе сделана приписка: «Костюмы возвращены все обратно г-ну Аполлону Кашеварову в ноябре 1868. И. Вознесенский».

⁴Надписи в скобках сделаны рукой И.Г. Вознесенского.

Собрание Г. Чудновского

В мае 1891 г. МАЭ получил коллекцию по культуре тлинкитов от православного миссионера с Аляски Георгия Чудновского (№ 211). Первоначально она состояла из 39 номеров и 96 предметов, сейчас несколько предметов из этого собрания находятся на временном хранении в Музее истории религии.

Основную часть коллекции Г. Чудновский приобрел на Адмиралтейском острове летом и осенью 1890 г. Среди этих вещей находились шаманский наголовник с миниатюрной маской (№ 211 / 3), костяная фигурка «древнего божества» (№ 211 / 24) и костяной амулет в виде орлиной головы (№ 211 / 25). Г. Чудновский отмечал, что за эти предметы американцы предлагали ему более ста долларов.

В письме к сотруднику Ботанического сада К.И. Максимовичу от 10 ноября 1890 г. он писал: «Я был командирован в восточную часть Аляски на Адмиралтейский остров, для проповеди тамошним полудиким жителям – индианам-колошам. Двукратная командировка состоялась весьма удачной: так, что в полугодичное мое пребывание на острове, по воле Всевышнего, построил часовню в честь Св. Апостола Андрея Первозванного и всех жителей около 500 душ обоего пола просветил Св. Крещением и научил первым началам божественной религии. В числе жителей было окрещено мною четыре первенствующих в стране тоена и четыре шамана, от которых я успел приобрести несколько глубоочтимых жителями вещей, как святыня и редкость. Всех имеющихся у меня таковых вещей, прилагаю при сем список и всепокорнейше Вас прошу, порекомендуйте, куда бы их передать в музей, так как они ценны даже здесь в Америке» [Опись коллекции № 211: Л. 25–26].

Ниже приводится список коллекции Г. Чудновского, которая зарегистрирована под № 211. Порядковые номера списка соответствуют номерам предметов в коллекции [Опись коллекции № 211: Л. 21–24].

Список шаманских вещей, приобретенных на Адмиралтейском острове, в Аляске, игуменом Георгием Чудновским.

1. Цак. Каменное резное кольцо, носимое шаманами, на персях (на груди. – С.К.), как особенная святыня, во время нарочитых оргий. Шаманы уверяли меня, что без этого знака и «Шейшюх» они бессильны в своих магических действиях.

2. Шейшюх. Эта чудовищная резная фигура на дереве, во время пляски и какого-то иступления шамана, будто говорит шаману – кто именно виновник болезни больного. Тогда родственники больного, при участии самого шамана, делают расправу с преступником, как видно на посылаемых фотографических снимках (два фотогр. снимка а и б) (шаманская погремушка в виде птицы. – С.К.)

3. Хлюку. (наголовник с миниатюрной мужской маской. – С.К.).

4. Кляхкыт-куч. (маска в виде волчьей головы. – С.К.).

5. Кляхкыт-ка. (мужская маска. – С.К.).

6. Кляхкыт-шават. (женская маска с лабреткой в нижней губе. – С.К.).

7. Кляхкыт-куштাকা. (мужская маска, вероятно, изображает духа-выдры. – С.К.)

8. Хлюку-каккаты. (миниатюрная мужская маска. – С.К.).

9. Кляхкыт. (мужская маска. – С.К.).

10. Тахкицыты. Три ручные брызготки (погремушки с клювами топорка. – С.К.)

11. Атхааку. Два восьмирожника для головы (шаманские головные уборы. – С.К.).

Маски, употребляемые шаманами, смотря по роду болезни.

12. *Ихт-шахау*. Волоса мнимого чудодейца, давнего шамана (шаманский головной убор с пучками человеческих волос. – С.К.).
13. *Хлюку*. (шаманский головной убор с человеческими волосами. – С.К.).
14. *Екчины*. Перяной головной убор.
15. *Шата-Кучхлите*. Шаманские шляпы, с волчьим хвостом.
16. *Кет*. Два передника с брязготками (подвесками из клювов топорка. – С.К.).
17. *Тек*. Кожаный нагрудник.
18. *Ихт-кау*. Шаманский барабан и к нему семь деревянных палочек. Шаман в виду больного бьет в барабан и поет, а родственники больного, усевшись кругом огня, нарочито приготовленными палочками ударяют в пол и припевают.
19. *Сакс-кутл*. Лук с двумя стрелами, которыми шаман будто заочно наносит раны своему личному врагу. (Лук не был получен)⁵.
20. *Хлюкохля*. Деревянная сабля (двухсторонний деревянный нож. – С.К.).
21. *Ныят*. Из толстой кожи тоенская однорукавая одежда, которую употребляли еще не так давно в междоусобной войне с островитянами (боевая рубаша из толстой лосиной кожи. – С.К.).
22. *Хлита*. Тоенский нож, которым убивали калгов – рабов во время своих празднеств, при постройке домов и по смерти тоена (кинжал с деревянной рукоятью, верхняя часть которой вырезана в виде головы медведя – С.К.).
23. *Тлеусик*. Два тоенских деревянных блюда, из которых употребляли рыбий жир, сушеную рыбу и прочие.
24. Мраморная резная фигура древнего божества (амулет из кости в виде двойной фигуры, внутри большой фигуры помещена фигурка человека. – С.К.).
25. *Чак-ша*. Орлиная голова.
26. *Цасаху*. Шапка, из детеныша-зародыша нерпы.
27. *Тукотахл*. Оленьи охотничьи панталоны.
28. *Куэхл*. Мешочек из кожи животного рысей породы.
29. *Ецтахл*. Восемь ложек из оленьего рога (вероятно, из рога горного барана. – С.К.).
30. *Канух*. Два костяных зуба, которые старые индианки носят под нижней губой (две втулки-лабретки – С.К.).
31. *Хлякас*. Морская капуста, которую индиане-колоши употребляют как настоящий хлеб, а иногда и варят.
32. Мраморное древнее божество (амулет из зуба медведя. – С.К.).
33. Костяные вещи, 22 штуки, относятся к № 17 (нагрудник) (шаманское ожерелье из костяных подвесок. – С.К.).
34. Челюсть неизвестного животного, употребляется шаманами (челюсть лося. – С.К.).
35. Рукоделия индиан (10 штук) (плетеные из елового корня – корзинка с крышкой, табакерка, бокал, футляр для бутылочки, подставки в форме тарелок. – С.К.).
36. Алеутская байдарочка из Кадьяка (модель каяка. – С.К.).
37. Деревянная фигура (амулет в виде антропоморфной фигуры. – С.К.).
38. Пять штук раковин для подвесок.
39. Деревянный сосуд для жира.

Из состава коллекции одно из плетеных изделий – модель европейской шляпы-цилиндра (№ 211 / 35 / 4) – позднее было перерегистрировано под № 2520 / 24. Как видно из списка, к большинству предметов Г. Чудновский привел тлинкитские названия, что представляет большой интерес при их атрибуции. Ценность коллекции возрастает в связи с тем, что она относится к числу одной из последних коллекций Музея, собранной на Аляске, кроме того, в ее формировании принимали участие тлинкиты, которые предоставили Г. Чудновскому старинные для того времени вещи.

Собрание цесаревича Николая Александровича

Еще одним оригинальным собранием Музея по народам Русской Америки является коллекция по алеутам Командорских островов, получен-

⁵Надпись в скобках сделана другой рукой.

ная от цесаревича Николая Александровича (№ 313). Эта коллекция была подарена цесаревичу в 1891 г., когда он совершал путешествие по странам Востока. Предполагалось, что во время этого путешествия Николай Александрович посетит Командорские острова, но этого не произошло; коллекция, приготовленная для него алеутами, впоследствии была передана цесаревичу. В Музей она поступила только в 1896 г., так как после возвращения в Петербург была организована выставка подарков, которые цесаревич Николай Александрович получил во время путешествия. Коллекция представляет большой научный интерес как одно из первых собраний Музея по обособленной группе алеутов Командорских островов.

Первая партия алеутов была завезена на Командорские острова Российско-Американской компанией в 1825 г., последняя – в 1872 г. с острова Атту. На Командорах алеуты жили двумя обособленными группами. Алеуты, происходившие с Уналашки и других Лисьих островов, жили в основном на острове Беринга, алеуты, происходившие с Атки, Атту и других Ближних и Андреяновских островов, проживали на острове Медном. Ко времени формирования коллекции в 1890 г. алеуты Командор подверглись сильному влиянию как русской, так и американской культур (в 1871 г. на двадцать лет острова были сданы в аренду американской торговой компании). Несмотря на это, они еще сохраняли навыки изготовления многих предметов традиционной культуры, о чем и свидетельствует коллекция № 313.

Всего в ее составе 24 номера, которые объединяют несколько десятков предметов. Это модели байдарок с фигурками охотников: однолючная (№ 313 / 48), двухлючная (№ 313 / 49) и трехлючная (№ 313 / 50). Также имеется модель большой открытой лодки-байдары с одиннадцатью фигурами охотников. Такие лодки использовались при промысле китов и для перевозки женщин с детьми. Редким экспонатом является модель алеутского полуподземного жилища, в конструкции которого видны следы русского влияния: входное отверстие в крыше традиционного алеутского жилища заменено дверью в боковой стене жилища. Европейское влияние проявилось в изготовлении ловушек для промысла песцов (№ 313 / 52, 54–57) и в детском костюме, который, хотя и сделан из кишок, но представляет собой не камлейку, а рубаху со штанами (№ 313 / 66). Сувенирным экспонатом является морской Андреевский флаг, сделанный из кишок и кожи (№ 313 / 68). Также европейское влияние легко увидеть в лыжах с посохом (№ 313 / 51 / 1–3) и в детской игре (№ 313 / 67).

К изделиям традиционной алеутской культуры в этой коллекции относятся корзина (№ 313 / 53), сеть для ловли птиц (№ 313 / 59), метательный гарпун (№ 313 / 60), метательная дощечка (№ 313 / 61), сачок для промысла птиц (№ 313 / 62), кожаная сумка (№ 313 / 63), «плясовой костюм прежних времен» (№ 313 / 64), парка из птичьих шкурок (№ 313 / 65), два танцевальных головных убора (№ 313 / 68, 70) и стрела для охоты на птиц (№ 313 / 60), которая была перерегистрирована под № 2868 / 179.

Заключение

Во второй половине XIX в. поступление в Музей коллекций с территории Русской Америки значительно сократилось по сравнению с предшествующим периодом. Это было вызвано как общим кризисом в деятельности Российско-Американской компании в середине XIX в., который привел к продаже российских колоний в Америке в 1867 г., так и кризисом в Музее, пик которого пришелся на середину XIX в. В это время Музей из просветительского и научного учреждения практически превратился в склад, где вновь поступающие коллекции не распаковывались и не выставлялись, а десятилетиями хранились в ящиках и сундуках. В этот период американское собрание Музея почти не пополнялось. Коллекции поступали случайно, во многом благодаря деятельности И.Г. Вознесенского, которому их посылали его корреспонденты.

Этническая принадлежность и время бытования нескольких сотен предметов, перечисленных в работе, были уточнены на основе изучения документов собирателей, путем сопоставления друг с другом экспонатов, собирательских списков, музейных этикеток. Привлекались описания предметов из публикаций собирателей, а также из музейной и архивной документации, иллюстративный материал – рисунки экспонатов из альбомов и публикаций собирателей. Изучение комплекса источников позволило провести документальную атрибуцию собрания МАЭ по народам Русской Америки. Ко многим предметам приведены их местные названия. В ряде случаев уточнены сведения о назначении экспонатов: рыболовная сеть (по описи) оказалась головным убором, костяные серьги индейцев Калифорнии (по описи) оказались приспособлением для наматывания ниток эскимосов и т.д. Определено функциональное назначение ряда предметов: боевые шлемы оказались церемониальными, шаманские погремушки – ритуальными погремушками вождей и т.д. На основе данных собирателей уточнены сведения о материале ряда предметов. Определены собирательские комплексы предметов: комплекс, состоящий из алеутской байдарки и относящихся к ней орудий охоты, комплекс боевого снаряжения тлинкитов, комплексы одежды ряда народов Аляски и т.д. Проведенное исследование делает музейные экспонаты более достоверным источником при реконструкции отдельных элементов традиционной культуры народов Аляски и Калифорнии.

Библиография

- Авдеев А.Д. Маска. (Опыт типологической классификации по этнографическим материалам) // Сб. МАЭ. 1957. Т. 17. С. 232–344.
- Авдеев А.Д. Алеутские маски в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Сб. МАЭ. 1959. Т. 18. С. 279–304.
- Алексеев А.И. Илья Гаврилович Вознесенский. М., 1977.
- Атрибуция музейного памятника. Справочник / Под ред. И.В. Дубова. СПб. 1999.
- Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1779.
- Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800.
- Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.;Л., 1946.

- Бломквист Е.Э.* Рисунки И.Г. Вознесенского // Сб. МАЭ. 1951. Т. 13. С. 230–303.
- Бломквист Е.Э.* История изучения в России языков североамериканских индейцев (из архива МАЭ) // Сб. МАЭ. 1975. Т. 31. С. 94–117.
- Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.;Л., 1940.
- [*Ваксель С.*] В Государственную Адмиралтейств-Коллегию Всепокорнейший Репорт // Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.;Л. 1940а. С. 138–151.
- Вениаминов И.Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. I–III.
- Волков Ф.К., Руденко С.И.* Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 155–200.
- [*Ганюшкина Т., Разумовская Р., Шаврина И.*] Музей антропологии и этнографии=Museum of Anthropology and Ethnography. Л., 1973.
- [*Георги И.И.*] Описание всех в российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновения, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1799.
- Гильзен К.К.* Илья Гаврилович Вознесенский: К столетию со дня рождения // Сб. - МАЭ. Пр., 1916. Т. 3. С. 1–14.
- Гильсен К.К.* Путешествие на шлюпе «Благонамеренный» // Отечественные записки. 1849. Т. 66. № 9. С. 112–168. Т. 67. № 10. С. 169–196.
- [*Глотов С.Г.*] Из рапорта С.Г. Глотова Т.И. Шмалеву о плавании на судне «Св. Андреян и Наталья» в 1762–1766 гг. на Алеутские острова и открытия о-ва Кадьяк. 1766 г. августа 22 // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М., 1989. С. 101–110.
- Головин В.М.* Путешествие на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах. М., 1965.
- Дзенискевич Г.И.* Охотничий и рыболовный промысел у танаина (Аляска) в XIX в. // Сб. МАЭ. 1975. Т. 31. С. 52–68.
- Дзенискевич Г.И.* О культовых элементах в орнаменте из игл дикобраза у атапасков Аляски // Первобытное искусство. Новосибирск., 1976. С. 166–175.
- Дзенискевич Г.И.* Вклад русских путешественников в этнографию атапасков Аляски (XVIII–XIX вв.) // ОИРЭФА. Вып. VII. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 104). Л., 1977. С. 77–88.
- Дзенискевич Г.И.* Коллекция А.Ф. Кашеварова в североамериканском собрании МАЭ // Сб. МАЭ. 1980. Т. 35. С. 178–182.
- Дзенискевич Г.И.* Медведь в искусстве индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки // Сб. МАЭ. 1985. Т. 40. С. 59–73.
- Дзенискевич Г.И.* Атапаски Аляски. Очерки материальной и духовной культуры. Конец XVIII – начало XX в. Л., 1987.
- Дзенискевич Г.И.* К ранней истории русско-тлинкитских отношений // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992. С. 64–73.
- Дзенискевич Г.И.* Шаманские предметы в коллекции Г. Чудновского // Американские аборигены и их культура. СПб., 1998. С. 82–99.
- Дзенискевич Г.И.* Женские маски тлинкитских шаманов // Американские аборигены и их культура. СПб., 1998а. С. 100–110.
- Дивин В.А.* Великий русский мореплаватель А.И. Чириков. М., 1953.
- Дорошин П.П.* Из записок, веденных в Русской Америке // Горный журнал. М., 1866. Ч. I. № 3. С. 365–400.
- Зиберт Э.В.* Коллекции первой половины XIX в. по северным атапаскам // Сб. МАЭ. 1967. Т. 24. С. 55–84.
- Зубов Н.Н.* Отечественные мореплаватели исследователи морей и океанов. М., 1954.
- Зубкова З.Н.* Алеутские острова. М., 1948.
- Иванов С.В.* О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов // Сб. МАЭ. 1949. Т. 11. С. 162–170.
- Иванов С.В.* Сидячие человеческие фигурки в скульптуре алеутов // Сб. МАЭ. 1949а. Т. 12. С. 195–212.
- Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.;Л., 1954. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 22).
- Иванов С.В.* Орнамент // Историко-этнографический атлас народов Сибири. М., 1961.
- Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.;Л., 1963. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 81).

Иванова Л.А. Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры: проблемы источниковедения и атрибуции. М., 2005.

Из вахтенного журнала пакетбота «Св. Петр» о плавании к берегам Америки. 1741 г. мая 24 – декабря // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 232–249.

Из воспоминаний Дж. Ледиарда (о. Уналашка, октябрь 1778 г.) // Россия и США: становление отношений 1765–1815. М., 1980. С. 46–50.

Из журнала И.И. Биллингса. Описание Алеутских островов. 1790–1791 // Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 379–392.

Каталог предметов, собранных от разных учреждений и лиц Императорским Русским Географическим обществом. СПб., 1879.

Каталог моделей кораблей Центрального Военно-Морского музея / Под. ред. И.М. Кушелева. Л., 1960.

Кинжалов Р.В. К истории американского отдела МАЭ // Сб. МАЭ. 1980. Т. 35. С. 166–172.

Климова Н.З. Собрание экспедиции Дж. Кука в коллекциях МАЭ и зарубежных музеях // Сб. МАЭ. 1984. Т. 39. С. 161–169.

Кожин П.М. Плетеные сосуды индейцев Калифорнии // Сб. МАЭ. 1967. Т. 24. С. 124–139.

Кожин П.М. Этногеографические наблюдения И.Г. Вознесенского в Калифорнии // ОИРЭФА. 1977. Вып. VII. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 104). С. 66–76.

Кондратенко А.П., Прокофьев М.Н. Проблемы этнической антропологии, археологии и этнографии айнов. М., 1989. Ч. III. Алеуты и айны. Репринт. Южно-Сахалинск.

Корсун С.А. К истории североамериканских коллекций МАЭ // Американские аборигены и их культура. СПб., 1998. С. 122–149.

Корсун С.А. К вопросу о происхождении тлинкитских накидок из коллекции Дж. Кука // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 76–81.

Корсун С.А. Вклад И.Е. Вениаминова в изучение этнографии тлинкитов (миссионерская и научная деятельность) // Научный вестник. Вып. 9. Актуальные проблемы археологии и этнографии Ямала. Салехард, 2002. С. 76–84.

[Корсун С.А., Таксами Н.Ч., Ушаков Н.В.] Сокровища Кунсткамеры. Алеуты: какими их увидел В. Йохельсон = Treasures of the Kunstkamera. Aleuts: how they were seen by V. Iokhelson. СПб., 2001.

Кук Дж. Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом Океане в 1776–1780 гг. М., 1971.

Купина Ю.А. Потребление табака у народов Северо-Восточной Сибири и Аляски: Этнокультурный аспект традиции // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. СПб., 1995. Вып. 2. С. 85–115.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб., 1994. Т. 1.

Лазарев А.П. Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг. М., 1950.

Лебедев Д.М. Плавание А.И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. М., 1951.

Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга. М., 1988.

Липшиц Б.А. Этнографические материалы по северо-западной Америке в архиве И.Г. Вознесенского // ИВГО. 1950. Т. 82. Вып. 4. С. 415–420.

Липшиц Б.А. А.Ф. Кашеваров как исследователь Аляски // СЭ. 1952. № 1. С. 175–178.

Липшиц Б.А. О коллекциях Музея антропологии и этнографии, собранных русскими путешественниками и исследователями на Аляске и в Калифорнии // Сб. МАЭ. 1955. Т. 16. С. 358–369.

Липшиц Б.А. Л.А. Загоскин, как исследователь Аляски // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956. С. 385–398.

Липшиц Б.А. Описание коллекции Л.А. Загоскина // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956а. С. 449–452.

- Липшиц Б.А. Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях первой половины XIX в. // ОИРЭФА. 19566. Вып. I. С. 299–322. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 30).
- Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947.
- Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». М., 1948.
- Ляпунова Р.Г. Музейные материалы по алеутам. Орудия охоты алеутов (по материалам МАЭ) // Сб. МАЭ. 1963. Т. 21. С. 149–171.
- Ляпунова Р.Г. Морской зверобойный промысел алеутов XVIII–XIX вв. (орудия и средства охоты): по материалам МАЭ. М., 1964.
- Ляпунова Р.Г. Алеутские байдарки // Сб. МАЭ. 1964а. Т. 22. С. 223–242.
- Ляпунова Р.Г. Экспедиция И.Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // Сб. МАЭ. 1967. Т. 24. С. 5–33.
- Ляпунова Р.Г. Зооморфная скульптура алеутов // Экспедиция И.Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // Сб. МАЭ. 1967а. Т. 24. С. 38–54.
- Ляпунова Р.Г. Плетеные изделия алеутов // Сб. МАЭ. 1975. Т. 31. С. 36–51.
- Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII – первая половина XIX в.). Л., 1975а.
- Ляпунова Р.Г. О происхождении обрядовых головных уборов алеутов // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 157–165.
- Ляпунова Р.Г. Коллекция Северо-Восточной географической экспедиции в собрании МАЭ // Сб. МАЭ. 1980. Т. 35. С. 173–177.
- Ляпунова Р.Г. Головные уборы алеутов в собрании МАЭ // Сб. МАЭ. 1985. Т. 40. С. 4–49.
- Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л., 1987.
- Ляпунова Р.Г. Празднества эскимосов острова Кадьяк // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 71–88.
- Ляпунова Р.Г. Маски и другие атрибуты праздничных представлений эскимосов о. Кадьяк в собрании МАЭ // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. СПб., 1997. Т. 1. С. 166–184.
- Ляпунова Р.Г. Этнографические коллекции по эскимосам – конягам в собрании МАЭ // Американские аборигены и их культура. СПб., 1998. С. 8–31.
- [Мерк К.] Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в Охотске // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795. Магадан, 1978. С. 59–97.
- Народы Америки / Под ред. А.В. Ефимова, С.А. Токарева М., 1959. Т. 1.
- Огородников С.Ф. Модель-камера, впоследствии Морской музей имени императора Петра Великого. Исторический очерк. СПб., 1909.
- Окладникова Е.А. Калифорнийская коллекция И.Г. Вознесенского и проблема древних культурных связей Азии и Америки // Сб. МАЭ. 1981. Т. 37. С. 54–67.
- Окладникова Е.А. Калифорнийские коллекции И.Г. Вознесенского в МАЭ // СЭ. 1984. № 4. С. 92–102.
- Окладникова Е.А. Калифорнийские коллекции МАЭ // Сб. МАЭ. 1985. Т. 40. С. 111–165.
- Окладникова Е.А. Российские Академии наук и художеств в судьбе американской этнографической коллекции капитана В.М. Головнина в Кунсткамере // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 2–3. С. 232–248.
- Окладникова Е.А. Семантика перламутровых кулонов в церемониальном искусстве индейцев Калифорнии // Открытие Америки продолжается. СПб., 1993а. Вып. 1. С. 54–73.
- Окладникова Е.А. Этнографические наблюдения русских моряков, путешественников, дипломатов и ученых в Калифорнии в начале и в середине XIX в. (обзор источников) // Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М., 1994. С. 255–343.
- Окладникова Е.А. Кунсткамера и ее ранние североамериканские коллекции // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 29–60.
- Окладникова Е.А. История тлинкитских коллекций МАЭ // Материалы научно-практической конференции «Проблемы изучения и популяции традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока России». Хабаровск, 1996. С. 74–79.
- Окладникова Е.А. Дж. Кук, И. Вознесенский и перьевые одеяла индейцев – конкоу // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. СПб., 1997. Т. 1. С. 151–165.

- Окладникова Е.А. К вопросу этнической идентификации ушных украшений индейцев Калифорнии // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. СПб., 1997а. С. 185–201.
- Орлова Е.П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. Новосибирск, 1964.
- Петухов Е.В. Юрьевский университет за 100 лет его существования. Юрьев, 1902.
- [Пиль И.А.] Всеподданнейший рапорт иркутского генерал-губернатора И.А. Пилья. 1790 г. февраля 14 // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках. М.;Л., 1944. С. 104–114.
- Путешествия и исследования лейтенанта Л. Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956.
- Разумовская Р.С. Плетеные изделия северо-западных индейцев // Сб. МАЭ. 1967. Т. 24. С. 93–123.
- Разумовская Р.С. Предметы материальной культуры индейцев-тлинкитов побережья Аляски в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии Наук СССР // Страны и народы Востока. М., 1968. Вып. VI. С. 20–28.
- Разумовская Р.С. Символический орнамент северо-западных индейцев // Сб. МАЭ. 1985. Т. 40. С. 74–90.
- Рапорт иркутского генерал-губернатора И.А. Пилья. 1790 г. февраля 13 // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 295–304.
- Рапорт морехода И. Соловьева прапорщику Т.И. Шмалеву об его пребывании на Алеутских островах в 1764–1766 гг. 1766 г. июля 28 // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 146–170.
- Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлингитскому шаманству // Сб. МАЭ. 1927. Т. 6. С. 79–114.
- Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлингитам. Очерк II. Церемониальные принадлежности // Сб. МАЭ. 1929. Т. 8. С. 270–301.
- Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлингитам. Очерк III. Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сб. МАЭ. 1930. Т. 9. С. 167–186.
- Розина Л.Г. Коллекция Джеймса Кука в собраниях Музея антропологии и этнографии // Сб. МАЭ. 1966. Т. 23. С. 234–253.
- Романовский А.Д. Пятилетние медицинские наблюдения в колониях Российско-Американской компании // Журнал Министерства внутренних дел. М., 1849. Ч. 25. С. 105–130.
- Россия – Америка: 300 лет в книгах, картах, документах: Каталог выставки = Russia and America: 300 years through books, maps and documents: Exhibition Catalogue. СПб., 2003.
- Русская Америка в «Записках» Кирилы Хлебникова. Ново-Архангельск / Под ред. С.Г. Федоровой. М., 1985.
- Русская Америка: по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / Под ред. А.Д. Дридзе, Р.В. Кинжалова. М., 1994.
- Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
- Свет Я.М. Джеймс Кук. М., 1979.
- Сергеев Д.А. Железные резцы из сборов И.Г. Вознесенского // Сб. МАЭ. 1967. Т. 24. С. 34–37.
- Синицын А. Оружие и боевое снаряжение японских самураев: Каталог коллекций МАЭ. СПб., 1999.
- Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию флота капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского на корабле «Нева». СПб., 1812.
- Сокровища Кунсткамеры. Из фонда фото-иллюстративных коллекций = Treasures of the Kunstkamera: a guide to the photo-illustrative collections. СПб., 2001.
- Станюкович А.К. Георг Вильгельм Стеллер и его «Дневник» // Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки, 1741–1742. М., 1995. С. 5–14.
- Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.;Л., 1953.
- Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978.
- Стеллер Г.В. Из Камчатки в Америку. Л., 1927.
- [Стеллер Г.В.] Из рапорта адъютанта Академии наук Г.В. Стеллера Сенату об исследовании побережья Северной Америки, изучении жизни и быта населяющих ее народов во время плавания на пакетботе «Св. Петр». 1742 г. ноября 16 // Русские

экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 270–273.

Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки, 1741–1742. М., 1995.

Степанова М.В. И.Г. Вознесенский и этнографическое изучение северо-запада Америки (к 100-летию его экспедиции) // ИВГО. 1944. Т. 76. Вып. 5. С. 277–279.

Степанова М.В. Из истории этнографического изучения б. русских владений в Америке // СЭ. 1947. № 3. С. 141–144.

Степанова М.В. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ // Сб. МАЭ. 1949. Т. 11. С. 62–72.

Труфанов И.П. Кенайские томагавки из этнографической коллекции И.Г. Вознесенского // Сб. МАЭ. 1967. Т. 24. С. 85–92.

Феест К. Искусство коренных народов Северной Америки. М., 1985.

Фрадкин Э.Е. Полиэikonия в искусстве тлинкитов // Сб. МАЭ. 1985. Т. 40. С. 91–110.

[Хитрово С.] Выписки из судового журнала, веденного на пакетботе «Св. Петр» С. Хитрово // Экспедиция Беринга. М., 1941. С. 339–360.

Черкашина А. Забытые рисовальщики Второй Камчатской экспедиции // Известная Камчатка. 1998. № 1. С. 4–11.

[Чириков И.А.] Выписка из судового журнала «Св. Павла» о людях, приезжавших к пакетботу. 1741 г. декабря 7 // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 106–110.

[Чириков А.И.] Рапорт А.И. Чирикова в Адмиралтейств-коллегию о плавании к берегам Америки. 1741 г. декабря 7 // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 222–231.

Шафрановская Т.К. Народы Камчатки и прилегающих островов (Известие 1770 года) // Страны и народы Востока. М., 1968. Вып. VI. С. 61–67.

Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971.

Штейн Ф. Изъяснение рисунка, представляющего вулканический остров Св. Иоанна Богослова, или Агашагоха. СПб., 1825.

Штейн Ф. Описание огнедышащей горы Лисьего острова Уналашка // Хвостов Д.И. Русские мореходцы на Ледовитом океане. СПб., 1825а.

[Штернберг Л.Я., Ольденбург С.Ф. и др.] Музей антропологии и этнографии за 12-летнее управление В.В. Радлова // Ко дню 70-летия Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907. С. 27–107.

[Штернберг Л.Я. и др.] Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого // Материалы для истории академических учреждений за 1899–1914 гг. Пг., 1917. Т. 2. Ч. 1. С. 241–307.

Шур Л.А. Художник – путешественник Михаил Тиханов // Латинская Америка. 1974. № 5. С. 163–180.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. / Под ред. З.Д. Титовой. Магадан, 1978.

Alekseev A.I. The Odyssey of a Russian Scientist: I.G. Voznesenskii in Alaska, California and Siberia, 1839–1849. Kingston, Ontario, 1987.

Appeasing the Spirits: Alaskan Coastal Cultures / Ed. by J. Oakes, R. Riewe. Toronto, 2004.

Arktiset sivilisaatiot. Elämää Beringnsalmen rannoilla. Tampere, 2002.

Arte del pueblo Tlingit. Palma de Mallorca, 1996.

Avdeev A.D. Aleutische Masken in den Sammlungen des Museums für Anthropologie und Ethnographie // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. 1964. Bd. 20. S. 413–433.

Bates C.D. The California Collection of I.G. Voznesenski // American Indian Art Magazine. 1983. V. 8. No. 3. P. 36–41.

Black L.T. Aleut Art. Anchorage, 1982.

Black L.T. Aleut Art. Anchorage, 2003.

Black L.T. Glory remembered. Wooden headgear of Alaska sea hunters. Juneau, 1991.

Blackburn T.C., Hudson T. Time's flotsam overseas collections of California Indian material culture // Ballena Press anthropological papers. No. 35. Santa Barbara, 1990. P. 149–152, 197–201.

- Blomkwist E.E.* Russian Scientist Expedition to California and Alaska, 1839–1849 // Oregon Historical Quarterly. 1972. V. 73. № 2. P. 101–170.
- Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska* / Ed. by Fitzhugh W.W., Crowell A. Washington, D.C., 1988.
- Dseniskevich G.I.* La collection Tlingite dans le Musee d'Anthropologie et d'Ethnographie // Pre-Columbian Collections in European Museums. Budapest, 1987. P. 181–189.
- Dseniskevich G.I.* La coleccion Tlingit de la Kunstkamera de San Peterburgo // Arte del pueblo Tlingit. Palma de Mallorca, 1996. P. 35–47.
- Esperits de l'Aigua.* Art d'Alaska i la Columbia Britanica. Barcelona, 1999.
- Emmons G.T.* 1991. The Tlingit Indians. Seattle–London, 1977.
- Its R.* Peter the Great museum of anthropology and ethnography. Leningrad, 1989.
- Ivanov S.V.* Aleut hunting headgear and its ornamentation // Proceedings of the XXIII International Congress of Americanists, 1928. New York, 1930. P. 477–504.
- Kaepler A.L.* «Artificial Curiosities»: An exposition of native Manufactures collected the three Pacific Voyages James Cook. Honolulu, 1978.
- Kinzhalov R.V.* History of the American collections in the Museum of Anthropology and Ethnography // Cultures of the Bering Sea region: Papers from International Symposium. 1983. № 7. P. 311–324.
- Kodiak, Alaska.* Les masques de la collection Alphonse Pinart. Paris, 2002.
- Korsun S.A.* The History of Kunstkamera's Collection of the Peoples of Alaska and California // «Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867» Cook Inlet Historical Society Symposium. Anchorage, 2000.
- Kojean P.M.* Woven vessels of the California Indians // Mapon papers. San Rafael, 1979. № 4. P. 1–21.
- Küpfer zur Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebrauche, Kleidungen und ubrigen Merkwürdigkeiten.* SPb., 1776.
- Liapunova R.G.* Eskimo Masks from Kodiak Island in the Collections of the Peter Great the Museum of Anthropology and Ethnography in St. Petersburg // Anthropology of the North Pacific Rim / Ed. by W.W. Fitzhugh, V. Chaussonnet. Washington; London., 1994. P. 175–203.
- Lyapunova R.G.* Sea Animal Hunting Practiced by Aleuts in the 18–19th centuries (Implements and Means of Hunting). According to the Materials of the Museum of the Anthropology and Ethnography // Труды VII МКАЭН. 1970. Т. 10. С. 403–410.
- Palast des Wissens.* Die Kunst – und Wunderkammer Zar Peters des Grossen. Bd. 1. Katalog. München; Dortmund, 2003.
- Russian America: The Forgotten Frontier* / Ed. by B.S. Smith, J. Barnett. Washington, 1999.
- Russov F.* Beitrage zur Geschichte der ethnografischen und anthropologischen Sammlung der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg // Сб. МАЭ. 1900. Т. 1. С. 1–32.
- Samuel C.* The Chilkat dancing blanket. Seattle, 1982.
- Samuel C.* The Raven's Tail. Vancouver, 1987.
- Schifner A.* Über die Kinaivölker im aussersten Nord-West Amerikas // Globus. 1874. Bd. 26. S. 87–88.
- Science Under Sail.* Russia's Great Voyages to America, 1728–1867. Anchorage, 2000.
- Siebert E., Forman W.* Indianerkunst der amerikanischen Nordwestküste. Praha, 1967.
- Siebert E., Forman W.* North American Indian Art: Masks, Amulets, Wood Carvings and Ceremonial Dress from North-West Coast. London, 1967a.
- Siebert E.* Sammlungen von den nordlichen Athapasken aus der ersten Hälfte des XIX j // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. 1977. Bd. 20. S. 113–131.
- Siebert E.* Northern Athapaskan Collections of the First Half of the XIX Century // Arctic Anthropology. 1980. V. 17. P. 49–76.
- Spirits of the Water.* Native Art Collected on Expeditions to Alaska and British Columbia, 1774–1910. Seattle; Vancouver, 2000.
- Svet Y.M., Fedorova S.G.* Captain Cook and the Russians // Pacific Studies. Laie, Hawaii, 1978. V. 11. № 1. P. 1–19.
- The Far North: Years of American Indian and Eskimo Art.* Washington. D.C., 2000.

The Spirit sings. Artistic traditions of Canada's first peoples. A Catalogue of the Exhibition. Toronto, 1987.

The Spirit sings. Artistic traditions of Canada's first peoples. Toronto, 1987.

Tlingit. Alte indianische Kunst aus Alaska. Zürich, 2001.

Troufanoff I. The Ahtena tomohawks in the Museum of Anthropology and Ethnography // *Current Anthropology*. 1970. V. 11. № 2. P. 155–159.

Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki, 1990.

Wunderwelt Arktiks aus der Kunstkammer St. Petersburg. Erbach, 1996.

Zimmerly D.W. 1986. Qajaq: Kayaks of Siberia and Alaska. Juneau, 1977.

Zolotarevskaja I.A., Blomkwist E.E., Zibert E.V. Ethnographical Material from the Americas in Russian Collections // *Proceedings of the XXXII International Congress of Americanists*, 1956. Copenhagen, 1958. P. 221–231.